

ИНСТИТУТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
СТРАТЕГИИ

Иммиграция как вызов национальной безопасности России

Кирилл Бенедиктов
Александр Костин
Михаил Ремизов
Ильяс Сарсембаев
Раис Сулейманов
Марат Шибутов

Под редакцией Михаила Ремизова

Доклад Института национальной стратегии

Москва 2014

Авторский коллектив доклада:

Бенедиктов Кирилл Станиславович, главный редактор интернет-издания Politconservatism.ru

Костин Александр Николаевич, заместитель генерального директора Института национальной стратегии

Ремизов Михаил Витальевич, к.ф.н., президент Института национальной стратегии

Сарсембаев Ильяс Жазитович, д.п.н. главный научный сотрудник отдела проектов в сфере международного сотрудничества ФКУ НИЦ ФСКН России

Сулейманов Раис Равкатович, эксперт Института национальной стратегии

Шибутов Марат Максумович, представитель Ассоциации приграничного сотрудничества в Казахстане.

Под редакцией М.В. Ремизова

Авторский коллектив благодарит за содействие в работе над докладом:

Александрова Михаила Владимировича, ведущего эксперта Центра военно-политических исследований МГИМО.

Ивановского Артема Леонидовича, независимого военного эксперта.

Ипполитова Ивана Ивановича, научного сотрудника сектора центральноазиатских исследований Российского института стратегических исследований.

Кашина Василия Борисовича, старшего научного сотрудника Института дальнего востока РАН.

Князева Александра Алексеевича, директора Общественного фонда Александра Князева.

Куртова Аждара Ашировича, главного редактора журнала «Проблемы национальной стратегии».

Куприянова Алексея Владимировича, корреспондента отдела «Мир» интернет-издания Lenta.ru.

Мендковича Никиту Андреевича, эксперта Российского совета по международным делам.

Муллаянова Рамиля Шамильевича, генерал-лейтенанта, экс-начальника Юго-Восточного регионального управления Федеральной пограничной службы России.

Мураховского Виктора Ивановича, главного редактора издания «Арсенал Отечества».

Пака Михаила Дмитриевича, заместителя руководителя отдела «Политика» интернет-издания Lenta.ru.

Рубанова Ивана Николаевича, специального корреспондента издания «Эксперт».

Солозובה Юрия Михайловича, директора по международным проектам Института национальной стратегии.

Собянина Александра Дмитриевича, руководителя службы стратегического планирования Ассоциации приграничного сотрудничества.

Чеботарева Андрея, директора Центра актуальных исследований «Альтернатива» (Казахстан).

Оглавление

Часть I. Внутренние риски

1. Динамика миграционного притока

1.1. Неполнота статистических данных

1.2 Численный рост миграционного контингента в крупных городах России.

2. Миграция и этническая преступность

2.1. «Старые» и «новые» диаспоры

2.2. Миграция и организованная преступность

3. Миграция и исламизм

4. Миграционное давление на регионы Сибири и Дальнего Востока.

4.1. Дальний Восток и проблема «китайского вторжения»

4.2. Исламизация Западной Сибири. «Тюменский халифат»

5. Выводы

Часть II. Внешние риски

1. Миграционный фактор в отношениях с государствами Центральной Азии

1.1. Отношения со странами-донорами миграции

1.2. Поиск адекватной модели миграционной политики в ЕАЭС – опыт Казахстана.

2. Военная политика России в Центральной Азии

2.1. Военное присутствие России в регионе. Приграничное и трансграничное сотрудничество.

2.2. Борьба вокруг базы «Манас»

3. Фактор Китая. Присутствие КНР в Центральной Азии и риски для национальной безопасности России.

3.1. Угрозы и риски национальной безопасности России со стороны Китая в Центральной Азии (оценки экспертов)

4. Оценка военно-политических рисков в регионе

4.1. Конфликты между государствами региона

Трансформационные кризисы политических режимов и исламистская угроза

Фактор Афганистана: угроза новой войны

4.4. Стратегия непрямых действий по Афганистану

5. Выводы и рекомендации

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, «национальная безопасность» - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

В понятие «национальной безопасности» входят геополитические, экономические, экологические, демографические, военные и иные компоненты. Что же касается миграционной политики, то она в той или иной степени влияет на все компоненты национальной безопасности. Это влияние можно рассматривать на трех уровнях: демографическом, экономическом и геополитическом. Социальный аспект влияния миграции на национальную безопасность явно или неявно проявляется на каждом из этих уровней.

Под «угрозой национальной безопасности» страны понимается *прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства*.¹

В данном докладе рассматривается комплексное негативное воздействие, которое оказывает миграция в Россию (преимущественно из государств Центральной Азии) на уровень национальной безопасности в стране. Делается вывод о том, что политика замещающей миграции в РФ является прямой и явной угрозой национальной безопасности России.

Все риски, связанные с миграционной политикой РФ, можно разделить на две основные группы: внутренние и внешние.

К внутренним рискам относятся:

- Фактор демографического давления на коренное население страны как следствие неконтролируемых миграционных процессов. Замещение коренного славянского населения пришлыми, по преимуществу тюркскими этносами, как правило, принадлежащими к мусульманской культуре, в тех регионах, где смертность выше рождаемости (Центральная Россия). Демографический перекоп (мигрантов больше, чем представителей коренных народностей) в слабозаселенных регионах России, в том числе, на Севере, Дальнем Востоке и Сибири.

¹<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

- Вытеснение коренного населения из сферы малого и среднего бизнеса криминальными диаспорами мигрантов. Захват традиционных сфер экономической деятельности организованными сообществами мигрантов (лесопилки, рынки и т.д.). Возникновение этнических «гетто» или «чайнатаунов» в российских мегаполисах.
- Увеличение наркотрафика, превращение РФ из страны наркотранзита в крупнейший рынок сбыта наркотиков, как растительного происхождения (опиатов, конопли), так и синтетических, в том числе, высокотоксичных.
- Превращение Западной Сибири – территории с большими запасами углеводородов и энергетической инфраструктурой – в мусульманский по преимуществу регион. Создание повышенного фона этнорелигиозной напряженности в ряде ключевых для российского ТЭК регионов.
- Рост исламизма среди мигрантов. Этнические диаспоры как центры распространения агрессивного исламизма.

К внешним рискам относятся:

- Рост радикального исламизма в Центральной Азии и на периферии зоны российского влияния, экспансия негосударственных и квазигосударственных исламистских формирований.
- Усиление социальной напряженности в странах Центральной Азии с возможным переносом ее в Россию, архаизация социальных укладов в ряде государств и регионов Центральной Азии.
- Трансформационные кризисы центрально-азиатских политических режимов как возможный спусковой механизм для межэтнической и межгосударственной напряженности.
- Возникновение вооруженных конфликтов в Центральной Азии, в том числе с участием России.
- Масштабный приток вынужденных переселенцев в РФ на фоне возможных негативных сценариев развития событий в Центральной Азии как фактор этнополитической и социально-экономической дестабилизации РФ.

Часть I. Внутренние риски

1. Динамика миграционного притока

1.1. Неполнота статистических данных

По числу принимаемых мигрантов Российская Федерация находится на первом месте в Евразии и на втором месте в мире после США. Точные масштабы внешней миграции оценить невозможно, но расчеты экспертов говорят о том, что приезжих многократно больше, чем зафиксировала последняя перепись населения 2010 г и текущая миграционная статистика.

Изучение миграционных процессов базируется на обширной, но разнородной статистической информации. В России существуют различные источники статистических данных о миграции населения. Основными из них являются переписи населения (включая микропереписи) и текущий учет. Важное значение имеет ведомственная статистика. При углубленном изучении миграции следует применять данные всех источников, добываясь их сопоставимости, т.к. все эти данные имеют существенные ограничения в плане полноты охвата мигрантов и миграционных потоков.

Со второй половины 90х годов XX в.² в статистическом учете мигрантов в РФ наблюдается системный кризис, в результате которого значительная часть фактических мигрантов остается неучтенной.³ Особенно сильно этот кризис сказался на текущем учете международных мигрантов.

Можно было бы предположить, что наиболее точной статистикой в отношении численности мигрантов обладают руководители профильных ведомств, в первую очередь, ФМС. Однако простой анализ заявлений представителей этой службы показывает очень значительный разброс данных (между официальными данными и «оценочными» заявлениями официальных лиц, а также между различными заявлениями должностных лиц).

Так, в 2012г. глава ФМС России Константин Ромодановский неоднократно называл цифру в 14 миллионов мигрантов, ежегодно въезжающих на территорию РФ большинство из которых (70–80%) составляют граждане стран

² Специалисты связывают это с введением в действие в 1996 году инструкции о применении правил регистрации по месту жительства и по месту пребывания граждан Российской Федерации, согласно которой учету как мигранты подлежат только категории граждан, регистрирующихся по месту жительства

³ Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса / «Демоскоп Weekly» № 185-186, 10-23 января 2005 года, <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php>

СНГ.⁴ Внушительные цифры регулярно назывались и до этого. Спустя месяц после окончания переписи–2010, 25 ноября 2010 г. руководитель ФМС, выступая на парламентских слушаниях в Совете Федерации, сообщил, что в России проживает 12,3 млн. иностранцев. Причём 3–3,5 млн. из них, по словам Ромодановского, находилось в России на нелегальном положении. Схожие данные встречаются у международных экспертов, в частности, ранее Международная организация по миграции (МОМ) заявила, что в России находятся 12,3 млн. мигрантов.⁵

Однако ранее, накануне переписи, в начале сентября 2010 г. Ромодановский озвучил другую цифру нелегалов, равную 4 млн. человек.⁶ Уникальность ситуации состоит в том, что при декларируемом росте валового объема иммиграции, в заявлениях ФМС фигурируют все более низкие значения. Так, по заявлению главы ФМС по состоянию на 20 ноября 2013 г., в России находились 11,1 млн. иностранных граждан.⁷ Однако, спустя чуть более двух месяцев, руководитель миграционной службы заявил о нахождении в России 10,4 млн. иностранцев.⁸

Впрочем, до этого представителями миграционного ведомства назывались более высокие оценки. Еще в январе 2006 г. В. А. Поставнин, будучи на тот момент заместителем директора ФМС, заявлял, что в России находится от 5 до 14 млн. одних только нелегальных иммигрантов.⁹ В марте того же года глава ФМС К. Ромодановский утверждал, что ежегодно в Россию на заработки приезжает 20 млн. трудовых мигрантов, среди которых 10 млн. трудятся нелегально.¹⁰

⁴ Тамара Шкель. «Арифметика миграции». // Российская газета – Федеральный выпуск № 5735 (62). 22.03.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/22/migranty.html> ; РИА Новости. «Ежегодно в Россию приезжают до 14 млн. гастарбайтеров, сообщает ФМС». 02.11.2012. URL: <http://ria.ru/society/20121102/908857122.html>; РБК. Глава ФМС: Китайская миграция России не грозит, им тут холодно. 28.12.2012. URL: <http://top.rbc.ru/society/28/12/2012/838874.shtml>.

⁵ International Organization for Migrants. Facts & Figures. URL: <http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/about-migration/facts--figures-1/europe.html>

⁶ Свободная пресса. «Граждан России в стране осталось 129 – 132 млн. человек?». 6.12.2010. URL: <http://svpressa.ru/society/article/34973>

⁷ Gazeta.Ru. «Пока погром не грянет». 21.10.2013. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2013/10/21_e_5716753.shtml

⁸ Комсомольская правда. «Глава ФМС Константин Ромодановский: Вводить визы с Центральной Азией? Рубить шашкой? Можно решить проблему спокойнее». 04.02.2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26189/3077873/>

⁹ Федеральная служба по труду и занятости. «В России легализованы 700 тыс. трудовых мигрантов». 25.01.2006. – <http://www.rostrud.ru/press-centre/46/xPages/entry.153.html>

¹⁰ Газета «Коммерсантъ». Юлия Таратута. «Мигрантам уточнят переводы». 16.08.2007

Только в течение 2007 г. на миграционный учет в России встали около 7 млн. граждан стран СНГ, российские миграционные службы выдали более 1,7 миллионов разрешений на работу иностранным гражданам, что на 70% больше, чем в 2006 г. и в 2,5 раза больше, чем в 2005 г. По утверждению миграциолога И.В. Ивахнюк, миграционные потоки на евразийском постсоветском пространстве лишь частично отражаются статистикой, хотя их массовость не подлежит сомнению.¹¹

По данным пограничного учета, интенсивность миграционных перемещений растет с каждым годом. Как сообщил заместитель руководителя Пограничной службы ФСБ России Николай Рыбалкин, количество людей и транспортных средств, ежегодно пересекающих государственную границу Российской Федерации, увеличивается. Если в 1993 г. через государственную границу РФ было пропущено более 35 млн. человек и около 5 млн. единиц транспорта, в 2000 г. – 75 млн. человек и 12 млн. единиц транспорта, то в 2011 г. – уже более 135 млн. граждан и 20 млн. единиц транспорта, что даже по сравнению с 2010 г. больше на 13% по числу граждан и на 32% по транспортным средствам.¹²

По данным пограничного контроля за четырнадцатилетний период с 1999 по 2012 гг. разница между числом прибытий и выбытий в России составила 27,75 млн. человек. Следует отметить, что в общей совокупности въездов и выездов на территорию РФ многие мигранты участвовали неоднократно, однако на длинных временных отрезках суммарный «перевес» прибытий над выбытиями подразумевает не число поездок, а конкретных оставшихся в России людей. Только за последние пять лет число прибывших превышает число выбывших на 4,68 млн. человек. Суммарно за период 2008–2012 гг. пограничной службой было зафиксировано свыше 120,45 млн. въездов иностранных граждан на территорию Российской Федерации. Число выездов из России, осуществленных лицами с иностранным гражданством, за тот же период составило 115,7 млн.

В то же время, столь высокая разница (27,75 млн. человек) между прибывшими и выбывшими не отражает всей миграционной картины, ибо начало рассматриваемого периода (1999 г.) нельзя считать начальной точкой для отсчета интенсивной внешней миграции в Россию. Для получения более детальной информации расчетный период следовало бы расширить хотя бы на 7 лет и принять за начало активной иммиграции в Россию 1992 г. Однако соответствующие данные за необходимый период (1992–1998 гг.) до сих пор не были опубликованы, вследствие чего целесообразно ограничиться более коротким временным интервалом (1999–2012 гг.), по которому имеются необходимые количественные данные.

¹¹ Ивахнюк И. В. Миграционная взаимозависимость. Часть II. Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства.// Центр Льва Гумилева – <http://www.gumilev-center.ru/migracionnaya-vzaimozavisimost/>

¹² ИТАР-ТАСС. «Границу России ежегодно пересекает 135 млн. человек – замглавы Пограничной службы Николай Рыбалкин». 28.05.2012 – <http://www.itar-tass.com/c49/431764.html>

Следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что учет пересечений российской границы является неполным. Реальное число перемещений в оба направления (в Россию и из России) может быть даже большим, чем фиксируют отечественные пограничники. Важно не забывать, что определенная часть въездов и выездов осуществляется нелегально, минуя пограничный контроль. Факты незаконного пересечения российской границы откровенно признает даже руководство пограничной службы.¹³ Разумеется, данная практика распространена в первую очередь среди незаконных мигрантов, избегающих правовых санкций, «мздоимства» и любого контакта с соответствующими службами. Критически важным фактором остается слабый контроль над протяженными участками сухопутной границы России с Казахстаном, через которую в основном и попадают в РФ мигранты из стран Центральной Азии (фактически, граница здесь существует лишь номинально). Учитывая это обстоятельство, приходится констатировать, что существующий миграционный учет, безусловно, нельзя признать достоверным¹⁴.

1.2. Численный рост миграционного контингента в крупных городах России

Отсутствие точной статистики по миграции приводит к тому, что происходит систематическая недооценка миграционного фактора и его влияния на политическую, экономическую, культурную, религиозную и т.д. сферы жизни России. В лучшем случае, специалисты обращают внимание на глобальные тенденции, связанные, например, с образованием Таможенного союза, который значительно облегчает трудоустройство в России для мигрантов из стран-членов (пока это Белоруссия и Казахстан, но в обозримой перспективе должны присоединиться Киргизия и Армения, идут разговоры о такой возможности для Таджикистана). В частности, уже отмечен рост трудовой миграции в Россию из Казахстана. Ранее казахстанской массовой трудовой миграции не было, однако в настоящее время все больше молодежи с трудоизбыточного юга Казахстана едет на заработки в Россию. Согласно данным ФМС, на конец августа 2013 года на территории России находилось более 600 тысяч граждан Казахстана. Их оказалось на 23,5 тысяч больше, чем зарегистрированных приезжих из соседней Киргизской

¹³ ИТАР-ТАСС. «Границу России ежегодно пересекает 135 млн. человек – замглавы Пограничной службы Николай Рыбалкин». 28.05.2012 – <http://www.itar-tass.com/c49/431764.html>

¹⁴ Несмотря на вышеперечисленные недостатки, количественные данные пограничного контроля обладают высокой информативной ценностью и позволяют выявить целый ряд особенностей в развитии миграционного процесса на постсоветском пространстве. Учитывая массовость миграций, сведения о прибывших и выбывших, дают исследователям возможность выявить актуальные миграционные тенденции: установить вклад каждой конкретной страны-донора в общий миграционный итог, рассчитать долевое распределение мигрантов из разных стран, изучить декларируемые цели въезда, выявить различия в масштабах эмиграции и реэмиграции интересующих государств и т. д.

Республики, то есть налицо непросчитанное создателями Таможенного союза изменение миграционных пропорций¹⁵.

Однако даже с учетом приблизительной статистики, практически все эксперты сходятся на том, что число мигрантов в Россию возрастает и будет возрастать значительными темпами. Даже по среднему прогнозу перспективных оценок Росстата, прирост числа мигрантов до 2030 г. будет существенно выше современных масштабов и составит 7,2 млн. человек.¹⁶ Что касается высокого прогноза, то согласно ему это число будет превышать 10 млн. человек.¹⁷

В российских мегаполисах увеличение числа мигрантов происходит, по понятным причинам, быстрее, чем по стране в целом. Абсолютным лидером в этом отношении является Москва, где рост населения с начала 90х годов осуществляется за счет миграции, в первую очередь, из стран ближнего и дальнего зарубежья.¹⁸

По официальным данным, в Москве число приезжих, зарегистрированных по месту пребывания, но не учитывающихся текущей статистикой в числе мигрантов, в 2003 году составило 1,0125 млн. человек (из них граждан СНГ 455,4 тыс. человек), в 2004 — 1,458 млн.; в 2005 — 1,137 млн.¹⁹ В дальнейшем эти цифры продолжали неуклонно расти, причем значительное количество приезжих получали российское гражданство и продолжали жить в столице РФ.

По Генплану 2010 года, численность населения Москвы в старых границах должна была составить 12 миллионов человек к 2025 году. Однако действительность превзошла все ожидания: население Москвы достигло этого рубежа уже сейчас, в 2014 году. До каких размеров может возрасти количество населения столицы к 2025 году, зависит от сценария, по которому будет развиваться Москва. По плану, численность населения города может достигнуть 13,5 млн. человек к 2025 году, однако с ростом количества мигрантов население Москвы увеличится до 15 млн. чел. Таким образом, даже официальные (т.е. весьма умеренные) сценарии предполагают увеличение численности населения столицы на 1,5 миллиона человек только за счет обосновавшихся в Москве мигрантов.²⁰

¹⁵Интервью с директором Аналитического центра МГИМО, доктором политических наук Андреем Казанцевым <http://www.newskaz.ru/comment/20131029/5723690.html>

¹⁶Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. М. 2010. См. также: http://www.demoscope.ru/weekly/znigi/ns_09/acrobat/glava6.pdf

¹⁷Там же.

¹⁸http://trud.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/inostrannaya_rabochaya_sila/bulletin_migr_web.pdf

¹⁹<http://polit.ru/article/2009/10/15/demoscope389/>

²⁰http://www.uvao.ru/uvao/ru/news_gov/o_625602

Уже цитировавшийся глава ФМС РФ Константин Ромодановский заявил в мае 2013 г., что с начала 2013 года на миграционный учет в Москве поставлены 500 тыс. человек. 340 тыс. осуществляют трудовую деятельность на законных основаниях²¹. Ситуация с миграцией в Москве «критическая», но «ничего смертельного в ней нет», констатировал Ромодановский.

В Санкт-Петербурге в 2012 г. было поставлено на учет около 1,7 млн. человек. Оформлено около 259 тыс. разрешений на работу, что на 74 тыс. больше, чем в 2011-м.

Этот прирост обеспечили преимущественно мигранты, прибывшие в безвизовом порядке. Основная часть выданных разрешений на работу пришлось на граждан Узбекистана (64%), Таджикистана (17%), Украины (8%) и Молдовы (4%). При этом количество высококвалифицированных специалистов, прибывших из-за рубежа, наоборот, сократилось, хоть и незначительно. Всего в 2012 году оформлено 591 такое разрешение на работу (минус 55 к показателю 2011-го). Подводить предварительные итоги этого года пока рано, но за первое полугодие 2013-го уже намечился прирост прошлогодних показателей на 16,5 тыс. – всего выдано 149 тыс. разрешений. Из них высококвалифицированным специалистам – только 352.²²

При этом квоты на привлечение иностранной рабочей силы в Санкт-Петербурге официально снижаются: с 236,5 тыс. в 2008 году до 156,5 тыс. в 2013-м, а заявленная на 2014 год еще на 20 тыс. меньше. Тем не менее, мигрантов в городе меньше не становится. Ужесточается система штрафов за прием на работу нелегальных мигрантов, но из года в год количество нарушений и наказаний лишь увеличивается, а значит, со стороны бизнеса растет и запрос на такую рабочую силу. По информации Комитета по труду и занятости Санкт-Петербурга, только при последней корректировке квоты на этот год от работодателей поступило еще 16 тыс. заявок, из которых согласована всего 1 тыс. Хотя по мнению президента Узбекской национально-культурной автономии Санкт-Петербурга Суратбека Абдурахимова, формируемые квоты реальной статистики не отображают: «Их можно повышать, понижать, но разрешение на работу всегда можно купить. Просто чем меньше квота, тем дороже оно будет стоить».²³

²¹<http://www.rosbalt.ru/moscow/2013/05/22/1131633.html>

²² Данные Комитета по труду и занятости СПб (<http://expert.ru/northwest/2013/41/migrantyi-po-vostrebvaniyu/>)

²³ Эти данные подтверждает и частота рейсов в Петербург из таких городов, как Ташкент, Душанбе или Самарканд. Так, в октябре в «Пулково» за неделю прибывает в среднем восемь рейсов из Ташкента, семь – из Самарканда и десять – из Душанбе. Причем это не самый ажиотажный месяц. В преддверии летнего сезона количество рейсов увеличивается в разы.

Что касается Северо-Западного региона в целом, то здесь наблюдается рост квоты на привлечение иностранной рабочей силы. Всего по СЗФО на начало 2013 года была заявка на 247 тыс. человек, но по итогам корректировки на август она перевалила уже за 270 тыс. Структура занятости прибывающих иностранных работников примерно одинакова по всем регионам: строительство, ЖКХ и транспорт. То есть в основном прибывает низкоквалифицированная рабочая сила. При этом если проследить за количеством и масштабами инвестиционных проектов, реализуемых в регионах, то самые крупные из них – государственные стройки. Фактически курс на повышение производительности труда объявлен, но пока государство показывает обратный пример. Бизнесу, обслуживающему масштабные госстройки, как правило, нужны тысячи рабочих рук, и в короткие сроки. Консолидировать и выискивать трудовые ресурсы из других регионов у госпредприятий времени нет. Стягивая неквалифицированные кадры под грандиозные проекты, мегаполисы получают не только дополнительную нагрузку на инфраструктуру, но и целый букет социальных проблем. По итогам исследования, проведенного Комитетом по труду и занятости Санкт-Петербурга, четверть иностранных мигрантов планируют получить российское гражданство и остаться жить в городе. И это только официальная статистика.

Схожая ситуация наблюдается в Екатеринбурге и других городах-миллионниках РФ. Львиная доля мигрантов, прибывающих в Свердловскую область, оседает в Екатеринбурге, остальные иностранцы трудятся в крупных промышленных городах области, таких как Нижний Тагил, Первоуральск, Серов. Если в целом по Свердловской области доля иностранных работников составляла в 2009-2010 гг. 5,2% от числа занятых в экономике, то в Екатеринбурге этот показатель достигал 12%, а в прочих крупных городах области – 9%²⁴

Процесс переселения мигрантов из Центральной Азии порой принимает фактор появления анклавов в крупных городах, формируемых по национальному признаку. В ряде регионов России, особенно в крупных городах, стали формироваться своеобразные этнические районы компактного проживания по типу таких, которые есть в городах Европы. Например, в Казани этнологи уже отмечают появление этнических кварталов (в первую очередь узбекского и таджикского). Узбеки и таджики стараются селиться ближе к колхозному (центральному) рынку – месту своей основной трудовой деятельности, а вновь приезжающие – подселиться к своим землякам.²⁵

Однако наряду с подобной формой самоорганизации проживания в городах мигранты начинают осуществлять процесс колонизации сельских населенных

²⁴ Девятьяров Р.С. Внешняя трудовая миграция в Свердловскую область: новые правила игры. <http://ego.uapa.ru/ru-ru/issue/2010/02/18/>

²⁵ Столярова Г.Р., Маддах Дж. Изучение таджикской общины в Татарстане: постановка проблемы // Бусыгинские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции 21 декабря 2011 года. Вып.3. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. – С.88

пунктов в регионах Европейской части России. Выбор ими деревень вызван тем, что покупка жилья (земельного участка, дома) обходится намного дешевле на селе, чем приобретение аналогичной недвижимости или квартиры в городе, а также позволяет воспроизвести уже на территории России привычный образ жизни жителя кишлака (многие мигранты – это вчерашние жители не только городов Центральной Азии, но и кишлаков). Мигрант перевозит семью, однако у него на новом месте жительства начинают происходить конфликты с коренными жителями деревни, где он селится (семьи порой бывают не только многодетными, но по факту и полигамными). Бытовые конфликты с неспособными или нежелающими интегрироваться в местный образ жизни мигрантами нередко перерастают в межнациональные, а в последнее время межрелигиозные и внутрирелигиозные (внутри разных традиций и течений ислама). Создавая невыносимые условия для коренных жителей, мигранты вынуждают последних оставлять деревни, переселяться в города. При этом местные жители продают свои дома часто самим же мигрантам, поскольку те порой оказываются единственными покупателями (желающих приобрести дома в деревнях с большим количеством мигрантов среди россиян немного). В конечном счете, мы можем оказаться перед ситуацией, когда наши деревни и села постепенно превратятся в среднеазиатские кишлаки за счет заселения их мигрантами и оттока из них коренного населения. Этот процесс колонизации не приведет к развитию сельского хозяйства: мигранты лишь проживают в деревнях, но продолжают работать в городах (на стройках, торговле, нередко и наркоторговле), их вклад в аграрную экономику не ощущается. Усугубляет ситуацию тот факт, что преобразование российских деревень в среднеазиатские часто происходит за счет переезда в них исламских фундаменталистов.²⁶

2. Миграция и этническая преступность

Одним из следствий интенсивного миграционного притока из Средней Азии выступает рост социального напряжения и очаговые конфликты. Существует также прямая зависимость между ростом числа мигрантов и ухудшением криминогенной обстановки в крупных мегаполисах.

Так, замглавы московского ГУВД Олег Баранов сообщил на коллегии ФМС в мае 2013 г., что число преступлений, совершенных в Москве жителями ближнего зарубежья, выросло на 42%. При этом на 72% увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений. В составе организованных групп граждане этих стран стали совершать преступления в 5,5 раза чаще. Баранов указал, что притоку мигрантов способствуют хорошо налаженные каналы миграции, большая роль земляческих, родственных отношений, а также нетребовательность мигрантов к условиям труда и жизни.

²⁶ Подробнее см. раздел «Миграция и исламизм»

По словам замглавы ФМС РФ Анатолия Кузнецова, лидерами преступной статистики являются выходцы из Узбекистана, Молдавии и Таджикистана.

Следует, однако, отметить, что ведомственная статистика, касающаяся преступлений мигрантов, обладает теми же недостатками, что и статистика миграционных потоков. Так, в конце августа 2013 г. столичное управление Федеральной миграционной службы резко разошлось с прокуратурой в данных о количестве преступлений, совершенных в Москве мигрантами.

Согласно статистике УФМС, количество правонарушений с участием приезжих (из дальнего и ближнего зарубежья, а также регионов РФ) не превышает 17% от общего числа зарегистрированных преступлений. В то же время, представители прокуратуры Москвы заявляли, что доля преступлений, совершенных приезжими, составляет почти 50%.

Согласно статистике, представленной ГУ МВД по Москве, за первые семь месяцев 2013 года приезжие совершили 17172 из 102791 преступлений. Это происходит на фоне роста общего количества мигрантов, прибывающих в Москву.

Однако данные, представленные УФМС и ГУ МВД по Москве, расходятся с теми, что обнародовал в начале августа 2013 г. прокурор столицы Сергей Куденеев. По его словам, «нежителями Москвы совершено каждое второе преступление». Это заявление прозвучало на фоне полицейской кампании по борьбе с нелегальными мигрантами, организованной после нападения выходцев из Дагестана на оперативника на Матвеевском рынке.

Столь значительные расхождения вызвали скандал, который пришлось заминать представителям как прокуратуры, так и УФМС. Руководитель пресс-службы столичной прокуратуры Москвы Е. Рассохина заявила, что «Прокурор, заявляя о преступности среди нежителей Москвы, исходил не из общего количества зарегистрированных преступлений, а из статистики по преступлениям, которые либо уже рассмотрены судом, либо дошли до суда, либо закрыты по нереабилитирующим основаниям. Таковых насчитывается 34 тыс. 406, и 17 тыс. 162 составляют преступления, которые совершили немосквичи, то есть 49%».

Можно предположить, что расхождения в данных о преступности мигрантов вызваны, в том числе, и практикой сокрытия реального числа преступлений, совершенных мигрантами, вызванного стремлением не провоцировать межнациональную напряженность. Аргументы в пользу этой версии содержатся в статье экспертов Академии Генеральной прокуратуры РФ, Д.К. Чиркова, А.А. Литвинова и Г.В. Антонова-Романовского «Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации», опубликованной в журнале «NB: Национальная безопасность» в мае 2013 г. Там, в частности, указывается, что

«За пятилетие с 2007 по 2011 год количество раскрытых индикаторных преступлений, совершенных иностранцами из государств ближнего зарубежья,

*практически не изменилось. Сокращение составило 0,2 %. В 2006 г. ими совершено 14 124 индикаторных преступления, а в 2011 г. – 14 097. Несмотря на то, что в стране в эти годы проводилась линия по сокращению количества показываемых в статистической отчетности преступлений, данные о преступности граждан из государств ближнего зарубежья не снизились. Это говорит об усилении криминальной активности этой категории мигрантов-иностранцев».*²⁷

По итогам 2013 г., когда была опубликована статья экспертов Академии генпрокуратуры (по понятным причинам, эксперты оперировали данными за предыдущие годы) в стране было совершено уже 47 тысяч преступлений (причем этот показатель указывает только на раскрытые преступления). В одной Москве в 2013 г. иностранцами и лицами без гражданства было совершено 11,5 тыс. преступлений, то есть более 30 преступлений ежедневно. Это на треть больше аналогичного показателя за 2012 г. Большинство преступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких (то есть, по методологии экспертов Академии генеральной прокуратуры, индикаторных). По данным первого замгенпрокурора РФ Александра Буксмана, в 2013 г. было возбуждено 639 уголовных дел о коррупции, связанной с нелегальной миграцией, что в два раза превышает показатель 2012 г. В коррупционные схемы все чаще вовлекаются не только сотрудники ФМС и МВД, но и высокопоставленные должностные лица других органов власти.²⁸

Ситуация с преступностью мигрантов в Санкт-Петербурге в целом схожа с московской. Руководитель управления Следственного комитета по Санкт-Петербургу Александр Клаус выразил обеспокоенность в связи с появлением в городе мест массового проживания мигрантов, где они «сбиваются в банды, терроризирующие местное население».

По его словам, наличие в Петербурге таких мест «представляет реальную угрозу того, что ряд районов может просто превратиться в гетто, где не действует сила закона, а реальная власть находится в руках местечковых авторитетов».

Согласно приведенной Клаусом статистике, количество совершенных мигрантами преступлений в городе в прошлом году возросло на 34 процента. Приезжими в Петербурге совершается каждое пятое убийство и каждое шестое

²⁷Чирков Д.К. Литвинов А.А., Антонов-Романовский Г.В. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации// http://e-notabene.ru/nb/article_672.html

²⁸Нелегальная миграция в РФ // <http://itar-tass.com/spravochnaya-informaciya/691935>

изнасилование. «Преступность мигрантов - болевая точка Санкт-Петербурга», - заявил Клаус.²⁹

В Екатеринбурге мигранты из Центральной Азии, в особенности из Таджикистана, являются основным источником распространения наркотиков. По мнению Евгения Ройзмана, одного из основателей и руководителей Фонда «Город без наркотиков» (ныне мэра Екатеринбурга):

*«Все наркотики до последнего грамма, весь героин на территории Свердловской области - из Таджикистана. Привезли его именно выходцы из Таджикистана. И больше всего боятся введения визового режима таджики-наркоторговцы. Потому что те, кто работает, для них визовый режим не проблема, получили визу, приехали, отработали, уехали обратно».*³⁰

Эта точка зрения разделяется независимыми экспертами, отмечающими, что таджикские наркокурьеры заняли лидирующие позиции в некоторых местах, ранее контролируемых нигерийцами, азербайджанцами и чеченцами. Хотя эти группы все еще преобладают в западных регионах России, таджики стали контролировать большую часть рынка сбыта наркотиков востока России.³¹

Таджикская ОПГ специализируется главным образом на наркотрафике. Зачастую таджикские курьеры используют законную торговлю фруктами и овощами между Россией и странами Средней Азии, скрывая героин в поставках продуктов. Согласно официальным данным, большинство осужденных таджиков с середины 90-х до 2010 года обвинялись в провозе и торговле наркотиками.³²

В целом, с точки зрения экспертов из Академии Генеральной прокуратуры РФ, существуют значительные различия в масштабах и характере преступности иностранцев, связанные с их гражданством / страной происхождения.

Преступность иностранцев связана в основном с тремя мощными миграционными потоками в Россию. Это миграция со Среднеазиатского, Закавказского и Западного направлений. Влияние миграции из Монголии, Китая, Кореи, Вьетнама, из африканских и иных государств на криминальную обстановку в России несравнимо с криминальными последствиями миграции с постсоветского пространства. Миграция из этих государств может создавать криминальные проблемы лишь для конкретных субъектов РФ и на региональном уровне. Так, с

²⁹ <http://ria.ru/spb/20140129/991934730.html>

³⁰ <http://www.svoboda.org/content/article/24188408.html>

³¹ Ильяс Сарсембаев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

³² Газетанового Таджикистана <http://news.tj/ru/newspaper/article/tadzhikskie-opg-v-rossii-pravda-i-mif>

миграцией из Китая связана экономическая преступность в приграничных с Китаем регионах России.

Преступность мигрантов-иностранцев со Среднеазиатского направления почти целиком представлена гражданами Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и в значительно меньшей мере гражданами Туркмении.

Эксперты отмечают, что в сведения о преступности мигрантов, прибывших из региона Центральной Азии, не включены данные о преступности граждан Казахстана. С криминологических позиций преступность граждан Казахстана значительно отличается от преступности граждан Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении. Казахстан наряду с Россией является страной приема иностранцев. Нет других государств-участников СНГ, которые активно принимают мигрантов. Другие страны являются государствами-донорами миграции.

Преступники, въехавшие в Россию с Закавказского направления, представлены гражданами Азербайджана, Армении и Грузии.

Преступность иностранцев, въезжающих в РФ с западного направления, связана с гражданами Украины, Молдовы и Беларуси. Граждане Германии, Чехии, Словакии, Польши и других европейских государств совершают незначительное число преступлений³³.

Львиную долю всех преступлений, совершаемых мигрантами, совершают граждане государств ближнего зарубежья. Так, по статистике МВД РФ, в 2011 г. граждане государств ближнего зарубежья (включая Грузию), совершили 98,3% всех раскрытых преступлений, пришедшихся на преступников-иностранцев, а на граждан государств дальнего зарубежья соответственно – 1,7%, в том числе 0,3% - на граждан государств Балтии.

Расчеты по индикаторным преступлениям (так на профессиональном сленге называются особо тяжкие и наиболее распространенные преступления, повышенный удельный вес которых отличает преступную деятельность мигрантов) дают аналогичные результаты. На граждан государств ближнего зарубежья пришлось доля в 98,7% от всех раскрытых индикаторных преступлений, совершенных иностранцами, а на граждан дальнего зарубежья – 1,3%, в том числе на граждан государств Балтии - 0,3%.

³³Чирков Д.К. Литвинов А.А., Антонов-Романовский Г.К. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации// http://e-notabene.ru/nb/article_672.html

Эксперты подчеркивают, что преобладание в преступности иностранцев преступлений, совершенных гражданами государств СНГ, указывает на тесную связь преступности иностранцев с трудовой миграцией из этих стран. На 90% преступность граждан государств ближнего зарубежья представлена незаконными трудовыми мигрантами или потерявшими работу лицами.

2.1. «Старые» и «новые» диаспоры

Иностранцы-граждане конкретного государства, прибывшие в Россию в составе определенного миграционного потока, пополняют родственную диаспору. В этом отношении именно вхождение в диаспору соотечественников влияет на поведение иностранцев в нашей стране.

В ряде российских регионов была выбрана модель наделения диаспор функциями субъектов миграционной политики, что фактически ставит их в положение посредника во взаимоотношениях мигранта и государства. Иллюстрацией подобной практики может служить Республика Татарстан, в которой власти пошли по созданию Ассоциации национально-культурных объединений в 1992 году (в 2007 году ее преобразовали в Ассамблею народов Татарстана, во главе которой поставили спикера местного парламента), включив в эту организацию все диаспоры и национальные образования. Для размещения Ассамблеи народов Татарстана было специально построено здание Дома дружбы народов, был выделен на постоянной основе штат сотрудников, а финансируется вся эта деятельность из республиканского бюджета. Поддержка региональных властей заключается не только в развитии языков и культур, но и встраивании этого консолидирующего диаспоры органа во взаимоотношения с государственными учреждениями, занимающиеся мигрантами. Юридически это было оформлено в 2006 году путем заключения Соглашения о взаимодействии Министерства экономики и промышленности Республики Татарстан, МВД по РТ, УФМС по РТ и Ассоциации национально-культурных объединений РТ в области миграционной политики³⁴. Такая модель взаимоотношений государства с мигрантами через использование посреднических услуг диаспор имеет определенный изъян: диаспора может выступать в роли защитника мигрантов, совершивших преступления, покрывая их и шире, лоббиста расширения миграционных потоков.

Особое значение имеет длительность существования диаспор на территории России.

³⁴Макарова Г.И. Консолидация диаспор в Татарстане // Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. – Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2008. – С.186-187

Поэтому признаку эксперты делят диаспоры на две группы. К первой группе отнесены диаспоры, которые уже давно сформировались и адаптировались в России («старые диаспоры»). К ним отнесены диаспоры выходцев из государств Закавказья и прибывших с Западного направления из Беларуси, Молдовы и Украины. К категории новых диаспор, чье интенсивное развитие началось в России в конце XX - начале XXI веков, отнесены диаспоры выходцев из государств Центральной Азии.

Преступность мигрантов из государств, выходцы из которых образовали старые и новые диаспоры, существенно различается.

В период, изучавшийся экспертами Академии Генеральной прокуратуры РФ³⁵ (2007-2011 г.) в целом по стране криминальная активность мигрантов из государств ближнего зарубежья усилилась, динамика преступлений, совершенных членами старых и новых диаспор была разнонаправленной. Преступность граждан, являющихся членами старых диаспор, снизилась на четверть (- 26,1 %), тогда как преступность граждан новых диаспор возросла почти на две трети (+ 60,2 %).

Преступность иностранцев, представляющих старые диаспоры закавказских государств (Азербайджана, Армении и Грузии), снизилась на 22,2%, а являющихся членами старых диаспор государств, питающих Западный миграционный поток (Беларуси, Молдовы и Украины), сократилась на 26,1 %.

Однако из этой общей тенденции выделяется исключение – преступность граждан Азербайджана. С учетом общероссийской тенденции снижения в статистической отчетности уровня преступности можно говорить о росте преступности граждан Азербайджана, так как количество совершенных ими индикаторных преступлений увеличилась на 1,7%. Преступность иностранцев – граждан ряда других государств, въехавших в Россию с Закавказского и Западного направлений, в последнее время стабилизировалась. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных гражданами этих государств сократилось (хотя и в меньшей пропорции, чем число всех учтенных в стране преступлений). Преступность граждан Беларуси уменьшилась на 9,0%, Молдовы на 13,6 %, а граждан Армении – на 16,7 %.

Сокращение данных о преступности граждан Грузии (более чем вдвое – на 52,5%) объясняется международными отношениями между Тбилиси и Москвой, закрытием в столице ряда грузинских игровых клубов и казино, выдавливанием грузинской организованной преступности из России и почти полным прекращением контактов после войны 2008 г. Гораздо сложнее объяснить снижение на треть (-35,7%) числа индикаторных преступлений, совершенных

³⁵Чирков Д.К. Литвинов А.А., Антонов-Романовский Г.К. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации// http://e-notabene.ru/nb/article_672.html

гражданами Украины. Эксперты предполагают, что эти данные могут указывать на сокращение трудовой миграции из Украины в России, что, впрочем, не подтверждается статистикой ФМС РФ.

Наиболее тревожным является рост преступности граждан всех четырех диаспор выходцев из государств Средней Азии.

Наименьший ее прирост (в период с 2007 по 2011 гг.) наблюдался по преступности граждан Туркменистана (15,7%). Миграция из этого государства в Россию затруднена. Преступность граждан Таджикистана за период 2007-2011 гг. увеличилась на треть (33,6%), Кыргызстана – более чем в половину (59,3%) и Узбекистана более чем на три четверти (78,4%). Количество индикаторных преступлений, совершенных гражданами Казахстана, снизилось на 33,3%.

По данным на 2013 г., можно сделать вывод, что наибольшую криминальную угрозу создают мигранты из Узбекистана. В 33 субъектах Российской Федерации количество совершенных гражданами Узбекистана индикаторных преступлений оказалось на первом месте. Особую тревогу вызывает преступность мигрантов из ближнего зарубежья в сфере незаконного оборота наркотиков, которая будет рассмотрена в соответствующем разделе.

В целом же количество индикаторных преступлений, совершенных членами новых диаспор, образованных выходцами из государств Средней Азии, возросло на 60,2%.³⁶

Анализируя проблему преступности мигрантов из стран ближнего зарубежья, эксперты Академии Генеральной прокуратуры РФ подчеркивают, что несмотря на то, что во всех *раскрытых в стране преступлениях* доля совершенных иностранцами преступлений невелика (2-3%), за этой «невзрачной цифрой скрыт очаговый характер преступности иностранцев», концентрирующаяся в наиболее экономически развитых регионах страны.

Кроме того, следует учитывать, что значительная часть преступлений, совершаемых мигрантами, не раскрывается правоохранительными органами в силу высокой степени солидарности, существующей в этнических диаспорах («круговая порука», «закон молчания»). По мнению экспертов, усиление преступности мигрантов в определенной мере обусловлено тем, что органы ФМС и МВД России не справляются с выявлением и выдворением незаконных мигрантов за пределы нашей страны. Это, в свою очередь, в значительной степени связано с несовершенством правовых механизмов противодействия незаконному пребыванию в России лиц без гражданства, скрывающих свое гражданство; иностранцев, отбывших уголовное наказание в местах лишения свободы за совершение преступлений, и на которых возложена обязанность покинуть

³⁶ Там же.

пределы Российской Федерации, а также несоответствие штатной численности ФМС России масштабам решаемой этой службой проблемы контроля за миграционной ситуацией, обеспечения эффективного противодействия незаконной миграции.

Все эти факторы, взятые в комплексе, позволяют оценить преступность мигрантов как реальную угрозу безопасности общества. Причем наряду с бытовой преступностью, серьезную роль играет организованная преступность, подпитываемая этнической миграцией и представляющая собой одну из основных угроз национальной безопасности страны.

2.2. Миграция и организованная преступность

После развала Советского Союза образовалось множество ОПГ, носящих этнический характер. В последние годы происходит всё больше и больше арестов на территории РФ граждан СНГ за различные преступления, главным образом, за незаконную перевозку и хранение наркотических средств. Граждане СНГ активно участвуют в перевозке наркотиков по Северному маршруту из Афганистана в Россию.

Трансграничный характер организованная этническая преступность носит не только на юго-восточном, но и на западном направлении. Многие лидеры криминальных группировок, поделив сферы влияния теневой экономики, эмигрировали за границу, большинство в страны Западной Европы, где получили гражданство и стали вкладывать деньги в экономики стран ЕС. Со временем вслед за ними начали переселяться другие члены криминальных группировок. Подавляющее большинство действующих ОПГ в России не являются этнически русскими. Имея на нынешний год постоянную дислокацию в Европе, этнические ОПГ контролируют теневую экономику России, пути наркотрафика из Афганистана, нанося прямой экономический вред России.

Ключевым видом незаконной деятельности этнических преступных группировок, связанным с внешней миграцией, является продажа наркотиков.

В 2013 года Европол представил в Гааге 64-страничный доклад «Оценка угроз Евросоюзу от деятельности организованной преступности - SOCTA». Разработчики доклада констатируют, что в настоящее время в Европе отмечена деятельность около 3600 организованных преступных групп, занятых в различных криминальных сферах. Авторы доклада отмечают, что *«российский и украинский рынки психоактивных веществ уже крупнее европейского рынка и их значимость определяет маршруты поставок в страны Евросоюза. Так, по мнению европейцев, большая часть героина уже нелегально поставляется по маршруту из Центрально-Азиатских республик и Российской Федерации, в большинстве своем, в Латвию и Литву, а также и в другие европейские страны»*. Кроме того, в докладе отмечается, что Россия также участвует в производстве синтетических наркотиков для Европы: *«наркотики для рынка Евросоюза также производятся в Западной Африке и Российской Федерации»*.

Наркобизнес самым тесным образом связан с сепаратистскими и террористическими движениями исламистского толка. В докладе ООН «Обзор дел о терроризме» указывается, что доходы от незаконного оборота наркотиков являются основным каналом финансирования сепаратистских организаций на Ближнем Востоке, совершающих акты насилия против гражданских лиц. Такие организации собирают с наркоторговцев «революционный налог» и имеют прямое отношение к транзиту наркотиков в Европу и Россию.³⁷

Анализ ситуации правоохрнительными органами показывает, что больше половины изымаемых на территории страны наркотиков имеет зарубежное происхождение. В настоящее время государственная граница РФ со странами ближнего зарубежья не оформленная в международно-правовом отношении составляет 13599 км. Огромные масштабы производства героина и опия в Афганистане, и прозрачность границ со среднеазиатскими и закавказскими странами, с крайне низким уровнем жизни населения, приводят к значительной активизации поставок афганских наркотиков в Россию через территорию Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Казахстана, Армении, Azerbaijan и Грузии.

Следует особо подчеркнуть, что этнические ОПГ из числа бывших граждан СССР на территории России, а также их руководство, зачастую находящиеся за пределами России и своих национальных государств, уже давно стали частью международного криминального сообщества, которое ставит перед собой цель максимально ослабить государственную систему управления и подчинить ее своим преступным интересам.

Опасной тенденцией последних лет стало превращение России из страны-транзитера наркотиков в крупнейший рынок сбыта наркотических веществ.

Согласно статистике Управления ООН по наркотикам и преступности, в Россию ежегодно ввозится около 70 тонн афганского героина. С 1992 по 2010 год число российских наркоманов увеличилось более чем в 9 раз. Официально в России зарегистрировано 670 000 людей, страдающих наркотической зависимостью, однако, по мнению независимых экспертов, эта цифра занижена в несколько (а возможно, и в десятки) раз. Утверждается, что ежегодно в России около 100 000 человек умирают от передозировки наркотиков или по иным причинам, связанным с их употреблением.³⁸

На сегодняшний день организованные преступные сообщества, находящиеся на территории России, широко освоили афганский рынок наркопроизводства, наладили бесперебойные поставки наркотиков, прежде всего, героина из Афганистана на территорию Российской Федерации.

³⁷ООН, Обзор дел о терроризме. Нью-Йорк: Управление ООН по наркотикам и преступности, Австрия, 2010., стр. 55 пункт 129

³⁸Статья <http://www.svpressa.ru/politic/article/65341/>

Эксперты считают, что, с одной стороны, этнические ОПГ взяли на себя доставку героина в Россию, используя все виды транспортных коммуникаций из Центральной Азии в Россию, а с другой – вывод преступных доходов, полученных от реализации наркотиков на территории нашей страны. Таким образом, создан порочный круг, который в состоянии дестабилизировать ситуацию на территории России³⁹.

Афганистан превращается в крупнейшее в мире наркогосударство – производитель героина и опия планетарного масштаба. Странами-транзитерами, в которых при этом оседает определенное количество поступающего из Афганистана героина, являются страны, через которые проходит «Северный маршрут», то есть Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан и, собственно, Российская Федерация.

Следует отметить, что число граждан стран-транзитеров Центральной Азии, вовлеченных в наркопроизводство, постоянно растет в силу массовой безработицы в этих странах и криминальной активности обедневших слоев местного населения.

По обобщенным данным отечественных правоохранительных ведомств и спецслужб, в Центрально-Азиатском регионе действует 500 нарколабораторий и 147 крупных наркоформирований, специализирующихся исключительно на российском направлении («Северный маршрут»).

Глобальный наркотрафик афганских опиатов и гашиша по «Северному маршруту» создаёт мощную финансовую базу для развития преступности, экстремизма и терроризма, плодит исламские фундаменталистские экстремистские сетевые структуры и создает силы, открыто заявляющие свои глобальные политические амбиции и направленность на свержение существующих политических режимов насильственным путем.

Международные преступные организации рассматривают территорию России не только как обширный и перспективный рынок сбыта наркотиков, но и как транзитный канал их перемещения в другие страны.

Через территорию Северо-Западного федерального округа проходят основные потоки между Россией и государствами ЕС, осуществляется до 70% объема экспортно-импортных перевозок России. Этнические ОПГ стремятся использовать развитую транспортную инфраструктуру округа и проходящий через него значительный грузопоток для контрабанды наркотиков и их внутреннего транзита. Ключевое место в этой нарко-инфраструктуре занимает Санкт-Петербург, который является и местом потребления, и перевалочным пунктом по транспортировке наркотиков.

Восточное направление транснациональные ОПГ, действующие на территории России и ЕС, используют для поставок синтетических наркотиков

³⁹Ильяс Сарсембаев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

европейского производства, а также прекурсоров для подпольного производства наркотических средств уже на территории России.

В Европе и США с каждым годом всю большую популярность среди наркопотребителей приобретают синтетические наркотики амфетаминового ряда, таким образом, происходит замена «традиционных наркотиков» на наркотики нового – синтетического типа. В странах бывшего СССР амфетаминовая наркомания получила широкое распространение.

Производство синтетических наркотиков не зависит от природно-климатических условий, нарколаборатории по производству синтетики легко разворачиваются в любой точке земного шара и также легко сворачиваются, необходимы лишь производные, прекурсы для создания наркотиков.

Одним из центров амфетаминового производства становится Китай. Треть от общего числа ежегодно изымаемых синтетических наркотиков в России составляет «синтетика» китайского производства.⁴⁰ Так, в июне 2013г. в Новосибирской области была изъята рекордная партия – 223 кг. китайских наркотиков.⁴¹

Дальневосточный федеральный округ непосредственно граничит с Китаем. Дальний Восток – наименее заселенный район России – характеризуется также самым высоким по стране уровнем преступлений, связанных с наркотиками.

Этнические ОПГ, среди которых значительно вырос процент присутствия китайского криминала, в Дальневосточном федеральном округе, наладили активные связи и сотрудничают с китайскими коллегами из центральных провинций КНР.

Россия стала не только главным потребителем опиатов в мире, но и одним из главных потребителей синтетических наркотиков. Китайским мафиозным структурам в свою очередь также наиболее выгодно переправлять наркопродукцию на территорию России, минимальные транспортные затраты и фактически прозрачные границы. Вызовы, связанные с китайской организованной преступностью, будут подробнее рассмотрены в разделе «миграционное давление на Сибирь и Дальний Восток».

3. Миграция и исламизм

Прямой и явной угрозой для национальной безопасности России является связь миграции с распространением радикального исламизма, ставшая особенно

⁴⁰РИА Новости <http://ria.ru/docs/beznarko/sintetika.html#ixzz2eJnpZTu5>

⁴¹Российская газета <http://www.rg.ru/2013/06/25/reg-sibfo/sintetika.html>

заметной в последнее десятилетие. Если в 1990-е годы и в начале 2000-х годов социологи отмечали, что россияне в «в чужаках видят прежде всего представителей экономического сообщества, организованного по этническому принципу, плотно заполняющих ряд жизненно важных экономических ниш и вытесняющих представителей коренного населения на обочину жизни»⁴², т.е. мигранты воспринимались в первую очередь как экономические конкуренты, в середине 2000х годов на первый план вышла криминальная составляющая неконтролируемой миграции, и резонансные преступления, совершаемые мигрантами, вызвали к жизни многочисленные протестные акции, то в 2010-е годы в мигрантах-мусульманах все чаще видят проводников этнорелигиозного экстремизма. Это объясняется несколькими важными факторами.

Прежде всего, в странах Центральной Азии, за редким исключением (Киргизия) существуют авторитарные политические режимы, и религиозные фундаменталисты там подвергаются жесткому преследованию. Спасаясь от преследований, многие из них переезжают в Россию, где законодательство и правоприменительная практика в отношении исламистов намного либеральнее. В России фундаменталисты из числа мигрантов довольно быстро формируют в мечетях группы своих сторонников, ведут пропагандистскую работу, нередко вовлекая в экстремистские джамааты единомышленников из числа российских граждан.

На этом фоне отмечаются конфликты пришлых и местных мусульман. Прежде всего – в городах европейской части России, в Поволжье и Сибири, где исторически мечети строились татарами, а духовенство (имамы) также этнически было татарским. За счет притока мигрантов та функция, которую выполняли мечети в деле сохранения татарской культуры, языка, исчезает. Нередко сами мигранты в ультимативной форме требуют перехода на русский язык проповеди. В мечетях Екатеринбурга наблюдатели отмечали возмущенные окрики трудовых мигрантов, пришедших на пятничную проповедь, адресованные имаму, переходящему с русского на татарский язык: «Мы по-татарски не понимаем!». Наиболее остро этот конфликт проявился в Магнитогорске, где татары в знак протеста против перехода служб в мечетях на русский язык отделились от остальных мусульман и вынуждены были создать в 2006 году свою этноконфессиональную общину⁴³.

Отсюда и звучащие заявления со стороны татарских общественных организаций и мусульманского духовенства, что переход на русский язык проповеди, понятный мигрантам, способствует потере мечетями функции татарских национально-культурных центров, которыми они обладали. Более того,

⁴²Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции – М.: Альфа-М, 2004. – С.72

⁴³Старостин А. Влияние миграции из Центральной Азии и Кавказа на мусульманское сообщество Среднего Урала // Ислам в СНГ . – 2010 . – N 1(1) . – С. 27-40

во многих мечетях основной контингент молящихся составляют уже не татары, а мигранты (это особенно заметно в дни больших мусульманских праздников, таких, как Курбан-байрам).

Ситуация также усугубляется тем, что второе поколение мигрантов, т.е. детей мигрантов, родившихся в России, в культурном плане мало интегрируется в российский социум. Этническая идентичность у многих молодых мигрантов отступает на последний план, а на первый выходит сугубо религиозная самоидентификация («мы – мусульмане»), причем исламское вероучение они трактуют в радикальном его понимании. *«Характерной особенностью мигрантской молодежи является демонстративная россиефобия: они практически... не имеют гражданского самосознания, российские ценности и законы подчеркнуто ставят ниже идей шариата, при этом будущее российского государства они видят как часть глобального халифата»*, - делают вывод эксперты, отмечая, что мигранты во втором поколении уже не считают себя «приезжими»⁴⁴.

Особенно болезненно русское население ощущает последствия миграции из Центральной Азии и Кавказа в школах, когда русские дети становятся жертвами этнической «дедовщины». В таких школах дети мигрантов объединяются по этнорелигиозному признаку в сплоченную группу, нередко начинают подвергаться побоям и моральному террору менее сплоченных сверстников из числа коренного населения. Нередко в этих конфликтах артикулируется религиозный мотив. «В подростковой среде нет никакого умеренного или «традиционного» ислама – здесь он исключительно радикальный, пусть и «по-детски»⁴⁵, - констатирует Изяслав Адливанкин, специалист по проблемам молодежных субкультур, деструктивных культов и религиозного экстремизма, который провел опросы среди учеников школ Ханты-Мансийского автономного округа.

Особую озабоченность вызывают проявления агрессивного исламизма. В основе этого нового явления в российской политической жизни лежит современная разновидность ваххабизма (салафия), пропагандирующаяся как «освободительная» теория, выполняющая роль, которую в прошлом играли протестантизм, марксизм и другие обновленческие системы. В этом качестве он является чем-то вроде «последнего прибежища» для неокрепших умов, увлеченных идеей политического и социального протеста.

⁴⁴ Исламский фундаментализм и мигранты в России в постсоветский период: масштаб распространения, последствия, конфликтный потенциал // Этнорелигиозные исследования в Поволжье, 27 декабря 2012 года. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/16/341/>

⁴⁵ Свои среди чужих: о русских детях в окружении мигрантов // СРусская народная линия, 5 сентября 2013 года. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/09/05/svoi_sredi_chuzhih/

Среднеазиатское происхождение Хизб-ут-Тахрир в Татарстане

Первый известный прецедент деятельности носителей радикального исламизма из Центральной Азии на территории России датируется 1996-м годом. Тогда в Казань приехал выходец из Узбекистана Алишер Усманов (не путать с известным олигархом), который был членом «Исламского движения Узбекистана», а в Татарстане стал эмиссаром «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), признанной в России террористической организацией (соответствующее решение было принято Верховным судом России в 2003 году). В 1993-1994 годах в г. Намангане (Узбекистан) он был имамом одной из мечетей, через которую вел вербовку людей, готовых поехать в Чечню. Тогда накануне Первой чеченской войны (1994-1996) эта северокавказская республика превращалась в центр притяжения для всех исламистов с территории бывшего СССР и Ближнего Востока. На родине, в Узбекистане Усманов попадает в фокус внимания правоохранительных органов, вскоре объявляется в международный розыск. В 1996 году он оказывается в Татарстане, где с 1999 года начинает формировать сеть ячеек (халакатов) «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами»⁴⁶, работая преподавателем в одном из казанских медресе. В 2004 году Усманова задерживают и в 2005 году осуждают. В ходе следствия выясняется, что Усманов вербовал татар для участия в боевых действиях на Северном Кавказе. В Казанском высшем мусульманском медресе имени тысячелетия принятия ислама Усманов оказывает влияние на местного татарина Рустема Сафина, работавшего там преподавателем. После ареста Усманова Сафин становится лидером «Хизб-ут-Тахрир» в Татарстане. В 2009 году сам получает условную судимость за членство в «Хизб-ут-Тахрир», однако это не мешает ему стать имамом казанской мечети «Аль-Ихлас», превратив последнюю в штаб-квартиру этой организации. Летом 2012 года после теракта в Казани в отношении тогдашнего муфтия Татарстана Ильдуса Файзова (он получил ранения, но остался жив) и убийства начальника учебного отдела Духовного управления мусульман Татарстана, известного мусульманского богослова Валиуллы Якупова, члены «Хизб-ут-Тахрир» в Казани и Набережных Челнах организовали серию уличных акций: пикетов, митингов, автопробегов, в которых активно принимали участие мигранты. Более того, последние выступали в роли массовки и ударной силы на мероприятиях. Сам Сафин сумел превратить подведомственную ему мечеть в бюро по трудоустройству мигрантов и поиску им жилья. Нередко приезжавшим в Казань мигрантам из Центральной Азии рекомендовали обращаться к имаму этой мечети. Такая форма социальной заботы о мигрантах способствовала их интеграции в ячейки «Хизб-ут-Тахрир»: мигранты становились обязанными Сафину, помогали ему с

⁴⁶ «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») – международная организация, основанная в 1953 году палестинским шариатским судьей Такиуддином Набхани (1909-1977) в Восточном Иерусалиме (в то время входил в состав Иордании). В основе идеологии организации лежит панисламизм, политизации мусульманской религии и пропаганда идеи создания халифата в том виде как они его понимают. Последнее хизб-ут-тахрировцами понимается не в восстановлении халифата периода праведных халифов (Абу Бакр (632-634), Умар ибн Хаттаб (634-644), Усман ибн Аффан (644-656), Али ибн Абу Талиб (656-661), а в современном его виде. Формально адепты организации выступают за мирное достижение своих целей (через политику и идеологическую пропаганду населения), однако на практике хизб-ут-тахрировцы нередко выступают за вооруженные методы.

организацией коллективных обедов пловом, на которых велась агитация, участвовали в акциях халифатистов⁴⁷. Самого Сафина в 2013 году осудили, мечеть демонтировали, полностью разобрав, дабы она перестала быть штаб-квартирой «Хизб ут-Тахрир» в Татарстане (на ее месте воздвигли новую мечеть)⁴⁸, в 2014 году начался судебный процесс над сторонниками Сафина.⁴⁹ Однако сама проблема деятельности «Хизб ут-Тахрир» из Татарстана никуда не делась. Ее члены перешли на более подпольный характер деятельности.

Данный случай может служить примером того, как удачно посеянные в свое время зерна религиозного экстремизма со стороны мигрантов из Центральной Азии могут в дальнейшем пустить корни уже среди российских мусульман.

Ряд исламистских проповедников Центральной Азии пользуются популярностью среди российских мусульман, не покидая территории своих стран. Например, в Казахстане салафитский проповедник Абу Ринат Мухаммад Казахстани (настоящее имя – Ринат Зайнуллин) ведет агитацию на русском языке в Интернете. Его лекции пользуются популярностью у ваххабитов Поволжья и Урала, сам он действует совершенно легально в Казахстане, где у него есть группа последователей⁵⁰.

К сожалению, инфильтрация в российское общество радикального исламизма из регионов Центральной Азии и Северного Кавказа не ограничивается деятельностью отдельных проповедников салафии. Переселение больших групп мигрантов, исповедующих различные разновидности радикального ислама, вызывает конфликты не только с русским, православным населением, но и местным мусульманским, как это происходит, например, в Поволжье.

⁴⁷ Исламисты в России стали активно использовать мигрантов в своих акциях // Интерфакс-Религия, 17 декабря 2012 года. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49304>

⁴⁸ Сулейманов Р.Р. Хизб ут-Тахрир в Татарстане: идеология, структура организации, деятельность // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб, 2013. — С. 96-100

⁴⁹ Опиум для прихода. Как в казанскую ячейку «Хизб ут-Тахрир» угодил врач-нарколог? // Московский Комсомолец-Казань, 11 августа 2014 года. URL: <http://kazan.mk.ru/articles/2014/08/11/opium-dlya-prikhoda-kak-v-kazanskuyu-yacheyku-khizb-uttakhrir-ugodil-vrachnarkolog.html>

⁵⁰ Эксперты: Российские и центральноазиатские исламисты координируют свои действия // ИА REGNUM, 2 июля 2013 года. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-volga/tatarstan/1678927.html>

Конфликты местных и пришлых мусульман в Рыбнослободском и Нурлатском районах Татарстана

Так, в двух населенных пунктах Татарстана – русском селе Шумково Рыбнослободского района и татарской деревни Курманаево Нурлатского района, в 2012-2013 годах произошли выступления местных жителей против мигрантов, поселившихся по соседству.

В Шумково поселившиеся таджики поставили целью построить мечеть, для чего в способствовали переезду в село учившегося в Пакистане религиозного исламского деятеля из числа таджиков. Этнические татары, которые тоже проживают в русской деревне, не поддерживали идею строительства мечети (в селе есть церковь дореволюционной постройки, находящаяся в запустении с 1930-х годов, однако материальных возможностей у жителей восстановить ее не имеется), объясняя тем, что для совершения религиозных обрядов им достаточно посещать соседние татарские деревни. Более того, жители подчеркивают отличия местного традиционного для татар ислама от той формы, которую пытаются привнести таджики⁵¹. Ситуация обострилась, когда началось строительство мечети, коренные жители были против, а власти постарались традиционно объяснить конфликт исключительно бытовыми неурядицами⁵².

Если в Шумково конфликт имел черты противостояния двух православных русских с приезжими мусульманами-таджиками, то в Курманаево конфликт произошел между мусульманами-татарами и мусульманами-таджиками. Начавшись на бытовой почве (поведение таджикских детей в местной школе)⁵³, он вскоре перешел в религиозную плоскость, поскольку татары указывали на то, что приезжие чужаки навязывают им другую форму ислама.

Мечети, как в крупных городах России, так и в сельской местности используются для вербовки мигрантов в ряды радикальных фундаменталистских сообществ. Это стало особенно очевидно в 2010-е годы, когда мигранты стали составлять до половины прихожан мечетей. При этом нередко имамы мечетей не в состоянии проконтролировать подобную ситуацию: экстремисты угрожают духовенству, давая понять, что в случае информирования правоохранительных органов об их деятельности имамы могут об этом пожалеть. Случается и так, что официальное мусульманское духовенство не мешает эмиссарам вербовать своих прихожан-мигрантов просто потому, что вербовщики сами являются мигрантами, общаются со своими соплеменниками на родном языке, который непонятен имаму

⁵¹ Татарстан заселяют религиозные фундаменталисты из Средней Азии // ИА Росбалт, 24 сентября 2012 года. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/09/24/1037947.html>

⁵² Деревни Татарстана заселяют мигранты-фундаменталисты: новая Кондопога? // Сайт Российского института стратегических исследований, 18 сентября 2012 года. URL: <http://www.riss.ru/?newsId=807>

⁵³ В Татарстане опасаются "татарской Кондопоги" // ИА REGNUM, 6 мая 2013 года. URL: <http://www.regnum.ru/news/1656057.html>

(в городах центральной России имамами являются обычно поволжские татары). После того, как мигранты, приходящие в мечеть на молитву, выбираются мишенями для вербовки, среди них проводится пропагандистская работа. До начала намаза, когда прихожане находятся в мечетях, некоторые из них рассаживаются кружками, в каждом из которых свой агитатор начинает вести душевные беседы о былом величии исламского халифата, несправедливости современного положения мусульман в России и в мире и превосходстве исламской формы политического устройства над любой иной. Тем, кто оказывается восприимчив к подобной риторике, вербовщики предлагают продолжить беседы уже на частной квартире, где формируется «халакат» (кружок) единомышленников.

С 2012-2013 гг. фундаменталисты все чаще отходят от конспиративной формы агитационной деятельности, предпочитая вести ее открыто, стремятся перейти к стихийной форме организации проповедей, когда после пятничного намаза или религиозного праздника по выходу из мечетей при стечении народа исламистские проповедники начинают открыто выступать с пропагандистскими лозунгами. Наиболее запомнившийся случай подобной открытой агитации имел место 27 сентября 2013 года в рамках всероссийского «исламистского флешмоба», когда «хизб-ут-тахрировцы» во многих мечетях крупных городов России провели после пятничного намаза публичные воззвания к прихожанам под лозунгом «сегодня Россия ведет борьбу против ислама и мусульман» по случаю попытки запрета спорного перевода Корана (Эльмира Кулиева). Хотя подобные «флешмобы» прошли во многих мечетях страны, больше других запомнилось выступление Сирдорбека Ситдикова из Узбекистана возле мечети «Ярдам» в Москве, который подогревал толпу рассказами об «угнетении мусульман в России», получая в ответ скандирующее одобрение выкриками «Аллах акбар» со стороны прихожан мечети⁵⁴.

Помимо открыто функционирующих мечетей в крупных городах России, действуют и полулегальные мусульманские комнаты (мусалля), которые организуются поблизости от мест работы мигрантов. Чаще всего такие места молитв создаются на рынках. Подобные заведения охотно используются экстремистами для пополнения своих рядов новыми адептами. Так, 17 ноября 2013 года из Санкт-Петербурга были депортированы граждане Таджикистана Музафар Латилов и Хотам Мирзоев за «активное распространение радикальной исламистской идеологии» среди мигрантов на территории овощной базы ОАО "Городской оптовый рынок"⁵⁵. Наиболее резонансной и получившей всероссийскую огласку стала спецоперация силовиков 9 февраля 2013 года в

⁵⁴ Проповедь против России: в исламской среде растет авторитет неформальных лидеров и агитаторов // Независимая газета, 7 октября 2013 года. URL: http://www.ng.ru/editorial/2013-10-07/2_red.html

⁵⁵ Двух адептов экстремистских учений депортировали из Петербурга // РИА Новости, 19 ноября 2013 года. URL: <http://ria.ru/spb/20131119/978047959.html>

молельной комнате на рынке на Апраксином дворе (крупнейшем историческом торговом центре) в Санкт-Петербурге, в ходе которой были задержаны до 500 мигрантов, многие из которых нарушили миграционное законодательство. Однако целью силовиков была группа радикал-исламистов из «Петербургского джамаата», использующих эту молельную комнату для вербовки в среде мигрантов. Было возбуждено дело по статьям «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» и «Возбуждение ненависти либо вражды»⁵⁶.

Немаловажно, что часть приехавших мигрантов из Центральной Азии имеет за плечами опыт участия в военных действиях, особенно выходцы из Таджикистана, где в 1992-1997 годах шла гражданская война. И этот опыт ничем не отличается от навыков российских военнослужащих, прошедших военные действия в Афганистане и Чечне, с одной стороны, или участников северокавказского подполья – с другой.

Известны случаи, когда мигранты из Центральной Азии осуществляли или планировали террористические акты на территории России. 16 апреля 2013 года в Ставрополе был арестован Абдурахим Тошматов из Таджикистана, который состоял в рядах «Хизб-ут-Тахрир» и планировал на майские праздники организовать теракт в городе. На квартире он хранил ручную боевую гранату с взрывателем, детонатор, шесть шашек взрывчатого вещества октоген, пластик весом 44 г. Его приговорили к 17 годам колонии строгого режима. Ранее он уже был осужден в 2011 году на 1 год колонии за то, что раздавал листовки «Хизб ут-Тахрира» в Соборной мечети на проспекте Мира, и призывал к свержению действующей власти и к созданию всемирного исламского халифата. Однако выйдя на свободу, он перебрался на Юг России, где уже от пропаганды экстремизма решил перейти к террористической деятельности⁵⁷.

Двое других мигрантов – гражданин Таджикистана Мурад Магамедов и гражданин Туркменистана Феруз Назаров – планировали организовать взрыв в гипермаркете «Ашан» в московском районе Алтуфьево. При этом Мурад Магамедов имел опыт участия в боевых действиях в рядах боевиков в Дагестане: в 2010 году он обстреливал с местными террористами блокпосты в Дербенте⁵⁸.

Отмечены случаи, когда мигранты, попадая в России под влияние проповедников радикального ислама, становились фундаменталистами, а после

⁵⁶Зяя Н. Апраксин рынок увезли по делу // Газета.ру, 9 февраля 2013 года. URL: <http://m.gazeta.ru/social/2013/02/09/4958849.shtml>

⁵⁷Ларинцева А. 17 лет за подготовку теракта: на Ставрополье вынесли приговор гражданину Таджикистана// Коммерсант, 3 апреля 2014 года. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2444535>

⁵⁸Соковнин А. Экстремистов не пустили в "Ашан": бомбу для теракта они смастерили по интернет-инструкции// Коммерсант, 18 июня 2014 года. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2493276>

возвращения на историческую родину разворачивали там экстремистскую деятельность. Гастарбайтер Фарход Халиков, работавший в Тюменской области, вернувшись в Таджикистан, организовал в своем родном поселке Киркудук ваххабитский джамаат, используя для этого идеологический багаж знаний, полученных в России. «Складывается следующая ситуация: трудовые мигранты подпадают под влияние российских ваххабитов, и, возвращаясь к себе домой, уже начинают распространять фундаментализм у себя на родине»⁵⁹, - отмечают эксперты. Как уже отмечалось, экстремистам из Центральной Азии проще и удобнее вести свою агитацию не на родине, где такая деятельность пресекается максимально жестко, а в России, где ниже уровень контроля и возможные санкции⁶⁰.

Причины того, что мигранты оказываются восприимчивы к исламскому радикализму, легко и быстро распространяющемуся в их среде, ряд исследователей видит в их психологическом и социальном дискомфорте. Они чувствуют себя не востребованными, как на родине – где нет работы – так и в принимающем обществе, где они оседают в низших социальных слоях и отторгаются окружающей средой. Эти социальные трудности стремятся эксплуатировать фундаменталисты. «Мигранты оказываются в фокусе внимания различных деструктивных организаций. <...> Им трудно отличить настоящий ислам от деструктивных подделок. Этим активно пользуются радиальные исламисты, ваххабиты. В результате сегодняшняя миграция становится благоприятной почвой для экстремизма и даже терроризма в России. И это уже более серьезная угроза, чем, например, незнание русского языка», - отмечают социологи⁶¹. «Мигранты стремятся сблизиться с себе подобными, чаще всего земляками по области, городу, району или кишлаку. Хизб-ут-Тахрир использует их стремление к единению, чтобы увлечь мигрантов собственными... идеями»⁶², - полагают эксперты.

⁵⁹ Для борьбы терроризмом нужны эффективные жесткие силовые методы // Сайт Российского института стратегических исследований, 2 июля 2013 года. URL: www.riss.ru/news/1924-dlya-borby-terrorizmom-nuzhny-maksimalno-effektivnye-zhystkie-silovye-metody

⁶⁰ В России мигрантов из Средней Азии все чаще вербуют радикальные исламисты // Сайт Центра Льва Гумилева, 8 июля 2014 года. URL: <http://www.gumilev-center.ru/v-rossii-migrantov-iz-srednej-azii-vse-chashhe-verbuyut-radikalnye-islamisty/>

⁶¹ Романов И.А. Разрушительная трудовая миграция: трудовые мигранты становятся ресурсом для экстремистских организаций // Сайт Российского института стратегических исследований, 12 апреля 2013 года. URL: http://www.riss.ru/index.php/analitika/1722-razrushitelnaya-trudovaya-migratsiya#.VAEO_aNOet9

⁶² Бахтияр Бабаджанов: Постсоветский ваххабизм занял свою нишу в геополитическом противостоянии // ИА REGNUM, 17 февраля 2014 года. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1626149.html>

Однако перекладывать на российские органы власти проблему социальной заботы о мигрантах будет абсолютно ошибочным предложением выхода из ситуации. Опыт Западной Европы показал, что политика социальной поддержки мигрантов (выплата пособий, предоставление материальных и юридических льгот и преференций) приводит к иждивенчеству этой большой группы населения, не только не интегрирующейся в общественное и культурное пространство, но и превратившейся в мощную политическую силу, диктующую свои условия коренному населению. В странах Западной Европы ряды исламистских сообществ пополняют не только социально неблагополучные, но и наиболее «адаптированные» иммигранты / потомки иммигрантов. Это отражает важную закономерность: по мере обеспечения минимума гражданских и социальных прав «проблемных» когорт мигрантов, радикализм их требований и претензий к окружающему обществу часто не падает, а возрастает. Особенно, если речь идет о молодых и динамичных группах населения.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в потоке трудовой миграции в Россию почти 90% составляют мужчины. Причем преимущественно молодые мужчины. По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), которое проводится Росстатом, средний возраст занятого населения РФ в 2012 г. составил 40,8 года, что было на 7 лет больше среднего возраста временных трудовых мигрантов. Самыми молодыми были граждане Киргизии (30,1 года), Таджикистана и Вьетнама (31 год), Афганистана и Узбекистана (32 года). Среди граждан Узбекистана мигранты от 18 до 29 лет составили половину всех мигрантов, Таджикистана - 55%, Киргизии - почти 60%. Временные трудовые мигранты намного моложе всего занятого населения, постоянно проживающего в РФ.

Таким образом, в отдельных регионах создается искусственная половозрастная деформация, которая может иметь не только социально-бытовые (повышенный фон агрессии, рост изнасилований и т.д.), но и социально-политические последствия.

Как отмечает известный американский «политический демограф» Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. <...> Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... — [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах — произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры».⁶³

⁶³ Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*. 56.

Опыт применения тезиса Голдстоуна к анализу событий новейшей истории можно считать известную статью российских исследователей Андрея Коротаева и Юлии Зинькиной о социально-демографических предпосылках египетской революции 2011 г. и, в целом, арабской весны...⁶⁴

В целостную концепцию – подкрепленную теоретическим и сравнительно-историческим анализом – эту идею развил немецкий исследователь Гуннар Хайнсон в книге «Сыновья и мировое господство: роль террора во взлете и падении наций»⁶⁵, придав тезису большую определенность: в случае массовых эксцессов насилия и больших исторических потрясений дело не в молодежи как таковой, а в мужской ее части. Хайнсон считает, что если в стране налицо переизбыток молодых мужчин (верхняя граница видится ему более широко – до 29 лет), можно уверенно предсказывать социальные беспорядки, войну и террор. Важно не абсолютное количество населения, а именно избыточное количество тинейджеров и молодых мужчин, испытывающих ощущение обделенности перед лицом узкой номенклатуры приемлемых социальных позиций. При этом идеология, способная оправдать потрясения, может быть самой разной – важно лишь, что в случае созревания структурно-демографических предпосылок она не заставит себя ждать. В разных обстоятельствах места и времени в этой роли выступали мессианизм крестовых походов и европейский колониализм, фашизм и «интифада».

Можно с высокой вероятностью утверждать, что в условиях современной России – точнее, отдельных ее регионов в случае дальнейшей концентрации в них соответствующих половозрастных когорт – в этой роли выступит исламизм.

4. Миграционное давление на регионы Сибири и Дальнего Востока.

Низкая плотность населения в регионах Сибири и Дальнего Востока рассматривается как одна из основных зон уязвимости страны на восточном направлении. В этой связи политики и эксперты часто подчеркивают позитивные стороны миграционного притока в эти регионы, заявляя, что *«на фоне отрицательного естественного прироста населения мигранты являются важной составляющей трудового потенциала Сибири и России в целом»*.⁶⁶ Сибирь, занимающая пограничное положение с государствами Средней Азии, по степени

⁶⁴ Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ
<http://polit.ru/article/2011/03/04/egyrev/>

⁶⁵ Heinsohn G. Sonne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zurich, 2003.

⁶⁶ Иностранные мигранты в Сибири // Наука в Сибири, № 49 (21.12.2006)
<http://www.sbras.ru/HBC/article.phtml?nid=400&id=9>

активности иностранной трудовой миграции занимает одно из первых мест в стране.

Сибирь и Дальний Восток характеризуются сложной динамикой миграционных процессов. Так, в первом квартале 2013 г. из регионов Сибирского федерального округа выехало 127757 человек, а приехало на жительство – 124715. В первом квартале 2014 г. соотношение между выехавшими и приехавшими на жительство составило 124177 и 122331 человек соответственно. Таким образом, численность населения СФО уменьшается приблизительно на 2 тысячи человек в квартал, что составляет около 0,01% от общего количества сибиряков по данным переписи 2010 г. Сами по себе эти цифры не создают особых оснований для беспокойства, однако следует иметь в виду, что выезжают из СФО в первую очередь представители русского населения, а прибывают представители других национальностей, в основном мигранты из государств Центральной Азии и Северного Кавказа.

Такого рода миграция в восточные регионы страны может оказаться фактором не компенсирующим, а, напротив, резко усугубляющим их уязвимость. Ведь именно на фоне низкой плотности населения массовая этническая миграция может приводить к резкому изменению этнокультурного баланса на тех или иных территориях. В том числе – к превращению стратегически значимых сырьевых провинций в зоны этнорелигиозной напряженности и, в перспективе, в новые мусульманские регионы (миграция из КНР, с которой связываются большие опасения, на данный момент вносит меньший вклад в изменение этнического облика восточных территорий, чем мусульманская миграция).

Уже сегодня на этих территориях все острее встают вопросы сосуществования разных этнических групп. С середины 2000х годов нелегальная составляющая миграции в Сибири по официальным оценкам превышала легальную в 5-10 раз, а по оценкам экспертов из Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) – гораздо больше. Так, официально на территории НСО на 1.10.2006 г. было зарегистрировано 6313 трудовых мигрантов из всех стран, из них 2000 киргизов, в то время как эксперты из Новосибирского отделения РАН оценивали число одних только киргизов в 30000 человек (т.е. в 15 раз больше официальных оценок).⁶⁷ Эти же тенденции (занижение официальной численности мигрантов и фактическое увеличение их реального количества) сохранялись в регионе и в последующие годы, за исключением второй половины 2008 г., когда из-за экономического кризиса Новосибирскую область стали покидать гастарбайтеры, которым не выплачивали заработную плату.⁶⁸ Однако как только острый пик кризиса был пройден, мигранты вновь потянулись в богатые сибирские регионы. Кроме того, далеко не все мигранты, ставшие

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ По официальным оценкам, с ноября по декабрь 2008 года из региона уже уехали 7000 мигрантов, а всего с начала года количество убывших составило 16 тыс. человек.

жертвой экономического кризиса, вернулись на родину. Многие из них остались в Сибири, перейдя в теневой или криминальный сектор.

Проблема мигрантов в Сибири дополнительно осложняется тем, что увеличение числа мигрантов здесь идет параллельно с оттоком коренного населения из Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, высокие квоты на мигрантов здесь не оправданы, поскольку спрос на трудовые ресурсы здесь не так высок, а рабочие места в значительной степени востребуются местным населением⁶⁹.

Миграция в регионы Дальнего Востока началась с некоторым опозданием и не с такой интенсивностью, как в европейской части страны, однако в настоящее время начинает вызывать проблемы, аналогичные тем, что уже давно фиксируются в центральных регионах России. Характерным для дальневосточных и восточносибирских регионов является небольшой масштаб северокавказской миграции и значительный – среднеазиатской. Приезд гастарбайтеров связан, как правило, с большими инфраструктурными и строительными проектами, которые разворачиваются в нескольких регионах (в основном в Приморском крае), нарастание межэтнической напряженности коррелирует с ростом числа новых проектов. В основном напряженность связана с выходцами из Средней Азии, а не Китая. Выступления гастарбайтеров и конфликты в их среде часто связаны с плохими условиями труда и дефицитом рабочих мест. Прямой же конкуренции за рабочие места с местным населением в настоящее время не наблюдается по причине занятия разных ниш на рынке труда, однако настороженность в отношении мигрантов растет. Последнюю усиливают рост преступности и конфликтов между самими гастарбайтерами, спровоцированные, в том числе, межгосударственными конфликтами в Средней Азии.

Нарастание миграции из Средней Азии приводит к росту числа бытовых конфликтов, что отодвигает на второй план проблемы взаимоотношений русского и титульных этносов.

4.1. Дальний Восток и проблема «китайского вторжения»

В российских СМИ и общественном сознании распространено мнение, согласно которому основную опасность в сфере миграционной политики для Сибири и Дальнего Востока представляет китайская экспансия. Однако на сегодня гораздо более активным является процесс ползучей исламизации стратегически важных регионов Сибири и Дальнего Востока.

⁶⁹ Даже либеральные социологи, такие, как Жанна Зайончковская, зав. Лабораторией анализа и прогнозирования миграции Института народохозяйственного прогнозирования РАН, соглашаются с тем, что для Сибири проблема нехватки рабочих рук стоит гораздо менее остро, чем для центральных районов России.

Масштабы присутствия китайцев в восточных регионах РФ пока не столь велики. Например, на ДВФО доля постоянно работающих китайцев среди населения не превышает 5%, что сопоставимо с ситуацией в царской России. Как считает член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО Василий Михеев, «демографическое давление» китайцев – «это все же неправильная постановка вопроса, основанная не на анализе ситуации, а на интересах тех людей, кто это вбрасывает. Прежде всего, местных органов власти, которые перекидывают на китайцев свое неумение решать социально-экономические и криминальные проблемы. Больше ничего здесь нет».⁷⁰

Недооцененным фактором сегодня является встречающая миграция из РФ в КНР. Китайский эксперт, президент Академии наук северо-восточной китайской провинции Хэйлунцзян профессор Цю Вэй (QuWei) в этой связи отмечает:

*«Процесс миграции носит двусторонний характер, и в Китае также увеличилось и продолжает увеличиваться количество российских мигрантов. Основная часть из них – туристы, студенты и бизнесмены. Конечно, некоторая часть китайских граждан оседает на жительство в России. Но и россияне, например, в приграничных районах Китая и, в том числе в Харбине, покупают недвижимость, устраиваются на работу, женятся и остаются на постоянное жительство. Это взаимный процесс».*⁷¹

Китайские эксперты, склонные к занижению показателей миграции из КНР в Россию, считают, что приток китайских мигрантов «едва достигает цифры в 80-100 тысяч человек в год». Тем не менее, даже китайские ученые признают, что точные данные по миграции в Россию из Китая (также, как из России в Китай) отсутствуют. По словам уже упомянутого профессора Цю Вэя, «некоторые СМИ сообщают, что количество китайских мигрантов в России составляет от 700 тысяч до 1 миллиона человек. Это показатель очень гибкий и неустойчивый. Надо различать термины «миграция» и «временное пребывание на территории другого государства». Мигранты приезжают на длительный срок или на постоянное жительство, но абсолютное большинство так называемых «китайских мигрантов» приезжают в Россию на короткий срок по трудовым контрактам или на учебу. Студенты после 3-4 лет обучения возвращаются в Китай. Процесс обучения китайских студентов в российских учебных заведениях регулируется министерствами образования и науки двух стран в соответствии с двусторонним соглашением. Китайцы не могут так просто въехать в Россию на учебу. И уже тем более такая категория въезжающих не подпадает под понятие «эмиграция». Ни в коем случае сюда нельзя причислять интуристов,

⁷⁰ Сибирь китайцев не прельщает // <http://www.rosbalt.ru/moscow/2013/05/06/1124338.html>

⁷¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0287/gazeta023.php>

приезжающих на срок до 15 суток. Они не являются ни мигрантами, ни эмигрантами»⁷².

Нельзя отрицать, что миграция китайцев в Россию, особенно в приграничных районах нашей страны, несет с собой целый комплекс проблем, в частности, криминального характера. Так, в местах компактного проживания китайцев возникают традиционные для Китая **организованные преступные группировки («триады»)**, контролирующие как легальный, так и нелегальный бизнес мигрантов. Принято считать, что особенностью «триад» является их «этническая обособленность» – в отличие от многих других этнических ОПГ, они не стремятся расширить зону своего влияния за пределы китайских землячеств. Хотя основным занятием «триад» остается сбор дани со своих соотечественников, по мнению некоторых экспертов, в Сибири и на Дальнем Востоке имеет место сращивание китайской и российской организованной преступности, ломающей старые традиции китайских этнических ОПГ. Еще десять лет назад **в регионе началось сращивание китайских, славянских и кавказских «мафий»**. *«Китайцы, - отмечали директор Владивостокского центра по изучению организованной преступности В.А. Номоконов и федеральный инспектор Полпреда Президента РФ по Приморскому краю С.Е. Лелюхин, - все чаще вступают в группировки русских бандитов, исполняя в них функции наводчиков на соотечественников. Ни одно из таких преступлений, как правило, не раскрывается... Имеются данные о том, что на Дальнем Востоке китайцы решили вносить свою долю в «общак» и российских уголовников. В результате китайцы уже потеснили на местном водочном рынке кавказские ОПГ – триады не только организовали контрабанду спирта, но и наладили процесс его переработки и продажи в России... Много мелких российских уголовников в настоящее время работают на китайские преступные синдикаты, либо выступают в качестве посредников при совершении ими различных коммерческих сделок, либо работают в качестве охранников в казино».*⁷³

В дальнейшем эти тенденции только усилились, хотя, разумеется, без конфликтов между «триадами» и другими этническими ОПГ не обошлось: так, в 2003 г. в Иркутске лидер местной «триады» был застрелен боевиками чеченской ОПГ при разделе сфер влияния в «лесном» бизнесе.

В кооперации с местными ОПГ китайские «триады» наладили маршруты секс-туризма из северо-восточных районов КНР в Приморье. Вновь образуемые конгломераты, соединяющие в себе русские, кавказские и китайские преступные группировки занимаются так называемым «силовым сопровождением»

⁷²<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0287/gazeta023.php>

⁷³Лелюхин С.Е., Номоконов В.А. Китайская организованная преступность на Дальнем Востоке России // Незаконная международная миграция как угроза всеобъемлющей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества России и приграничных стран.

внешнеторговых операций по продаже в КНР леса, металлолома. В СМИ появлялись данные об организации продажи и вывоза в Китай стратегического сырья, радиоактивных материалов. При этом, соблюдая принцип специализации, местные преступные группировки занимаются хищением такого рода продукции на предприятиях Иркутской области, а китайские - контрабандным вывозом в КНР.

К традиционным видам криминального бизнеса, которым занимаются китайцы на Дальнем Востоке, относится контрабанда и незаконное распространение наркотиков (особенно синтетических: метамфетамина, МДМА («экстази») и других). Примерно 90% синтетических наркотиков и психотропных веществ, ввезенных в дальневосточные регионы, попадают туда из Китая, где триады создали обширную сеть лабораторий. По данным, приведенным заместителем руководителя аппарата Государственного антинаркотического комитета (ГАК) – начальником управления по ДФО Александром Беклемишевым, в 2010 году **уровень наркопреступности в Дальневосточном регионе превысил общероссийский на 46%**. Значительно – почти на 80% – выросло количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в Амурской области и Приморском крае. За 2010 год из незаконного оборота в Дальневосточном федеральном округе изъято 8 кг наркотиков амфетаминовой группы и 14,5 кг синтетических наркотических средств. Определенный процент изымаемых из незаконного оборота синтетических наркотиков поступает из Китая, где активно производятся их новые виды. Серьезную опасность представляет ввоз сильнодействующих веществ, из которых уже на российской территории в подпольных нарколабораториях изготавливают метамфетамин.⁷⁴

К числу «традиционных» криминальных бизнесов, которые контролируются китайскими преступными сообществами на Дальнем Востоке, относится контрабанда и вывоз сырьевых ресурсов из России в Китай. В первую очередь китайцев интересуют черный цветной металлолом, золото, лес, рыба и сельскохозяйственная продукция. В обмен китайцы также контрабандно поставляют в Россию алкоголь и сигареты. На российском Дальнем Востоке китайские преступные группировки вовлечены в заготовку и экспорт российской древесины. Эти группы управляют большими лесными массивами в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Читинской областях, граничащих с северным Китаем. Для организации незаконных лесозаготовок и экспорта леса китайские преступные группировки часто сотрудничают с японской якудзой и российскими преступными группами.

⁷⁴Лелюхин С.Е. Китайская организованная преступность на ДВ России 2011-10-10 // ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

Специфика китайской организованной преступности в РФ состоит именно в том, что **ее основной специализацией является нелегальный вывоз сырьевых ресурсов.**

Через многие китайские и созданные с их участием совместные предприятия на Дальнем Востоке и в Сибири за бесценок уходят стратегические промышленные ресурсы, высокоценное лекарственное и сельскохозяйственное сырье, ценная и редкая древесина и морепродукты. Одним из источников дохода китайской «мафии» является криминальный экспорт так называемого промышленного леса, то есть ценных пород дуба, кедра и ясеня. По мнению специалистов, именно процветающий черный рынок, где жители КНР скупают древесину в пять-шесть раз дешевле ее стоимости на мировом рынке, подорвал некогда процветавшую лесопромышленную отрасль Приморья. Интенсивность внимания китайцев к российскому лесу во многом объясняется тем, что в Китае введен мораторий на вырубку своих лесов.

Китайские триады контролируют обширную сеть преступных групп, занимающихся перемещением нелегальных мигрантов из провинций Фуджянь и Чжецзян в Европу через территорию Российской Федерации. Один из маршрутов включает пересечение российско-китайской границы в районе городов Благовещенска или Читы, а затем по транссибирской железной дороге поездом до Москвы, а оттуда уже самолетом в страны Европейского Союза. Москва является пунктом, где китайские мигранты получают поддельные визы, разрешающие им легальный въезд в европейские страны.

Наряду с незаконной миграцией, китайские триады активно вовлечены в торговлю российскими женщинами для целей сексуальной эксплуатации. Из России осуществляется самый массовый вывоз женщин в Китай. По некоторым оценкам около 15 000 российских женщин, выехавших туда из регионов российского Дальнего Востока, стали объектами сексуальной эксплуатации и вынуждены заниматься проституцией.

Незаконная добыча морепродуктов – другая область сотрудничества между китайскими и российскими преступными группами. Российские власти неспособны в большинстве случаев пресечь деятельность китайских нарушителей, осуществляющих лов рыбы у восточного побережья России, с одной стороны, потому, что вылов осуществляется с российских судов, а с другой, потому, что покровительство «русской мафии» является неотъемлемой частью добычи морепродуктов китайскими группами.

Как уже было сказано, китайские и российские преступные группы не только сотрудничают при совершении различных преступлений, но и создают совместные банды. В настоящее время только в Приморье действует примерно 50 организованных преступных групп, в состав которых входят как российские, так и китайские граждане. Характерно, что на территории России китайские преступники стали подражать своим российским «коллегам». Они старательно

изучают русский язык, берут себе русские имена, перенимают стереотипы российской уголовной среды.

По данным американских исследователей в настоящее время на территории Российской Федерации активно действуют такие из известных китайских триад как «BigCircle», «14K», «RedSun» и «SunYeeOn». Характерно, что названные преступные организации являются самыми могущественными в Гонконге и на территории материкового Китая и специализируются на совершении наиболее сложных и масштабных преступных операций, таких как контрабанда и распространении тяжелых наркотиков (в первую очередь героина из стран «Золотого треугольника»), контрабанда товаров, организация каналов нелегальной миграции, мошенничество в финансовой сфере и отмыwanie «грязных» денег, представляющих повышенную социальную, экономическую и политическую опасность.

В своей статье «Триады усиливают свою власть на Дальнем Востоке России» американский исследователь Бертил Линтнер отмечает, что организованная преступность всегда была серьезной проблемой для Владивостока и всего Дальнего Востока. Однако за последние несколько лет ситуация здесь изменилась за счет увеличения числа китайских триад, действующих в названном регионе. Только в 2002 году на российский Дальний Восток было переведено через китайскую нелегальную банковскую сеть около 200 миллионов долларов США, которые были инвестированы в казино, гостиницы, рестораны и притоны по оказанию интимных услуг. Большое количество этих средств также инвестировались в незаконную заготовку леса и добычу рыбы и морепродуктов, которые в последующем контрабандным путем вывозились в Китай, Японию и Южную Корею, в результате чего российский бюджет недополучил часть своих доходов.

По мнению Бертила Линтнера, внешнее улучшение криминогенной ситуации в регионе в последнее время объясняется тем, что прежних российских уголовных авторитетов уже нет по различным причинам, а их место заняли китайские триады. Они лучше организованы, более конспиративны и рассматривают нарушение общественной безопасности как угрозу их преступному бизнесу.

Имеются основания полагать, что до 2009 года китайские «триады» управляли сетью казино в Дальневосточном регионе (во Владивостоке китайцам принадлежало 12 игровых заведений, а в Благовещенске более 200), а в настоящее время продолжают управлять множеством китайских ресторанов и даже несколькими российскими гостиницами и кафе. Единственная сфера преступного бизнеса, в которой не доминируют китайцы, – региональный рынок торговли наркотиками, которая находится под контролем таджикских, казахских, чеченских и других центрально-азиатских преступных группировок, которые поставляют героин из Афганистана.

Официальные лица, наблюдающие за соблюдением законов в Азии, считают, что оборот «китайской нелегальной банковской системы» по денежным переводам в Китай и из Китая превышает объем денежных переводов, осуществляемых через официальную банковскую систему и, что теперь эта сеть действует и на территории российского Дальнего Востока.

На китайском языке эту систему называют «huikuan» («перевод денежных сумм») или «цзяо hui» («заграничные денежные переводы»). Некоторые называют ее «feichien» («летающие деньги»). Смысл этой системы в том, что деньги никогда не покидают того места, где они были уплачены. Эквивалентное количество денег может быть получено в любой точке мира, где имеются этнические китайские сообщества. При этом операции по переводу денег не оставляют никакого бумажного следа, который мог бы быть исследован международными правоохранительными агентствами.

Особую тревогу вызывает отмечаемое экспертами **взаимодействие китайских преступных организаций, действующих на территории Российской Федерации, с китайскими спецслужбами и другими госорганами.** Определенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что во главе криминальных фирм, действующих в России, часто стоят бывшие работники китайских спецслужб, нелегально провозя в сибирские и дальневосточные регионы большие суммы денег, примериваются к инвестированию их в поставки запрещенных товаров и услуг.

Характерно, что руководители спецслужб и лидеры различных стран хотя и не обвиняют правительство Китая в поддержке триад, но в то же время располагают косвенными данными о том, что разведорганы КНР используют триады в своих целях. Следует также иметь в виду, что многие легально образованные в России коммерческие предприятия с китайским капиталом возглавляют бывшие работники спецслужб КНР.⁷⁵

В целом, деятельность китайских преступных сообществ на территории России имеет следующие характерные особенности:

- относительно небольшой период деятельности китайской организованной преступности на территории России и ее бурный рост, вызванный ускоренными темпами китайской миграции;
- сращивание китайской и российской организованной преступности, действующей на территории Российской Федерации;
- установление китайской организованной преступностью тесных связей с российскими правоохранительными органами и властными структурами;

⁷⁵ Лелюхин С.Е. Китайская организованная преступность на ДВ России 2011-10-10 // ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

- преимущественная ориентация на масштабный вывоз стратегических ресурсов, превращающая китайскую организованную преступность в важнейший инструмент неэквивалентного внешнеторгового обмена;
- высокая степень конспирации китайских преступных организаций и ориентация на членов китайской диаспоры, находящихся на территории Российской Федерации, как на объект преступного посягательства;
- взаимодействие китайских преступных организаций, действующих на территории Российской Федерации, с китайскими спецслужбами и другими госорганами.

4.2. Исламизация Западной Сибири. «Тюменский халифат»

Для стратегически важных «сырьевых» регионов Сибири в последние годы все более актуальной становится проблема замещения местного населения мигрантами-мусульманами. Несмотря на то, что история формирования мусульманских общин в Сибири уходит корнями в далекий XVI век, определяющей для региона стала третья волна миграции, начавшаяся в 1989 г. и продолжающаяся до сих пор. Эта волна была связана с особенностями формирования нового рынка труда в постсоветской России и растущими ценами на углеводородное сырье. Концентрация трудовых ресурсов в местах дислокации капитала привела к притоку как квалифицированной (специалисты-нефтяники, геологи, бурильщики), так и неквалифицированной рабочей силы из регионов традиционной нефтедобычи (Азербайджан, Башкирия, Дагестан, Чечня, Туркмения и т.п.) В результате в богатых углеводородами регионах Сибири сложились общины, отличающиеся от местного населения и по этноконфессиональным признакам.

Как указывает исследователь миграционных процессов в Сибири Г.А.Хизриева, «пути миграции, пролагаемые трудовыми мигрантами третьей волны... прошли через точки дислокации капитала, то есть столичные города региона и крупные центры добычи газа и нефти Большой Тюмени. Национальный состав населения в целом не изменился, но этноконфессиональный баланс стал неуклонно меняться в сторону «мигрантского».⁷⁶ Тенденция усиливалась (и продолжает усиливаться) из-за постоянного оттока русского населения (как правило, хорошо образованного и экономически активного) на запад страны.

Серьезным вызовом национальной безопасности России является стремительное распространение в стратегически значимых регионах Севера

⁷⁶Хизриева Г.А. «Профессиональные сообщества мигрантов-мусульман в Западной Сибири» // Этнографическое обозрение №3 2008

России и Западной Сибири агрессивного исламизма (ваххабизма). Этот процесс подпитывается как внешней, так и внутренней миграцией. Эксперты уже отмечали, что на протяжении 2000-х годов происходило усиление религиозного влияния исламистов Северного Кавказа на единомышленников в Поволжье, когда ваххабиты с Юга России превратились в духовных наставников, учителей для исламистов в центре страны⁷⁷. Не менее остро эта проблема встает на Крайнем Севере и в Сибири, где приток внутренних мигрантов, придерживающихся радикальных исламистских взглядов, порой достигает такого масштаба⁷⁸, что правоохранительные органы вынуждены закрывать въезд в некоторые населенные пункты. Такая ситуация сложилась в Ямало-Ненецком автономном округе, где в 2012 г. был ограничен въезд в Новый Уренгой. С осени 2012 г. для того, чтобы попасть в газодобывающую столицу России необходимо предъявить или спецпропуск, или приглашение от родственников. Причем сразу на месте пропуск не выдается, оформление документа занимает около месяца (больше, чем шенгенская виза). Эти меры, как официально заявляют в администрации города, связаны с борьбой с нелегальной миграцией. Под жесткий контроль были взяты федеральная трасса, железная дорога и аэропорт.⁷⁹

Исламовед Раис Сулейманов считает, что эти меры были продиктованы крайней необходимостью: в городах, подобных Новому Уренгою, *«крайне высок уровень мигрантов с Кавказа, а ваххабитов стало столько, что силовые органы, будучи уже не в состоянии преодолеть эту проблему, идут по пути договоренности с религиозными радикалами, чтобы те старались себя вести хорошо, город получил статус погранзоны, въезд был ограничен. Ситуация с исламскими фундаменталистами в этой газодобывающей столице России критическая: агитация фундаменталистов ведется не только в мечетях, но даже в местных вузах, а выбор города для такой экспансии ваххабитов неслучаен – исламисты создают экономический и людской плацдарм для того, чтобы в дальнейшем перейти к активной фазе (как отмечают наблюдатели, они ждут своего часа «Х»)»*⁸⁰.

По свидетельству представителей мусульманского духовенства, Ямал для боевиков-исламистов в период чеченских войн 1990-х годов играл роль военно-полевого госпиталя: «На Ямале чеченские боевики полностью лечились и проходили реабилитацию после ранений, полученных в боях с федеральными

⁷⁷ Влияние северо-кавказских ваххабитов в Поволжье будет усиливаться: эксперты // ИА REGNUM, 4 февраля 2013 года. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1620725.html>

⁷⁸ Исламовед: Религиозные радикалы пустили прочные корни в северных регионах России // ИА Росбалт, 8 мая 2014 года. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2014/05/08/1266288.html>

⁷⁹ <http://rbcdaily.ru/society/562949985255262>

⁸⁰ Стешин Д. Новый Уренгой отгородился от приезжих сограждан и гастарбайтеров // Комсомольская правда, 2 декабря 2012 года. URL: <http://www.kp.md/daily/25994/2923510/>

войсками»⁸¹. Такая тенденция, даже после завершения активной фазы контртеррористической операции в Чечне после появления «Имарата Кавказ», провозглашенного Доку Умаровым в 2007 году, вполне сохраняется и поныне.

Экс-муфтий Ямало-Ненецкого автономного округа Фарид Салман рассказывает, что ваххабиты в мечети все чаще приходят с обрезам. И дают понять местному имаму, что если он будет их критиковать, то пополнит список из шестидесяти убитых мусульманских лидеров России⁸² (с 1998 года численность погибших от рук религиозных экстремистов мусульманского духовенства, придерживающегося традиционного ислама, перевалило уже это число).

По мнению цитировавшегося выше Романа Силантьева, «террористическая география расширяется, захватывая Сибирь, Дальний Восток, Урал». Радикальный исламизм распространяется в таких стратегически важных регионах страны, как ХМАО, Тюменская и Новосибирская области. Главным источником, подпитывающим агрессивный исламизм, является миграция – как внутренняя, из регионов Северного Кавказа, так и внешняя – из государств Центральной Азии и Закавказья.

Так, в 2011 г. в Новосибирскую область из Кабардино-Балкарии прибыл радикальный исламист Анзор Кунашев, которому удалось организовать террористическую группировку (незаконное вооруженное формирование) «Новосибирский джамаат», в состав которого входили как мигранты-мусульмане, так и этнические русские, принявшие ислам. Группировка занималась грабежами и разбоем, больше половины добытых денег отправляя на финансирование боевиков Дагестана и КБР. Лидеры группировки планировали «создание самостоятельного шариатского государства, основанного исключительно на нормах и законах радикального течения в исламе». Незадолго до задержания боевиков «джамаата», они собирались захватить одно из отделений полиции и с захваченным там оружием начать «партизанскую борьбу» в лесах области. Деятельность группировки была пресечена в 2012 г., однако лидер «Новосибирского джамаата» Анзор Канашев до сих пор находится на свободе.

Повышенная конфликтность наблюдается и в других местах компактного проживания мигрантов-мусульман, прежде всего, в ХМАО. Ханты-Мансийский автономный округ — один из богатейших российских регионов: здесь добывают около половины всей нефти в стране. Однако за финансовым благополучием кроется социальный коллапс. Так, за первое полугодие 2013 года в Сургуте

⁸¹ Муфтий Пермского края: во время чеченских войн Ямал был для боевиков военно-полевым госпиталем // Аналитический портал "Спектр", 18 марта 2013 года. URL: <http://sp-analytic.ru/popularity/1754-muftiy-permskogo-kрая-vo-vremya-chechenskih-voyn-yamal-byt-dlya-boevikov-voenno-polevym-gospitale.html>

⁸² Емельяненко В. Халифат всея Руси: как ваххабитский холдинг строит новую империю // Русский Репортер, №43 (321), 31 октября 2013 года. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/10/29/halifat/>

уровень преступности вырос более чем в полтора раза. За этот же период в город прибыло более 26 тысяч мигрантов — это 7,7% от общего количества жителей Сургута. Более того, значительное их количество явно не соответствует образу законопослушного гражданина, поскольку статистика неумолима: жителей крупнейшего города в регионе стали грабить в девять (!) раз чаще.

Ханты-Мансийский Автономный округ входит в «красную зону риска» по методике ЦИНК, публикующего регулярные рейтинги межэтнической напряженности. Помимо ХМАО, в красную зону, характеризующуюся этнически мотивированными регулярными массовыми насильственными действиями; регулярными убийствами на национальной почве; системным характером межэтнических противоречий; политической активностью с эксплуатацией этнической тематики, входят лишь Москва и Дагестан.⁸³

По оценке экспертов ЦИНК, регион характеризуется очень высокой степенью межэтнической напряженности / религиозной вражды. Зафиксировано значительное количество конфликтов на почве национальной ненависти, в том числе массовых, в том числе с применением насилия. В Сургуте массовые драки местных жителей и приезжих с Северного Кавказа стали заметным и привычным явлением.

Значительное количество конфликтов, в том числе резонансных, указывают на очень высокий уровень межэтнической напряженности и системный характер проблем в данной сфере. Расследование некоторых громких преступлений пришлось даже взять под личный контроль руководителю Следственного Комитета РФ.

Для округа характерна ситуация, противоположная сложившейся в большинстве регионов страны, где на фоне украинского кризиса происходит консолидация общества, снижение уровня межэтнической напряженности и консервация националистических настроений. За прошедшие шесть месяцев в ХМАО произошел целый ряд ожесточенных межэтнических столкновений и резонансных преступлений с участием приезжих с Кавказа — чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев.

В основном конфликты имеют насильственный и массовый характер. Регулярно происходят задержания членов экстремистских религиозных организаций. Действия «салафитского подполья» ХМАО в целом соответствуют методике ваххабитов Северного Кавказа, где также происходил захват власти в религиозных учреждениях путем вербовки имамов мечетей, убийства лидеров традиционного ислама, препятствовавших пропаганде ваххабизма в мечетях,

⁸³ ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в России. Весна-осень 2014 г.// <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/>

запугивания умеренных членов уммы. Например, в населенных пунктах ХМАО, таких, как Пять-Ях, Покачи и т.д. агрессивные исламисты открыто терроризируют прихожан и имамов местной мусульманской общины, которые, по их мнению, недостаточно активно борются с «русским господством» и «антиисламским режимом».

В фокус внимания этнорелигиозная ситуация в ХМАО попала в мае 2013 г., когда ОМОН остановил в пригороде Сургута две автоколонны (160 машин) с кавказцами, многие из которых были вооружены. По официальной версии, участники автопробега ехали в детский дом «поздравить сирот с Пасхой», однако более вероятно, что полиция пресекла попытку радикальных исламистов совершить провокацию, приуроченную к главному христианскому празднику.

Мероприятия по нормализации обстановки, проводимые органами местной власти и правопорядка, демонстрируют чрезвычайно низкую эффективность, большинство принимаемых мер носят аппаратный характер и не связаны с непосредственной работой с населением. Ситуация усугубляется еще и тем, что кризис в сфере межнациональных отношений не признается региональной властью. Сочетание низкой эффективности работы ответственных чиновников, переплетение межнациональной и межконфессиональной вражды и обострение социально-экономических противоречий обусловило взрывоопасную обстановку в регионе.

Одним из главных факторов межэтнической напряженности в ХМАО является привлекательность региона для внутренней и внешней миграции и, как следствие, чрезвычайно высокий уровень экономической конкуренции. Впрочем, сложный этнический состав автономии объясняется не только ее экономической привлекательностью, но и рядом исторических особенностей. В частности, среди населения ХМАО относительно велик процент выходцев из различных регионов Кавказа, приехавших в Ханты-Мансийский округ еще в советские времена как специалисты нефтяной отрасли.

Сегодня в ХМАО эксперты отмечают **рост влияния кавказских диаспор, которые не только постепенно вытесняют русскоязычное население, но и вступают в конфликты с мигрантами-азиатами.** Дальнейший рост межэтнической напряженности в какой-то степени удастся сдерживать за счет богатства региона и доступа разных категорий приезжих к социальным благам, однако в свете новых экономических трудностей этот стабилизирующий фактор начинает терять свое значение. Среди проявлений межэтнической напряженности особое место занимают конфликты, первопричиной которых послужил криминальный передел собственности. За прошедшие полгода зафиксирован ряд случаев, которые могут быть интерпретированы как попытки рейдерского захвата собственности с участием кавказских этнических преступных групп. Инциденты такого рода, как правило, имеют насильственный характер.

Местное население, естественно, недовольно сложившейся обстановкой. При этом «этническая» политика властей вызывает острое неодобрение местных жителей: особое возмущение вызвала передача губернатором ХМАО Натальей Комаровой 280 квартир в новостройках «вынужденным переселенцам из Чечни» на фоне многолетних очередей по расселению бараков, существовавших здесь задолго до прихода Комаровой к руководству региона.⁸⁴

Кроме того, по распоряжению губернатора ХМАО Натальи Комаровой, в регионе создан так называемый «дагестанский ОМОН» - мобильные группы, помогающие разрешать конфликты с участием выходцев из Дагестана. В каждой мобильной группе работают по три-четыре спортсмена. «С согласия губернатора в округе появились легальные этнические силы правопорядка, действующие не столько по закону Российской Федерации, сколько по понятиям своих сообществ».⁸⁵

Таким образом, в целом, межэтническая ситуация в ХМАО крайне напряженная, имеет тенденцию к ухудшению. Высокая неконтролируемая миграция, экспансия радикального ислама и ожесточенная экономическая конкуренция на фоне невнятной национальной политики окружных властей создают мощный конфликтный потенциал, для нейтрализации которого пока нет никаких предпосылок.⁸⁶

Безусловно, «обычный» этнический криминал сегодня даст большую фору исламистскому экстремизму в списке текущих угроз. Однако эти две линии угроз все больше соприкасаются. Исламисты давно рассматривают криминальный мир как основу формирования «исламской гвардии».⁸⁷ Исламистское мировоззрение хорошо накладывается на многие установки и стереотипы уголовной среды: демонстративное презрение к закону, окружающему обществу переиначивается в осуждение «неверных», банальный рэкет – в «закят» – благотворительный взнос в пользу джамаата, преступления трактуются как часть «джихада», наконец, сама экспансия криминальных структур приобретает «высший» религиозно-политический смысл.

Этот мировоззренческий контекст экспансии этнических преступных групп не стоит недооценивать. Характерно, что именно регион Тюмени является

⁸⁴ Блортеh_nomad <http://teh-nomad.livejournal.com/1921117.html>

⁸⁵ Мигранты «захватывают» Сибирь // <http://www.mk.ru/social/article/2013/11/12/943789-migranty-zahvatyivayut-sibir.html>

⁸⁶ <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/hmao.html>

⁸⁷ Халифат всея Руси. Русский репортер №43 (321), 31 октября 2013 г. // http://expert.ru/russian_reporter/2013/43/halifat-vseya-rusi/

ключевым для известного проекта радикального ислама по созданию «Тюменского халифата».

В основе концепции «Тюменского халифата», или «Халифата Тюмения» лежит уверенность ваххабитов в том, что вся имеющаяся на земле нефть дарована правочерным Аллахом, и что неверные владеют ей незаконно. В джамаатах Западной Сибири читаются лекции на эту тему; проповедники ваххабизма учат, что Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий округ, Республика Коми и Тюменская область должны стать фундаментом для нового исламского государства, которое будет контролировать богатейшие на земле запасы углеводородов, и, как следствие, будет признано всеми странами мира. В последние годы наблюдается настоящий исход уроженцев кавказских республик (а также государств Центральной Азии) в регионы Западной Сибири, в нефтяные и газовые столицы которых целенаправленно едет придерживающаяся норм агрессивного исламизма мусульманская молодежь.

Распространение идеологии агрессивного исламизма является тем «неучтенным» фактором, который превращает стабильную в социальном и экономическом отношении Тюменскую область и другие регионы Западной Сибири в зону риска для национальной безопасности России.

5. ВЫВОДЫ

5.1. Несовершенство статистического учета внешней миграции делает проблематичной точную оценку ее объема. В лучшем случае, мы можем рассчитывать на выделение ориентировочных показателей и фиксацию нижних и верхних пределов для количественных оценок.

В качестве таковых можно условно рассматривать, с одной стороны, – данные Росстата по миграционному приросту в РФ за 1992 – 2010 гг. – 5,4 млн. человек. С другой – данные Федеральной пограничной службы ФСБ РФ о разнице между прибывшими и выбывшими из страны в период с 1999 по 2012 гг. Она составляет 27,75 млн. человек.

Если первый показатель явно не отражает реальной картины (в отчетах Росстата о международной миграции отражаются лишь те, кто прибывает на постоянное место жительства), то второй, по меньшей мере, заслуживает внимания как ориентир для оценки масштаба явления. Понятно, что он позволяет делать лишь косвенные выводы – в общей совокупности въездов и выездов на территорию РФ многие мигранты участвовали неоднократно, однако суммарный «перевес» прибытий над выбытиями подразумевает не число поездок, а конкретных оставшихся в России людей. Если на годовом интервале этот показатель дает большие погрешности, то за период в 14 лет он достаточно репрезентативен.

5.2. Волна постсоветских трудовых мигрантов, прибывающих в Россию с начала 2000-х гг, принципиально отличается от мигрантов 1990-х гг. этническим составом, более низким уровнем образования и квалификации. Основную часть (около 2/3, если судить по статистике приобретения патентов) многомиллионного контингента «оседающих» в РФ мигрантов составляют уроженцы государств Средней Азии с низким уровнем владения русским языком, культурными навыками характерными для аграрной исламской глубинки и минимумом профессиональных квалификаций.

Изменение этнической структуры населения страны, вызванное массовой иммиграцией, чревато глубокими и болезненными социальными трансформациями. Взаимное доверие, солидарность, навыки кооперативного поведения, уважение к общепринятым нормам образуют «социальный капитал» нации, укорененный в ее историческом опыте и культурных особенностях. Но в случае значительной культурной дистанции между иммигрантами и принимающим обществом, он неизбежно разрушается. Этнические конфликты, которые часто воспринимаются как основной раздражитель в сфере национальной и миграционной политики, – лишь симптом этого длительного процесса, а не сама болезнь.

5.3. В числе социальных проблем, связанных с миграцией, наибольший общественный резонанс вызывают насильственные преступления. Крайне тревожным является рост преступности выходцев из государств Средней Азии. Количество индикаторных преступлений, совершенных членами новых диаспор, образованных выходцами из среднеазиатских государств-доноров миграции, возросло на 60,2% (данные по материалам исследований за 2007-2011 г.). По данным на 2013 г., можно сделать вывод, что наибольшую криминальную угрозу создают мигранты из Узбекистана (как наиболее многочисленная когорта мигрантов). В 33 субъектах Российской Федерации количество совершенных гражданами Узбекистана индикаторных преступлений оказалось на первом месте.

Однако бытовая преступность мигрантов зачастую является лишь верхушкой айсберга, в основании которого – организованная этническая преступность, подпитываемая миграцией. Именно организованная преступность представляет собой «матрицу», на базе которой происходит формирование параллельного социума этнических мигрантов.

Ключевым видом деятельности этнических преступных группировок, связанным с внешней миграцией, является транзит и продажа наркотиков. Опасной тенденцией стало превращение России из страны-транзитера наркотиков в крупнейший рынок сбыта наркотических веществ (по оценкам Европола, сопоставимый с общеевропейским). Число граждан стран Центральной Азии, вовлеченных в наркопроизводство, постоянно растет в силу массовой безработицы в этих странах и криминальной активности обедневших слоев местного населения. По обобщенным данным отечественных правоохранительных ведомств и спецслужб, в Центрально-Азиатском регионе действует 500 нарколабораторий и

147 крупных наркоформирований, специализирующихся исключительно на российском направлении («Северный маршрут»). Глобальный наркотрафик афганских опиатов и гашиша по «Северному маршруту» вызывает к жизни силы, открыто заявляющие свои глобальные политические амбиции, включая финансирование исламистского экстремизма на территории РФ и серьезное воздействие на политическую обстановку в Центральной Азии.

5.4. Наряду с наркоторговлей, важнейшим направлением деятельности этнических организованных преступных сообществ, прямо угрожающим национальной безопасности, является вывоз сырьевых ресурсов из РФ по «бросовым» ценам (стратегические промышленные ресурсы, высокоценное лекарственное и сельскохозяйственное сырье, цветные металлы, ценная и редкая древесина и морепродукты). Это базовая специализация китайской организованной преступности на территории российского Дальнего Востока (наряду с контролем над проституцией, поставками контрафактной продукции и некоторыми другими «промыслами») и важнейший фактор деградации экономики дальневосточных регионов. В последние годы отмечается рост влияния китайских криминальных корпораций («триад») на территории ДВФО, становящихся, по сути, важнейшим инструментом неэквивалентного / колониального обмена между РФ и КНР.

Деятельность китайских преступных сообществ на территории России имеет ряд характерных особенностей, делающих ее одной из чувствительных угроз для национальной безопасности РФ. В том числе –

- установление китайской организованной преступностью тесных связей с российскими властными структурами;
- гибкое взаимодействие и даже сращивание с российской организованной преступностью;
- высокая степень конспирации китайских преступных организаций;
- тесное взаимодействие китайских преступных организаций, действующих на территории Российской Федерации, с китайскими спецслужбами и другими госорганами КНР.

5.5. На сегодня основной фактор «китайской угрозы» на российском Дальнем Востоке связан именно с организованной преступностью, а не китайской миграционной экспансией как таковой. Последняя пока не принимает масштабного характера.

Начиная с середины 2000-х гг. более ощутимо, чем китайская миграция, на этнический баланс сибирских и дальневосточных регионов начинает влиять миграция из Средней Азии и (в отдельных городах – как правило, столицах «сырьевых провинций») Северного Кавказа. Рядом экспертов данный процесс рассматривается как позитивный, учитывая «недонаселенность» восточных

территорий. Однако именно на фоне низкой плотности населения и «встречного» оттока коренного населения в европейскую часть страны массовая этническая миграция способна привести к резкому нарушению этнического баланса и появлению на востоке страны – в т.ч. в стратегически значимых «ресурсных» регионах – зон постоянного этнорелигиозного конфликта.

На примере Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономного округов можно говорить о постепенной и неуклонной реализации этой угрозы за счет целого ряда факторов:

- наличие сильных северокавказских и закавказских диаспор еще с позднесоветских времен (когда кадры из Азербайджана, Чечено-Ингушетии, Дагестана активно привлекались для освоения новых сырьевых провинций),
- их активное пополнение за счет миграционных процессов в 1990-е и 2000-е гг., а также формирование массовых среднеазиатских диаспор,
- взаимоналожение этнических конфликтов и процессов экономической конкуренции между различными группами населения,
- сильное влияние этнических ОПГ, задействование этнического фактора в криминальном переделе собственности и сфер влияния, кланово-административных конфликтах,
- экспансия исламизма как идеологии, выражающей одновременно социальный протест и гегемонистские устремления этнических мигрантов, взаимная инфильтрация исламистских и этнических преступных сообществ,
- ошибочная национальная политика региональных и местных властей, до последней возможности отрицающих наличие этнорелигиозных проблем, подчас покрывающих этническую преступность и благоприятствующих этнической миграции.

5.6. Прямой и явной угрозой для национальной безопасности России является связь миграции с распространением радикального исламизма, ставшая особенно заметной в последнее десятилетие. Если 1990-е гг. в России и в мире в целом тон задавали этнические / этносепаратистские движения и конфликты, то в 2000-е гг. они оказались оттеснены на второй план ренессансом интегрального и радикального ислама. После событий т.н. «арабской весны» и экспансии ИГИЛ эта тенденция дополнительно усилилась – исламизм выглядит одной из ключевых глобальных долгосрочных угроз.

Важнейшим стратегическим резервом исламистской экспансии на территории нашей страны является массовая иммиграция из мусульманских регионов Средней Азии. На данный момент этот резерв задействован далеко не в

полную меру. Тем не менее, уже сейчас можно отметить целый ряд симптомов подпитки исламистской угрозы за счет внешней миграции:

- высокая активность исламистских проповедников, экстремистских и террористических групп из Центральной Азии на территории России, где они действуют в существенно более благоприятных условиях (в т.ч. с точки зрения жесткости законодательства и правоприменения), чем в большинстве стран исхода;
- превращение среднеазиатских мигрантов в основной контингент для вербовки со стороны исламистских групп, которая происходит под сенью молельных комнат (мусалля), мечетей, зачастую, на фоне невмешательства муфтиев – вынужденного (в связи с угрозами и давлением со стороны радикалов) или добровольного;
- повышенная конфликтность между местными и пришлыми мусульманами, в первую очередь между татарами, для которых мечеть традиционно играет роль своего рода национально-культурного центра, и мигрантами из Средней Азии, привносящими другие традиции ислама и другую бытовую культуру;
- наличие у части мигрантов боевого опыта (гражданская война в Таджикистане в 1990-е гг., также некоторые граждане среднеазиатских государств проходили подготовку в Афганистане / Пакистане или воевали в Сирии);
- негативная динамика интеграции мусульманских мигрантов в поколения – подрастающие поколения оказываются часто более радикальны и нетерпимы к принимающему обществу, чем их родители.

5.7. Одним из факторов роста конфликтного потенциала в обществе является половозрастная структура миграционного потока: почти 90% мигрантов – мужчины, причем преимущественно молодого возраста. В отдельных регионах возникает серьезный дисбаланс между женской и мужской частями населения, что негативно влияет на общественную атмосферу (повышенный фон агрессии), криминогенную ситуацию (бытовые конфликты, изнасилования), а в перспективе – и на социально-политическую ситуацию, поскольку высокая доля молодых мужчин в структуре населения (в данном случае возникающая искусственно в отдельно взятых регионах) создает повышенные риски насильственных социальных трансформаций. В данном случае, высока вероятность того, что они будут происходить под знаком радикального ислама.

Главной причиной актуальной или потенциальной восприимчивости иммигрантов к религиозному экстремизму принято считать их социальную и правовую незащищенность. Отчасти это верно. Однако проблема в том, что этот конфликтный потенциал не может быть нейтрализован за счет улучшения социально-экономического и правового положения иммигрантов. Пока люди

ведут повседневную борьбу за выживание, они в большинстве своем остаются далеки от политической / политико-религиозной борьбы. Напротив, удовлетворение минимальных, базовых потребностей открывает дорогу трудноразрешимому для «избыточной» когорты молодых мужчин конфликту притязаний (приемлемых социальных позиций оказывается меньше, чем их соискателей), который принимает, в том числе, и мировоззренческую форму. Характерно, например, что в странах Западной Европы ряды исламистских сообществ пополняют не только социально неблагополучные, но и наиболее «адаптированные» иммигранты / потомки иммигрантов. Поэтому по мере получения иммигрантами из Средней Азии гражданских и социальных прав на территории РФ можно уверенно прогнозировать дальнейшее распространение и усиление в их среде исламистской идеологии.

Часть II. Внешние риски

1. Миграционный фактор в отношениях с государствами Центральной Азии

1.1. Отношения со странами-донорами миграции

Сейчас в еще большей степени, чем во времена «Большой Игры» России и Великобритании в этом регионе, Центральная Азия превращается в арену борьбы между великими державами и их союзниками, сателлитами и клиентами. Соответственно, возрастает и политико-экономическое значение бывших республик СССР, а ныне – независимых государств Центральной Азии, которые являются основным донором трудовой миграции для России.

В этих условиях имеют особую важность отношения Москвы с руководством центральноазиатских республик. Основные элементы военного, политического, экономического присутствия России правящие режимы этих республик используют в качестве «тем для торга» с Москвой. В том числе – торга по поводу миграционного режима. По мнению казахского политолога Марата Шибутова, *«миграция из Средней Азии для России это плата за мнимую политическую лояльность среднеазиатских правящих режимов и возможность для части российской элиты постоянно обогащаться. Для среднеазиатских стран миграция в Россию это способ снизить социальные и экономические проблемы, решить проблему занятости и не заниматься собственной экономикой, перекладывая вопросы занятости населения на экономику России»*.⁸⁸

Проблема неконтролируемой миграции из стран Центральной Азии последние годы стала одной из наиболее обсуждаемых в российском обществе, как на уровне экспертного сообщества, так и на бытовом уровне. Требования ужесточить миграционную политику, ограничить поток мигрантов из мусульманских республик стали одним из главных запросов общественного мнения к власти, о чем свидетельствуют многочисленные опросы на этот счет (рассмотренные в докладе ИНС «Социальные риски иммиграции»).

12 декабря 2012 г. в ежегодном послании к Федеральному собранию, президент России Владимир Путин заявил о необходимости существенного ужесточения миграционной политики в ближайшее время. Путин предложил ввести ускоренный порядок предоставления гражданства России «соотечественникам, носителям русского языка и русской культуры, прямым потомкам тех, кто родился и в Российской империи, и в Советском Союзе»,

⁸⁸Марат Шибутув, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

которые изъявляют желание переехать на постоянное жительство в РФ и откажутся от прежнего гражданства. Также он предложил отменить с 2015 г. возможность въезда в Россию по внутренним паспортам для граждан всех иностранных государств, включая страны СНГ.

Это предложение президента вызвало резко негативную реакцию центральноазиатских режимов. В Душанбе заявили, что двум странам нельзя вводить визовый режим, так как это ухудшит двусторонние отношения и осложнит экономическую обстановку. Следует отметить, что более всего от ужесточения миграционной политики в РФ пострадает как раз Таджикистан – граждане этой страны приезжают в РФ в основном по внутренним паспортам и получить загранпаспорт для многих проблематично: он обходится примерно в 100 долл., что для многих неподъемная сумма. В то же время, «паспортный бизнес» относится к числу наиболее прибыльных сфер теневой экономики в Центральной Азии. По свидетельству лидера партии «Ватандор» Дододжона Автовуллоева, в Таджикистане загранпаспорт могут купить даже афганцы, чеченцы и другие неграждане Таджикистана. «Только для них он уже будет стоить от 500 долларов», – сказал Атовуллоев.⁸⁹

В Узбекистане, из 30 миллионов населения которого на заработках в РФ находится около 4 млн. человек⁹⁰, в ходу один документ, удостоверяющий личность, который используется как внутри страны, так и позволяет выезжать за пределы Узбекистана. Таким образом, ужесточение въезда по загранпаспортам никак не повлияет на объем трудовой миграции из этой страны.

Туркмению введение въезда по загранпаспортам не затронет вообще, поскольку с этой страной у России действует двусторонний визовый режим (кроме того, в 2003 г. Ашхабад в одностороннем порядке вышел из соглашения с Россией о двойном гражданстве)⁹¹.

Казахстан, как член Таможенного союза (и будущего Евразийского союза), вероятнее всего, также избежит ограничения миграции за счет ужесточения правил въезда в РФ. Киргизия, которая в настоящий момент выполняет «дорожную карту» по присоединению к Таможенному союзу, ощутит негативные последствия ужесточения правил въезда в РФ только на очень короткий срок, предшествующий вступлению в ТС.

⁸⁹<http://korrespondent.net/world/worldabus/1547616-ng-uzhestochenie-rezhima-vezda-v-rf-dlya-grazhdan-stran-sng-razvalit-sodruzhestvo>

⁹⁰По данным Центробанка РФ, в 2012 году они перечислили на родину 6,084 млрд. долл. При общем объеме ВВП Узбекистана в 51,4 млрд.долларов

⁹¹Несмотря на то, что Москва не признала это решение законным и официально уведомила Ашхабад о том, что продолжает считать соглашение действующим, нынешние туркменские власти стали вынуждать людей с двойным гражданством либо отказываться от российского гражданства, либо уезжать из Туркменистана. В Конституцию была введена статья, запрещающая иметь второе гражданство.

Очевидно, что в таких условиях переход к новым правилам въезда в Россию по загранпаспортам не может привести к системным изменениям объема и интенсивности миграционных потоков. Тем не менее, даже эти относительно мягкие меры по введению минимального контроля над миграцией из Центральной Азии, вызвали резко негативную реакцию со стороны Душанбе, Бишкека и других столиц региона.

К концу 2013 г. стало окончательно ясно, что въезд по загранпаспортам – это тот максимум, на который Москва может решиться в отношениях с республиками Центральной Азии. «Введение визового режима в рамках СНГ будет означать, что мы отталкиваем от себя бывшие республики Советского Союза, - сказал Владимир Путин на саммите АТЭС в октябре 2013 г. - Нам нужно не отталкивать, а приближать. Нам нужно делать этот процесс более цивилизованным, наладить работу на этом треке таким образом, чтобы он не раздражал коренное население, а вызывал положительную реакцию». А в послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 г., касаясь проблемы миграции, президент отметил:

*«Нужно упорядочить приём на работу иностранных граждан, прибывающих в Россию в безвизовом порядке, усилить ответственность работодателей за использование труда иностранных работников. И конечно, если они живут и работают в России, пользуются системами образования и здравоохранения, они должны нести соответствующие обязательства, платить налоги и другие платежи... У нас здесь непростая задача. Мы не можем порвать наши особые связи с бывшими республиками Советского Союза, но и порядок нужно наводить».*⁹²

Поскольку о переходе к визовому режиму со странами Центральной Азии речь больше не шла, то наводить порядок предлагалось административными мерами (такими как усиление контроля за целями въезда иностранных граждан, ограничение срока пребывания в стране тех иностранцев, которые въехали в Россию в безвизовом порядке и длительное время находятся здесь без определенной цели, запрет въезд в Россию лицам, нарушающим правила пребывания).

Аналогичную точку зрения отстаивает и глава ведомства, которое, казалось бы, должно быть более всего заинтересовано в переходе к визовому режиму со странами Центральной Азии – ФСКН. Отвечая на вопрос ведущего телепрограммы «Вести в субботу с Сергеем Брилевым», не пора ли вводить визовый режим и «границу с Казахстаном превращать в настоящую», Виктор Иванов выступил против введения визового режима со странами Средней Азии. «Отделяться от этих государств [Средней Азии] Великой Китайской стеной не следует. Наоборот, нужно быть локомотивом по продвижению наших

⁹²<http://www.kremlin.ru/news/19825>

инвестпроектов, которые были бы взаимно выгодны как странам Средней Азии, то есть странам транзита [наркотиков], так и России», - заявил глава ФСКН.⁹³

Рассматривая этот вопрос в контексте отношений России с государствами Центральной Азии за последние пять-десять лет, можно сделать вывод о том, что угроза ужесточения миграционного режима используется Москвой скорее как рычаг давления на элиты региона в некоторых особых случаях. Так, в декабре 2010 г. в Таджикистане были на 8,5 лет лишения свободы осуждены летчики Алексей Руденко (гражданин Эстонии) и Владимир Садовнический (гражданин России).⁹⁴ Дипломатические усилия по освобождению летчиков результатов не принесли (следует отметить, что к тому моменту, когда МИД РФ начал активные действия по освобождению летчиков, они находились в таджикской тюрьме уже 8 месяцев). После того, как власти Таджикистана отказались урегулировать вопрос об аресте Садовнического и Руденко, ФМС выслала из России 100 таджикских мигрантов (при этом, по самым скромным оценкам, общее число таджикских мигрантов в России составляет около 1,7 млн. человек). Этот шаг вызвал возмущение Федерации мигрантов России, заявившей о «грубейших нарушениях международных норм в области прав человека», однако спустя две недели после оглашения приговора летчикам (23 ноября 2011 г.) суд смягчил приговор и отпустил Руденко и Садовнического на свободу.

Еще более показателен пример с торговом, развернувшимся вокруг дислокации в Таджикистане 201-й российской военной базы.⁹⁵ На протяжении нескольких месяцев Россия предпринимала последовательные попытки убедить президента Таджикистана Эмомали Рахмона (Рахмонова) отказаться от взимания платы за размещение в Таджикистане 201 дивизии ВС РФ, разместить на аэродроме Айни российское авиакрыло и продлить срок пребывания российских военных советников на территории республики. В начале лета 2011 г. в Душанбе с официальными визитами побывали глава Администрации президента Сергей Нарышкин, министр обороны Анатолий Сердюков и генсек ОДКБ Николай Бордюжа. Однако, по данным СМИ, «ни по одной позиции договориться, судя по всему, так и не удалось». Более того, именно в это время – 2июля 2011 г. – в «Независимой газете» появилась статья спикера Госдумы Бориса Грызлова, посвященная развязанной против России «опиумной войне». Львиную долю афганского героина, говорилось в статье, привозят в РФ курьеры из Таджикистана, которых при нынешней системе контроля сложно вычислить. Поскольку власти в Душанбе не могут или не хотят бороться с наркотрафиком, Грызлов предлагал ужесточить за него наказания в России, а то и вовсе ввести визы.

⁹³ <http://www.fergananews.com/news/20360>

⁹⁴ Им инкриминировалась контрабанда, незаконное пересечение границы и нарушение правил полетов.

⁹⁵ См. раздел 2.1. Части второй данного доклада.

Первоначальная реакция таджикских элит на завуалированные угрозы Москвы была достаточно прохладной. Тогдашний глава МИД Таджикистана Хамхарон Зарифи (Зарипов), считавшийся креатурой Вашингтона, оставил призывы Грызлова без комментариев. В то же время в официальной прессе статью спикера Госдумы называли предвыборной риторикой, которая забудется сразу после президентской кампании-2012. Однако уже через год, в октябре 2012 г., во время официального визита Владимира Путина в Душанбе (по приглашению президента Рахмона), были подписаны два соглашения – Соглашение о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана и Соглашение об оказании помощи Агентству по контролю за наркотиками при президенте РТ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также четыре меморандума – Меморандум об условиях сотрудничества в военной сфере между министерствами обороны России и Таджикистана, Меморандум между Министерством энергетики и промышленности РТ и Министерством энергетики РФ об условиях поставки нефтепродуктов, Меморандумом о сотрудничестве в сфере энергетики, Меморандум о намерениях по дальнейшему сотрудничеству в сфере миграции.

В таджикских СМИ в то время много говорилось о том, что соглашения были «несправедливыми» для Душанбе: в обмен на продление пребывания российской 201 военной базы до 2042 г. (с последующей пролонгацией каждый раз на пять лет), «Таджикистан получил всего лишь обещания российской стороны вернуться к беспоплатным поставкам российских нефтепродуктов, причём в ограниченных объёмах, участвовать в строительстве средних ГЭС, развивать военно-техническое сотрудничество, содействовать улучшению положения трудовых мигрантов (продлонгация регистрационного периода с 7 до 15 дней и выдача разрешений на работу не на один, а сразу на три года)».⁹⁶ Подчеркивалось, что Соглашения являются вполне обязывающими документами и, как правило, вступают в силу сразу же после их подписания, если иное не определено соответствующим законодательством или законодательствами, в то время, как меморандумы являются всего лишь своеобразными декларациями о намерениях, но никак не обязывающими документами.

Напротив, российские эксперты оценивают эту «пакетную сделку» как более выгодную для Таджикистана. Так, по мнению журналиста-международника Алексея Куприянова, *«основными гарантиями независимости Таджикистана и внутриполитической стабильности в республике остаются дружественные отношения с Россией, терпимо относящейся в том числе к многочисленным нарушениям российского законодательства трудовыми мигрантами из РТ, а также весомо поддерживающей оборонный потенциал республики наличием на ее*

⁹⁶ <http://news.tj/ru/news/putin-v-dushanbe-itogi-vizita>

*территории 201-й российской военной базы, дальновидно сохраняемое Э. Рахмоном членство страны в ОДКБ».*⁹⁷

Очевидно, что Россия идет на значительные уступки Таджикистану в миграционной сфере, несмотря на декларируемые меры по ужесточению контроля за миграционными потоками. Так, в комментарии официального представителя посольства Таджикистана в Москве к вступившему с 1 января 2014 г. в силу Федеральному закону РФ (№389-ФЗ от 28 декабря 2013 года), особо подчеркивалось, что, несмотря на вводимые этим законом ограничения сроков пребывания трудовых мигрантов из стран безвизового режима, у которых нет разрешения на работу в России, патента или других разрешительных документов, таджикские граждане находятся в более выигрышном положении по сравнению с мигрантами из других стран Центральной Азии. *«Подписанные документы по итогам переговоров президента РТ Эмомали Рахмона с главой РФ Владимиром Путиным о намерениях по дальнейшему сотрудничеству в сфере миграции, предусматривают существенное послабление миграционного режима, в исключительном порядке, для граждан Таджикистана. Как мы знаем, время постановки их на миграционный учет решено увеличить до 15 дней, а разрешение на работу выдавать сроком до трех лет»,* - подчеркнул таджикский дипломат.⁹⁸

Следует отметить, что ужесточение миграционного режима в России может привести к крупным экономическим, социальным и политическим проблемам для Таджикистана и некоторых других стран региона. По данным Всемирного банка, 47% ВВП Таджикистана формируется за счет гастарбайтеров. В 2008 году объем денежных переводов из РФ в Таджикистан составлял 2,5 млрд. долларов (45% ВВП). А в 2011 году таджикские трудовые мигранты перевели на родину уже более 3 млрд. долларов (при этом ВВП страны составлял около 7 млрд. долларов). Фактически Таджикистан как единое государство с функционирующей экономикой, может существовать сейчас только за счет России.

Не меньше зависит от России и Киргизия, которая многими экспертами рассматривается как зона повышенного риска как для соседей по региону, так и для нашей страны.⁹⁹ Денежные переводы киргизских мигрантов, работающих в России, составляют от 29 до 31% ВВП республики. В этой ситуации ужесточение контроля над миграцией могло бы стать действенным рычагом для воздействия на политическое руководство в Бишкеке. Однако Москва не предпринимала даже таких ограниченных и скромных мер, которые были предприняты по отношению к таджикским мигрантам. Напротив, эксперты считают, что киргизские мигранты

⁹⁷ Алексей Куприянов, интервью. Сентябрь 2014 г.

⁹⁸ <http://nm.tj/society/17444-posolstvo-tadzhikistana-prokommentirovalo-novyy-migracionnyy-zakon-rossii.html>

⁹⁹ Александр Князев, интервью в рамках подготовки доклада, сентябрь 2014.

«на особом счету» у российских работодателей. Благодаря тому, что русский язык до сих пор изучается в школах и вузах Кыргызстана и даже носит статус официального языка межнационального общения, работодатели охотнее принимают их на работу и даже готовы платить больше, чем выходцам из других стран Центральной Азии. Кроме того, взятый правительством Киргизии курс на вхождение страны в Таможенный союз делает практически невозможной политику жесткого ограничения миграционных потоков со стороны России.

По словам директора Центра миграционных исследований¹⁰⁰ Дмитрия Полетаева, *«есть прогнозы киргизских экспертов, что отток мигрантов в Россию резко увеличится... Само по себе вступление в ТС не обеспечивает автоматического перемещения рабочей силы без разрешительных документов. Но если республика вступит в ЕАЭС, то въезжающим мигрантам не надо будет искать ни возможность для регистрации, ни разрешения на работу, как сейчас не надо этого делать белорусам и казахстанцам. То есть, положение мигрантов станет более легальным, они будут лучше защищены, и по прогнозам некоторых экспертов, работа будет лучше оплачиваться, потоки денег, идущих в Киргизию, увеличатся».*¹⁰¹

Таким образом, несмотря на очевидные негативные последствия неконтролируемой миграции из центральноазиатского региона, **политическое руководство России либо прибегает к использованию «миграционного рычага» в самых крайних случаях и очень ограниченно, либо избегает использовать его вовсе.** Эта странная сдержанность может иметь несколько причин и объяснений.

- В центральноазиатском регионе идет непрекращающаяся борьба за сферы влияния между США, Китаем и Россией. Миграционную притягательность РФ считает своим конкурентным преимуществом в этой борьбе. Этот аргумент может быть убедительным, лишь если оперировать абстрактной категорией влияния или обобщенными психологическими категориями (боязнь «оттолкнуть» партнеров), а не категориями конкретных стратегических задач РФ в регионе (большая часть из них либо решается и в условиях более жесткого миграционного режима, либо избыточна).
- Немалую роль в неготовности Москвы использовать «миграционный рычаг» давления в отношении с государствами Центральной Азии играет

¹⁰⁰ Ранее - Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ

¹⁰¹ <http://rusinkg.ru/article/6-obshchestvo/2823-dmitrij-poletaev-migranty-iz-kirgizii-dlya-rossii-bolee-privlekatelny>

ведомственный и корпоративный лоббизм внутри РФ, не принимающий в расчет стратегических интересов страны.

- Наконец, по состоянию на сегодняшний момент «миграционного рычага» как полноценного операционального инструмента в руках Москвы просто не существует – в отсутствие оборудованной границы на южном направлении, полноценной инфраструктуры выдворения нарушителей (правовой и материальной), специализированных полицейских подразделений, сквозной (межведомственной) системы учета и контроля иностранных граждан и т.д.

Учитывая последний пункт, на данном этапе основным вопросом миграционной повестки дня в России является не само по себе «ужесточение» миграционной политики, а создание полноценных *инструментов* миграционной политики и миграционного контроля. Представление о том, что это несовместимо с «влиянием» в регионе, опровергается опытом наиболее крупной и влиятельной страны региона – Казахстана.

1.2. Поиск адекватной модели миграционной политики в ЕАЭС – опыт Казахстана

На сегодня единых подходов к проблеме регулирования миграции в рамках интеграционной «тройки» не существует. Притом, что для формирования полноценного экономического союза общие подходы к миграционной политике, безусловно, нужны. Из трех государств-участников ТС только Россия проводит политику, направленную на де-факто неограниченное привлечение иностранной рабочей силы.

В этом отношении примечателен опыт Казахстана, который является точкой притяжения для внешней трудовой миграции и имеет структуру экономики, во многом близкую к российской. Поэтому именно казахстанская модель миграционной политики представляет основной интерес для сопоставления и заимствования. По утверждению специалистов Евразийского банка развития, регулирование трудовой миграции в Казахстане является наиболее удачным среди стран ЕЭП.

Модель управления миграцией в Казахстане базируется на следующих принципах:

- Этническая репатриация – основной принцип иммиграционной политики.
- Миграционное законодательство «вынуждает» тех, кто использует иностранную рабочую силу, самих же развивать казахстанский персонал и местный рынок труда

- Принимается в основном только высококвалифицированная и квалифицированная рабочая сила, действует режим квотирования, при этом квоты не осваиваются даже наполовину.
- Нелегальная миграция удерживается в строгих рамках – ее доля в 1,5-2 раза меньше, чем в РФ, «нелегалы» не работают в государственных предприятиях, организациях сферы ЖКХ (однако часто оказываются заняты на сезонных сельхозработах).

В миграционной политике Казахстана можно выделить следующие ключевые моменты использования иностранной рабочей силы:

- Пункт 13 Правил выдачи разрешений обязывает работодателя до обращения за разрешением произвести поиск соответствующих кандидатур на внутреннем рынке труда путем направления сведений о наличии свободных рабочих мест (вакантных должностей) в местный орган по содействию занятости населения и социальной защите от безработицы по месту осуществления трудовой деятельности. Прием заявления работодателя о выдаче разрешения на привлечение иностранной рабочей силы производится не ранее, чем через 15 календарных дней с даты подачи сведений о наличии свободных рабочих мест (вакантных должностей).
- Нанимать на работу можно только следующие категории работников (неквалифицированную иностранную рабочую силу как в России нанимать нельзя в принципе):
 - первая категория – первые руководители и их заместители;
 - вторая категория – руководители структурных подразделений, соответствующие квалификационным требованиям, установленным квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих, типовыми квалификационными характеристиками должностей руководителей, специалистов и других служащих организаций;
 - третья категория – специалисты, соответствующие квалификационным требованиям, установленным квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих, типовыми квалификационными характеристиками должностей руководителей, специалистов и других служащих организаций;
 - четвертая категория - квалифицированные рабочие, соответствующие квалификационным требованиям, установленным Единым тарифно-квалификационным справочником работ и профессий рабочих, тарифно-квалификационными характеристиками профессий рабочих.
- При подаче разрешения учитывается местное содержание в кадрах - необходимость соблюдения следующего соотношения количества казахстанских граждан от списочной численности работников:
 - работников, относящихся к первой и второй категориям - не менее 70%;

- работников, относящихся к третьей и четвертой категории - не менее 90% (указанные ограничения сохраняют свое действие до момента вступления Республики Казахстан во Всемирную торговую организацию).
- Решение о выдаче либо об отказе в выдаче разрешения на привлечение иностранной рабочей силы принимается местным органом по содействию занятости населения и социальной защите от безработицы по рекомендации Комиссии по выдаче разрешений на привлечение иностранной рабочей силы, создаваемой этим органом. В состав комиссии включаются представители территориальных органов уполномоченных органов по вопросам миграции населения, образования и уполномоченного органа по труду.
- Для получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы работодатель или его представитель представляет в уполномоченный орган по месту осуществления трудовой деятельности иностранной рабочей силы следующие документы:
 - Заявление по установленной форме (образец).
 - Информация о выполнении особых условий разрешений, выданных за предыдущий и текущий календарные годы, срок исполнения которых наступил (при их наличии).
 - Сведения о привлекаемых иностранных работниках с указанием:
 - Документов на привлекаемых иностранных работников, подтверждающие их квалификацию
 - Нотариально засвидетельствованная копия (с переводом на государственный или русский язык) трудового договора, заключенного между иностранным работодателем и привлекаемым иностранным работником (в случае, направления иностранным работодателем своих работников для выполнения работ, оказания услуг в пользу другого юридического лица).
 - Нотариально засвидетельствованная копия (с переводом на государственный или русский язык) контракта на выполнение работ, оказание услуг (в случае, направления иностранным работодателем своих работников для выполнения работ, оказания услуг в пользу другого юридического лица).
 - Информацию о местном содержании в кадрах (образец).
 - Подтверждение наличия либо отсутствия судимости.
 - Медицинская справка, подтверждающая отсутствие заболеваний, препятствующих трудовой деятельности по избранной специальности.
 - Медицинская страховка.
- Кроме того, при выдаче разрешения с работодателем согласовываются особые условия, которые предусматривают следующие требования:
- Профессиональная подготовка граждан Республики Казахстан по специальностям технического и профессионального образования, востребованным на региональном рынке труда, согласно утвержденному списку.

- Переподготовка граждан Республики Казахстан по специальностям технического и профессионального образования, востребованным на региональном рынке труда, согласно утвержденному списку.
- Повышение квалификации граждан Республики Казахстан.
- Создание дополнительных рабочих мест для граждан Республики Казахстан.
- При привлечении иностранного работника особые условия выбираются так:
 - по первой категории – работодатель выбирает одно или несколько условий, предусмотренных подпунктами 3 и 4;
 - по второй или третьей категории – работодатель выбирает одно или несколько условий, предусмотренных подпунктами 2, 3 и 4;
 - по четвертой категории – работодатель выбирает одно или несколько условий, предусмотренных подпунктами 1 и 4.
- Количество граждан Республики Казахстан, подлежащих профессиональной подготовке (переподготовке, повышению квалификации) и создаваемых дополнительных рабочих мест должно соответствовать количеству выдаваемых разрешений на привлечение иностранной рабочей силы
- После получения разрешения работодателем откладывается гарантийный взнос в размере стоимости авиабилета в страну происхождения работника – для возможной депортации.

Среди полезных элементов казахстанского опыта регулирования миграции можно отметить следующее:

- Закон обязывает работодателя до обращения за разрешением на привлечение иностранной рабочей силы произвести поиск соответствующих кандидатур на внутреннем рынке труда путем направления сведений о наличии свободных рабочих мест (вакантных должностей) в местный орган по содействию занятости населения и социальной защите от безработицы по месту осуществления трудовой деятельности.
- Нанимать на работу можно только руководителей, специалистов и квалифицированных рабочих (неквалифицированную иностранную рабочую силу, как в России, нанимать нельзя в принципе).
- При подаче разрешения учитывается необходимость соблюдения следующего соотношения количества казахстанских граждан от списочной численности работников: не менее 70% казахстанских граждан среди руководителей, не менее 90% - среди специалистов и квалифицированных рабочих.

- Решение о выдаче либо об отказе в выдаче разрешения на привлечение иностранной рабочей силы принимается местным органом по содействию занятости населения и социальной защите от безработицы по рекомендации Комиссии по выдаче разрешений на привлечение иностранной рабочей силы, создаваемой этим органом. В состав комиссии включаются представители территориальных органов уполномоченных органов по вопросам миграции населения, образования и уполномоченного органа по труду.
- После получения разрешения работодателем откладывается гарантийный взнос в размере стоимости авиабилета в страну происхождения работника – для возможной депортации.

Опыт Казахстана демонстрирует жесткий и прагматичный подход в выборе и селекции трудовых мигрантов, даже в условиях сравнительно малого населения и трудовой востребованности. Поддержка коренного населения возведена в принцип государственной политики, и запрос на трудовую миграцию сфокусирован в сегменте высококвалифицированных специалистов. Использование низкоквалифицированной иностранной рабочей силы категорически запрещено.

Очевидно, что при выработке общих подходов к миграционной политике в рамках Евразийского экономического союза за основу разумнее принять казахстанскую, нежели сегодняшнюю российскую модель регулирования миграции.

2. Военная политика России в Центральной Азии

2.1. Военное присутствие России в регионе. Приграничное и трансграничное сотрудничество.

В настоящее время уровень военно-технического и политического сотрудничества России со странами Центральной Азии может оцениваться как приемлемый. Наиболее важным партнером для военного сотрудничества с Россией остается Казахстан, на территории которого расположено 6 российских баз. Без него ВВС и ПВО на центрально-азиатском стратегическом направлении, а также космическая отрасль России недееспособны.

В Киргизии Россия располагает следующими объектами (некоторые используются совместно с ВС Киргизии):

- 999-я авиабаза «Кант», входящая в состав 2-го командования 5-й армии ВВС и ПВО ВС Приволжско-Уральского ВО РФ, где расположены подразделения коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ.

- 954-ю испытательная база противолодочного вооружения «Кой-Сары» ВМФ России, которая расположена в г. Каракол Иссык-Кульской области.
- 338-й узел связи ВМФ России, расположенный в г. Кара-Балта Чуйской области. Объект обеспечивает связь Главного штаба ВМФ России с подводными лодками и надводными кораблями, находящимися на боевом дежурстве в Тихом и Индийском океанах. Узел осуществляет также радиотехническую разведку в интересах Главного штаба ВМФ России.
- 1-я автоматическая сейсмическая станция и 17-я радиосейсмическая лаборатория, входящие в состав единой автоматизированной системы сейсмического контроля сейсмической службы Министерства обороны РФ. Они расположены в горных районах Западного Тянь-Шаня в поселке Ичке-Суу Иссык-Кульской области и поселке Майлуу-Суу Джалал-Абадской области. Предназначены для контроля над испытаниями ядерного оружия и землетрясениями.¹⁰²

В Таджикистане Россия имеет крупнейшую базу сухопутных войск за пределами страны (201-я военная база), насчитывающую около 7 тысяч военнослужащих. Образованная в 2004 году на базе 201-й мотострелковой дивизии, база дислоцируется в трёх гарнизонах в городах Душанбе, Курган-Тюбе и Кулябе. Костяк боевого соединения составила прославленная дважды Краснознаменная Гвардейская, Гатчинская мотострелковая 201-я дивизия, сформированная в 1943 году. Во время гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 годы) дивизия была укомплектована до штата военного времени (это практически полный состав). Когда интенсивность конфликта пошла на спад, уменьшился и штат дивизии. В 2009 году российская военная база (дивизия) была переведена на типовой штат мотострелковой бригады. Дислоцированные в Душанбе, Кулябе и Курган-Тюбе мотострелковые полки стали батальонами, усиленными другими подразделениями.

Военное присутствие России в других странах региона в данный момент невозможно, учитывая автаркическую политику руководства Туркменистана и внешнеполитическую доктрину Узбекистана, не допускающую размещения на своей территории иностранных баз и объектов.

Следует учесть, что Казахстан, Таджикистан и Киргизия после обретения своей независимости сумели выстроить отношения с Москвой таким образом, чтобы максимально оснастить свои вооружённые силы российской техникой. В случае с Киргизией Российская Федерация сыграла ключевую роль в создании не только её национальных ВС, но и других силовых структур. Еще одним важным

¹⁰² М.В. Старчак. Соперничество России с США в сфере военного сотрудничества с Кыргызстаном и прогноз на будущее/ Ежегодник ИМИ – 2014 / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска А.А. Казанцев. –М.: МГИМО-университет, 2014. Вып. 1 (7). - 124 с.

фактором является тесное сотрудничество Москвы, Астаны, Бишкека и Душанбе в рамках ОДКБ. Основные виды взаимодействия – подготовка вооруженных сил, спецподразделений, поставка им современной техники, особенно техники радиолокационного слежения.

Несмотря на то, что военное присутствие России в Туркменистане и Узбекистане в данный момент невозможно, некоторые элементы военно-технического сотрудничества с этими странами все же возможны. Эксперты обращают внимание на то, что в 2008 г. Ашхабад впервые за долгие годы посетил глава российского оборонного ведомства. В том же году был подписан крупный контракт на поставку РСЗО «Смерч», а министр обороны республики посетил международную выставку вооружений, военной техники и боеприпасов «Нижний Тагил-2008».¹⁰³

Эксперты считают, что военное присутствие России является важным компонентом укрепления позиций РФ в Центральной Азии, однако ключевым условием остается коммерческая привлекательность военно-технического сотрудничества. Для этого необходимо, чтобы страны-партнеры были заинтересованы в наличии российской военной структуры в стране, а военное присутствие РФ отвечало бы принципам экономической целесообразности. Очевидно, что военные специалисты государств-партнеров должны получать образование, оперативно-тактическое и стратегическое только в России по всем видам и родам вооруженных сил. В правительственных учреждениях государства также должны быть лица, получившие соответствующее образование.

В связи с этим потенциальной угрозой для национальной безопасности России является тенденция обучения военных специалистов государств Центральной Азии в военных академиях таких стран, как Турция и Саудовская Аравия.

Факторы уязвимости

Несмотря на внушительное количество военных объектов РФ, большинство из них **имеют характер технической инфраструктуры и не несут прямой военной функции**. Исключение составляют – военно-воздушная база в Киргизии, и база 201й дивизии в Таджикистане. Оба военных объекта, несмотря на внушительную мощь, имеют ряд серьезных уязвимостей. В первую очередь, это коммуникационная изолированность. В случае быстрого запуска конфликта средней интенсивности (что не исключено, как мы попытаемся показать в

¹⁰³ А.А. Чернов, В.И. Мураховский. Наиболее значимые риски в сфере национальной безопасности России, исходящие из Центральной Азии (ЦА). Сентябрь 2014

дальнейшем) **эти объекты скорее станут фактором уязвимости и перейдут в разряд спасаемых, а не спасателей.** Как их снабжать и поддерживать в критической ситуации или в случае угрозы уничтожения, эвакуировать, пока неясно. Пример Ирака и Сирии убедительно показал, что захват изолированной крупной военной базы, пусть даже и обладающей весомым потенциалом – дело вполне реальное.

В настоящее время военное присутствие России в регионе **не связано единой системой управления**, что было бы совершенно логично и разумно. Следующим важным моментом стратегической уязвимости является **неоперативность «оперативных сил реагирования» ОДКБ.** Части, входящие в силы немедленного реагирования, находятся далеко на территории России и имеют свой функционал в рамках собственных вооруженных сил. До сих пор отсутствует необходимая управляющая штабная и коммуникационная инфраструктура, нет единых военных стандартов. Единого командного органа КСОР не существует. Правовая база действий российских сил в кризисных ситуациях также отсутствует. Каждое государство суверенно, в каждом существует свое законодательство, которое никто не вправе нарушать. Установленные сроки (в общей сложности порядка 14 дней) согласования и принятия решений о применении сил оперативного реагирования таковы, что не позволяют рассчитывать на оперативность.

Это серьезно снижает военный потенциал России в регионе и ставит ее войска в роль скорее объекта нападения, чем центра силы.

Есть и стратегический аспект. До сих пор неясна военная стратегия России в регионе, и в том числе – **роль российских сил в регионе, их функционал и сферы ответственности.**

Пограничное сотрудничество

Важнейшим для национальной безопасности России остается вопрос укрепления приграничных территорий, в том числе, государственной границы России. Как известно, границей, отделяющей Россию от стран Центральной Азии (в том числе, Афганистана) является граница РФ с Республикой Казахстан. Граница это, однако, формальная. Поэтому для России принципиально важно оказывать Казахстану помощь в укреплении границы со странами региона.¹⁰⁴

¹⁰⁴ Отметим достаточно оптимистичное мнение Марата Шибутова, считающего, что России не стоит беспокоиться из-за обустройства границы Казахстана с другими государствами региона. «Надо просто сидеть и ждать когда Казахстан к 2020 году полностью перекроет всю свою южную границу и все. Он и так уже 60% границы перекрыл и обустроил» (Марат Шибут, интервью 2014 г.). Напомним, однако, что большинство экспертов прогнозируют на период с 2014 по 2020 г. целый ряд региональных конфликтов в Центральной Азии.

Следует иметь в виду, что государства Центральной Азии с учетом своей ментальности и опыта пребывания в СССР, относятся к предложениям по укреплению внешних границ СНГ с определенным подозрением. Ситуация может измениться после вывода из Афганистана контингента МССБ, когда в непосредственной близости от границ СНГ вновь (как это было в 1990х и начале 2000-х гг.) появится агрессивный и обладающий большим военным потенциалом игрок (игроки). Однако в этом случае обустривать границы будет уже поздно.

В условиях возрастающей угрозы регионального конфликта укрепление приграничных районов становится условием *sine qua non* обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности России. Основным способом охраны должен быть оперативно-войсковой с радиолокационным прикрытием государственной границы, активным участием всех слоёв гражданского общества.

По мнению ряда экспертов (Алексей Куприянов, Рамиль Муллаянов), несмотря на значительные финансовые расходы, граница России должна быть оборудована, в том числе, с точки зрения инженерно-технического оснащения и наличия частей прикрытия не только погранвойск, но и регулярной армии. Оборудована по всему периметру, включая участки соприкосновения с ныне дружественными нам государствами. Представляется также, что размещение в приграничных районах с Казахстаном российских военных баз (включая базы ВВС) может стать весомым вкладом в обеспечение национальной безопасности и территориальной целостности России¹⁰⁵.

2.2. Борьба вокруг базы «Манас»

Показательным примером использования рычагов российского влияния на политические элиты региона стала эпопея с американской авиабазой «Манас», созданной на территории одноименного международного аэропорта в 23 км к северу от Бишкека и использовавшейся с декабря 2001 г. силами антитеррористической коалиции в рамках операции «Несокрушимая свобода». Россия неоднократно пыталась добиться от Киргизии, чтобы та разорвала соглашение об аренде базы. Но финансовая подпитка со стороны США была гораздо больше – за 2001–2013 гг. Киргизия только по военным программам получила от США военной помощи на сумму 380–390 миллионов долларов, а от России – не меньше 100 миллионов долларов.

«США строили военные объекты, реконструировали аэропорт, осуществляли поставки военной техники и вооружений. Кроме того, с 2001 до 2013 гг. арендная плата за военную базу увеличилась от 2 до 60 млн долл. в год. В это же время

¹⁰⁵ Сейчас самой крупной базой на этом направлении является военная база в г. Троицке Оренбургской области (около 3000 военных).

Россия не выполнила обязательства по реконструкции аэропорта «Канта», задержала арендные выплаты за военные объекты. Несмотря на то что Россия передавала Киргизии военную технику, вооружение, обучала представителей ВС, в перерасчёте на финансовые вложения достичь уровня Соединённых Штатов не удалось».¹⁰⁶

Тем не менее, под давлением Москвы база была сначала перепрофилирована в Центр транзитных перевозок (2009 г.), что ограничивало перечень операций, осуществлявшихся с территории Киргизии – официально с «Манаса» в Афганистан могли летать лишь грузовые самолеты и топливозаправщики. Однако, по данным СМИ, база использовалась и для других операций, в частности, для переправки из Афганистана взятых в плен лидеров движения «Талибан».

Только в середине 2013 г. Россия смогла убедить руководство Киргизии денонсировать соглашение с США о военной базе в Манасе. Этому способствовало заявление о предоставлении республике беспрецедентной помощи военной техникой и вооружением на 1,1 млрд долл. и согласие организовать совместное производство и кооперацию оборонно-промышленных комплексов двух стран».

По-видимому, вопрос о регулировании трудовой миграции либо вообще не поднимался в ходе переговоров о судьбе «Манаса», либо играл крайне незначительную роль. В 2012 г. порядок получения российского гражданства гражданами Киргизии был несколько изменен в сторону усложнения процедуры, но нет никаких данных о том, что это было сделано в рамках давления на Бишкек в вопросе о прекращении аренды «Манаса».

В мае 2013 г. в киргизский парламент был направлен проект закона о денонсации арендного соглашения с США, в июне президент РК Алмазбек Атамбаев подписал этот закон, закрыв двери аэропорта «Манас» для американцев. Это событие, в целом оценивается экспертами как успех Москвы в регионе.

Так, профессор политологии Александр Кули (Колумбийский университет) считает, что закрытие Манаса ознаменует новую эру в истории Кыргызстана как сателлита России.¹⁰⁷ «Результатом российского влияния стало недавнее закрытие крупной военно-воздушной базы США в Манасе, недалеко от столицы страны — Бишкека, что обозначило конец американского военного присутствия в регионе. Действуя одновременно под воздействием давления и экономических стимулов со стороны России, правительство Кыргызстана в 2009 году попыталось

¹⁰⁶ М.В. Старчак. Соперничество России с США в сфере военного сотрудничества с Кыргызстаном и прогноз на будущее/ Ежегодник ИМИ – 2014 / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска А.А. Казанцев. –М.: МГИМО-Университет, 2014. Вып. 1 (7). - 124 с.

¹⁰⁷ Александр Кули (Колумбийский университет) цит. По:
<http://www.theguardian.com/world/2014/sep/18/russia-tightens-control-over-kyrgyzstan>

вытеснить США из Манаса. Но американцы согласились поднять ежегодную плату с \$17,4 млн. до \$60 млн., и базу разрешили оставить», - описывает предшествующие закрытию Манаса события британская газета TheGuardian. – «Но Россия становилась все более настороженной к иностранному военному присутствию в регионе, она повысила ставки и добилась своего».

В августе текущего года Россия пообещала оказать КР помощь в размере \$500 млн, чтобы ускорить интеграцию страны в Евразийский союз. Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что эти средства гарантируют «максимальный комфорт» для Бишкека, но не раскрыл деталей того, на что будут потрачены деньги. Президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев заявил, что его страна вступит в ЕАЭС к концу этого года», - пишет издание.

«Москва имеет в Кыргызстане 4 военных объекта, в том числе, авиабазу в Канте недалеко от Бишкека, где находятся 600 российских военнослужащих и некоторое количество военных самолетов, а также испытательный участок на озере Иссык-Куль в горах Тянь-Шаня», — говорится в статье.¹⁰⁸

В то же время, некоторые эксперты указывали, что победа Москвы стала возможной лишь после того, как интерес США к дальнейшему использованию базы в Манасе заметно упал — в связи с предстоящим в 2014 году выводом войск из Афганистана. Якобы Вашингтон дал понять Бишкеку, что впредь хотел бы использовать базу без финансовых вливаний — на безвозмездной основе — и, «поняв, что новых денег за Манас ей не получить, киргизская сторона решила сыграть в принципиальность. А заодно и продемонстрировать лояльность Москве — в расчете на российские дивиденды — в частности, обещанную военную помощь, превышающую \$1 млрд.».¹⁰⁹

Существует также точка зрения, согласно которой Киргизия не собирается прекращать сотрудничество с США в военной сфере, поскольку у нее сохраняется возможность перевести базу «Манас» на другую арендную схему. «Аэропорт Манас может арендовать Турция — союзник США по НАТО — и сдавать его американцам уже без участия киргизского правительства», — считает киргизский политолог Марс Сариев. Эксперты напоминают: когда в прошлом году США предоставили правительству Киргизии \$30-миллионный грант на техническую реконструкцию Манаса, тендер на возведение новой аэронавигационной башни выиграла турецкая компания.¹¹⁰

Нет серьезных оснований полагать что вступление Киргизии в Таможенный Союз существенно снизит риски иностранного военного присутствия в

¹⁰⁸ <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/18/russia-tightens-control-over-kyrgyzstan>

¹⁰⁹ Вадим Козюлин, эксперт ПИР-центра. // <http://www.kommersant.ru/doc/2221146>

¹¹⁰ <http://www.kommersant.ru/doc/2221146>

республике. Более того, вполне вероятно, что именно присоединение Киргизии к ТС повлечет за собой рост социальной напряженности, чреватой вооруженными столкновениями. В этом случае риск вовлечения во внутрикиргизские конфликты российских военнослужащих значительно возрастает.¹¹¹

Фактор Китая. Присутствие КНР в Центральной Азии и риски для национальной безопасности России.

Китай рассматривает Центральную Азию как стратегически важную зону своих интересов.

- Влияние Китая в регионе обеспечивает КНР «стабильный тыл» и гарантию невмешательства стран региона в дестабилизирующие действия в Синьцзяне;
- Страны региона являются источником стабильно поставляемых энергоресурсов, зачастую по низким или даже демпинговым ценам;
- Контроль над странами региона является ключевым для осуществления одной из наиболее амбициозных экономических программ КНР – «Нового Шелкового Пути».

Таким образом, повышенная активность Китая в Центральной Азии имеет как отрицательные, так и положительные стороны для национальной безопасности России.

С одной стороны, усиление китайского влияния будет осуществляться за счет сокращения влияния других игроков – прежде всего, России, США и ЕС. Кроме того, некоторые инфраструктурные проекты КНР, например, строительство железной дороги от Китая до Европы по единому стандарту представляют собой

¹¹¹ К негативным для республики последствиям вступления Киргизии в ТС относится прогнозируемое правительством республики удорожание реэкспорта китайских товаров, идущих через Киргизию. По оценкам киргизской стороны, почти 80% местных предпринимателей делают бизнес именно на перепродаже дешевого китайского ширпотреба, овощей, фруктов и других товаров. Киргизия ежегодно реэкспортирует китайских товаров на \$10 млрд. Если Киргизия вступит в Таможенный союз, ее граница станет внешней границей союза относительно Китая и она перестанет быть такой проницаемой, как сейчас. Об этом говорил глава Федеральной таможенной службы России Андрей Бельянинов на одном из заседаний российско-киргизской комиссии. Сейчас основная масса китайского ширпотреба поступает на местный «Черкизон» - самый большой в стране оптовый рынок «Дордой», а отсюда товар мелкими партиями расползается по всему постсоветскому пространству - причем фактически беспошлинно. Такой режим таможенного транзита реэкспорта не устраивает Казахстан и Россию.

угрозу экономическим интересам России (а также ряду государств региона Центральной Азии, прежде всего, Киргизии).

С другой стороны, увеличение объемов инвестиций КНР в инфраструктурные проекты в регионе резко усиливает заинтересованность Пекина в сохранении стабильности в Центральной Азии. К этим проектам относится, прежде всего, уже упоминавшийся проект «Новый шелковый путь», который рассматривается как противовес американскому проекту Шелкового пути, а также развитие транспортно-коммуникационной инфраструктуры, связанной с разработкой туркменских и узбекских газовых месторождений. Как считает политолог Андрей Чеботарев, «Китай будет пользоваться этой инфраструктурой, чтобы, с одной стороны, получать необходимые ему углеводородные ресурсы, а с другой стороны, это дает ему возможности для экспорта своего населения на территорию Центральной Азии под видом строителей этой инфраструктуры, обслуживающего персонала и так далее»¹¹².

В ситуации, когда КНР инвестирует огромные средства в инфраструктурные проекты стран региона, **дестабилизация Центральной Азии может стать для Китая настоящей геополитической катастрофой.**

В случае обострения обстановки в регионе, нарастания дестабилизирующих тенденций, угрожающих интересам КНР в Центральной Азии, Китай, по мнению экспертов, будет стремиться опираться на механизмы ШОС и двустороннее сотрудничество с Россией.¹¹³ При самых негативных вариантах развития событий в регионе (возникновения крупной региональной войны или крупного мятежа в одной из стран), Китай может быть готов к совместным с Россией военным операциям с целью стабилизации обстановки.

3.1. Угрозы и риски национальной безопасности России со стороны Китая в Центральной Азии (оценки экспертов)

По мнению большинства экспертов, угрозы и риски для национальной безопасности России со стороны Китая, относятся к более отдаленной, среднесрочной перспективе, хотя формируются они уже сегодня¹¹⁴. Существующее экономическое проникновение Китая в регион Центральной Азии

¹¹² Андрей Чеботарев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹¹³ Василий Кашин, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹¹⁴ Исключение составляет Виктор Мясников, по мнению которого «степень угроз для национальной безопасности России со стороны КНР представляется высокой. Россия для Китая это в первую очередь источник сырья. Китай уже заявил, что у нас нет отношений стратегического партнерства и что он не желает в подобные отношения с нами вступать».
// Виктор Мясников, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

(особенно это касается инфраструктурных проектов), является замещением того влияния, которое могло бы быть российским.

Некоторые эксперты полагают, что в отдаленной перспективе нельзя исключать агрессивных шагов Китая в регионе (Александр Князев, Василий Кашин). Кашин, например, считает, что, хотя в настоящий момент в политической и военной сфере китайское руководство рассматривает Россию как своего ключевого партнера, тесные отношения с которым особенно необходимы на фоне нарастающего противоборства с США, сама природа политической системы КНР такова, что в долгосрочной перспективе нельзя исключать непредсказуемых изменений в политической системе страны. Сейчас китайские руководители рассматривают политическую систему страны как переходную и подлежащую активному реформированию. В государственной идеологии, по мере углубляющегося упадка ее марксистской составляющей нарастают элементы национализма, который овладевает и обществом в целом. Поэтому, полагает Кашин, несмотря на то, что в настоящее время Китай, безусловно, является дружественной страной и ключевым партнером РФ, нельзя исключать возможности радикальных изменений в китайской политической системе и государственной идеологии, которые приведут к резкому ухудшению российско-китайских отношений и превращению КНР в источник военной угрозы.¹¹⁵

Андрей Чеботарев, напротив, полагает, что Китай избегает жесткой конкуренции с Россией, понимая, что у РФ есть военные базы в Казахстане, Киргизии и Таджикистане, и не будет вступать в военные конфликты в регионе, а в случае «напряженной ситуации он попытается договориться с Россией о совместных действиях».¹¹⁶

Эксперты рассматривают два основных варианта обострения российско-китайских отношений:

- Обострение отношений как результат попыток китайских лидеров разрешить внутренние проблемы за счет внешнего конфликта, как это происходило в период советско-китайского разрыва 1960х;
- Нарастание противоречий между Москвой и Пекином в результате изменения внешнеполитической ориентации самой России и ее превращения в военно-политического союзника США.

В обоих случаях ключевую роль в возможном обострении российско-китайских отношений будут играть США. В первом случае Пекин может пойти на обострение отношений с Москвой лишь при молчаливом согласии (или поощрении) Вашингтона, как это, собственно, и происходило в период военных столкновений СССР и КНР в 1969 г. Во втором случае США могут попытаться

¹¹⁵ Василий Кашин, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹¹⁶ Андрей Чеботарев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

использовать Россию как основное орудие своей борьбы с китайской гегемонией не только в регионе Центральной Азии, но и в АТР.¹¹⁷

Однако в ближайшие годы реализация обоих этих сценариев крайне маловероятна. Напротив, по китайской оценке, в ближайшие годы, вследствие украинского кризиса Россия будет принимать на себя основное давление со стороны США и их союзников, предоставив тем самым КНР «стратегическую передышку» для развития. Отношения с Россией позволяют КНР отстаивать свои интересы в отношениях с Западом, не опасаясь оказаться в изоляции. Китайские руководители стремятся избегать любых шагов, которые могли бы вызвать негативную реакцию или подозрения со стороны Москвы. Россия играет все более важную роль в энергетической и ресурсной безопасности КНР, оставаясь заметным поставщиком технологий военного и двойного назначения.

При этом эксперты допускают, что, защищая свои экономические интересы, КНР будет проводить жесткую и даже агрессивную политику по отношению к отдельным государствам Центральной Азии, например, к Казахстану. По мнению Андрея Чеботарева, *«в Казахстане все будет зависеть от того, кто придет к власти после Назарбаева, потому что может быть полностью пересмотрена стратегия взаимоотношений с тем же Китаем. Если новый руководитель будет настроен более национал-патриотично, то могут быть подняты вопросы об ограничении китайской экономической и миграционной экспансии, даже о мягкой национализации. И Китай это, конечно, будет напрягать. В отношении Узбекистана Китай уже напрягся – и в связи с активным вхождением в республику НАТО, и в связи с возобновлением активных переговоров США по поводу того, чтобы воссоздать там свою военную базу. Китай будет активно работать с государствами региона, способствовать поддержанию стабильности, но в случае выхода ситуации из-под контроля местных властей, Китай может предпринять решительные шаги, вплоть до требования ввода подразделений своих войск для охраны стратегически важных для него объектов»*.¹¹⁸

В случае реализации такого сценария Россия неизбежно должна будет вмешаться, что, разумеется, повлечет за собой риск осложнения отношений между Москвой и Пекином. Однако стоит заметить, что эксперты расценивают подобный вариант развития событий как маловероятный, оговаривая, что агрессивные шаги Китая в регионе возможны лишь в отдаленной перспективе.

Сегодня КНР нуждается во взаимодействии в центрально-азиатском регионе, как и Россия. Оба государства заинтересованы в удалении из Центральной Азии нерегиональных игроков, прежде всего, Запада, противодействии распространению экстремизма. Определенную опасность представляет и

¹¹⁷ В настоящее время обоснованием этой стратегии занимается известный американский политический мыслитель Эдвард Люттвак.

¹¹⁸ Андрей Чеботарев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

использование Китаем Шанхайской организации для усиления своих позиций. В данном случае основные риски связаны с превращением ШОС в сугубо экономическую организацию (в рамках которой Россия сегодня с Китаем конкурировать не в состоянии). Однако на этом направлении Россия сталкивается с противодействием Таджикистана и Киргизии, заинтересованным в получении китайской экономической помощи (выделяемой формально под эгидой ШОС, но являющейся элементом двусторонних отношений), а также Узбекистана, который, как самая сильная в военном отношении держава в регионе, хотел бы видеть в ШОС только экономическую составляющую.

Что же касается угрозы китайской миграционной опасности, то, по мнению экспертов, она также не относится к числу первоочередных (подробнее см. Ч.1 наст. доклада). Хотя экспорт рабочей силы в рамках выполнения подрядных работ за рубежом, традиционно является важной составляющей китайской внешнеполитической экспансии, нет никаких признаков поощрения китайцами миграции в другие страны с целью установления контроля над территорией.¹¹⁹

Больше того, вполне вероятно, что эта опасность будет сокращаться, а не возрастать в связи с демографическими и экономическими процессами в китайском обществе. В 2012 году начался процесс сокращения численности китайской рабочей силы (лиц в возрасте от 15 до 59 лет), который, как предполагается, продлится несколько десятилетий. Этот процесс является результатом крайне жесткой демографической политики, введенной в действие в 1980-е годы и в настоящее время воспринимаемой многими китайскими учеными как трагическая ошибка.

Несмотря на то, что правительство КНР в настоящее время пошло по пути ослабления ранее существовавших ограничений на рождение детей, сопровождающий урбанизацию и рост благосостояния и демографический переход делает снижение рождаемости закономерным. Китай уже сталкивается с локальными дефицитами рабочей силы и быстрым ростом зарплат в ряде развитых приморских городов. В целом, в настоящее время Китай развивается в направлении превращения в урбанизированное общество с относительно высоким уровнем благосостояния, невысокой рождаемостью и быстро повышающимся уровнем образования населения. В таких условиях миграция в Россию становится для китайцев все менее привлекательной, а сами китайские мигранты в качестве дешевой рабочей силы теряют привлекательность для российских работодателей. В целом, Китай заинтересован не в российских территориях для расселения (китайская территория достаточна, для будущего урбанизированного общества), а в стабильных источниках сырья и материалов для своей промышленности.

Оценка военно-политических рисков в регионе

¹¹⁹ Василий Кашин, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014 г.

Риск военных конфликтов на территории Центральной Азии рассматриваются большинством экспертов как реальная и к тому же не слишком отдаленная перспектива. Рассматриваются следующие угрозы:

- угроза втягивания России в военный конфликт на территории Центральной Азии, прежде всего, исходящая от Таджикистана и Киргизии, с которыми Россия связана обязательствами – и по линии ОДКБ, и двусторонними. Это могут быть и конфликты с негосударственными формированиями, например с территории Афганистана, и внутренние конфликты в этих двух государствах;
- межгосударственные конфликты (Киргизии с Таджикистаном, Киргизии и Таджикистана с Узбекистаном, в том числе, связанные со строительством гидроэлектростанций);
- приграничные конфликты в Туркменистане после вывода контингента МССБ из Афганистана;
- возможное возникновение квазигосударственного образования, контролируемого радикальными исламистами (по образцу ИГИЛ);
- возможное возникновение исмаилитского государства, объединяющее населенные памирцами территории, прилежащие сегодня Таджикистану, Афганистану, Пакистану и КНР¹²⁰.

Таким образом, военно-политическая ситуация в регионе Центральной Азии является одним из основных факторов, влияющих на национальную безопасность России.

4.1. Конфликты между государствами региона.

«Водный» конфликт

Проблема использования трансграничных водных ресурсов в регионе выходит за рамки чисто ресурсной проблемы, а носит в значительной мере политизированный характер, определённый, с одной стороны, сложными взаимоотношениями между странами Центральной Азии, и желанием США и ЕС вытеснить Россию – с другой. «Водная» проблематика немало способствует росту нездоровой конкуренции и недоверию между странами региона, что, в свою очередь, приводит к территориальным спорам и связанным с ними этническим проблемам. Особенно это проявляется на фоне перенаселённости отдельных регионов, например, Ферганской долины, которая поделена между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией.

¹²⁰ Эта тема активно обсуждается в афганских, пакистанских и индийских СМИ.

Два государства региона – Киргизия и Таджикистан – контролируют около 80% всех запасов пресной воды в Центральной Азии. Их экономические интересы связаны, прежде всего, с использованием гидроэнергетического потенциала трансграничных рек Амударьи и Сырдарьи. Речь, в частности, идёт о строительстве Камбаратинской ГЭС (Киргизия) и Рогунской (Таджикистан). В свою очередь Казахстан, Туркмения и Узбекистан заинтересованы в использовании этих рек для сельского хозяйства. С наиболее жёстких позиций в водном споре выступают Душанбе и Ташкент, причём первый делает ставку на США, исходя из того, что проект гидроэлектростанции будет иметь большое значение в рамках осуществления американской стратегии «Новый шёлковый путь».

Одной из наиболее спорных и потенциально конфликтогенных гидроэлектростанций является Рогунская ГЭС (Таджикистан). В середине августа 2014 г. Всемирный банк обнародовал свое заключение о возможности строительства Рогунской ГЭС без последствий для окружающей среды. Эксперты ВБ пришли к выводу, что плотина представляет собой «удешевляющее решение для удовлетворения спроса на электроэнергию в стране, в сравнении с любой не Рогунской альтернативой» и что «самая большая конструкция плотины даст наибольшую экономию».

Это решение вызвало резко негативную реакцию в Ташкенте. Министр иностранных дел Узбекистана Абдулазиз Камиллов заявил, что его страна возражает против строительства крупных ГЭС с гигантскими плотинами в Центральной Азии. Интересно, что с этим обращением, опубликованным на официальном портале правительства Узбекистана, Камиллов выступил в Нью-Йорке.¹²¹

Этот эпизод показывает, что при решении серьезных геополитических проблем режимы Центральной Азии в значительной степени склонны ориентироваться на США, или, по крайней мере, апеллировать к Вашингтону в спорных ситуациях. По мнению востоковеда Александра Князева, поддержка Всемирным банком таджикского проекта Рогунской ГЭС является своего рода «мстью» США за отказ Узбекистана разместить на своей территории военные объекты США и НАТО (прежде всего, базу в Термезе).¹²² Князев отмечает, что у Узбекистана есть специальные подразделения, подготовленные для захвата гидроэнергетических объектов, но гораздо более вероятно, что в случае активизации строительства Рогунской ГЭС Узбекистан будет предпринимать усилия по блокировке возможностей для доставки агрегатов и

¹²¹ http://vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=30125:uzbekistan-protiv-stroitelstva-kambaratinskoy-i-rogunskoy-ges&Itemid=83

¹²² Официально об этом не было заявлено, однако французское агентство FrancePress, ссылаясь на свои источники, сообщило, что обсуждение вопроса о размещении военной базы НАТО в Термезе имело место в ходе встречи командующего Центральным командованием Вооруженных сил США генерала Ллойда Джей Остина с Президентом Республики Узбекистан Исламом Каримовым, и что договориться по этому вопросу не удалось.

стройматериалов. При этом адекватность таджикского руководства «вызывает определенные сомнения – официальные лица заявляют о необходимости включить Самарканд и Бухару в состав республики. Подобная ситуация складывается и с Камбаратинской ГЭС в Киргизии¹²³ – в самом РусГидро есть устойчивое мнение, что следует отказаться от этого проекта, который является сугубо политическим и никогда не будет экономически выгодным».¹²⁴

Основные риски для России в данном вопросе заключаются во втягивании ее в межгосударственные споры о строительстве/вводе в эксплуатацию крупных гидроэнергетических сооружений. Так как Россия выступает главным финансовым донором и разработчиком технологий во всех гигантских гидроэнергетических проектах региона, ее позиция является наиболее уязвимой: в случае запуска строительства больших ГЭС в Таджикистане и Киргизии неизбежно обострение отношений с Узбекистаном (расположенном в нижнем течении рек, на которых планируется строить плотин), при отказе от участия в этих мега-проектах почувствуют себя обманутыми Таджикистан и Киргизия.

В то же время, отказываться от участия в инфраструктурных проектах в регионе для России невыгодно, поскольку ее место может быть занято другими игроками. Как указывают в своем интервью Антон Чернов и Виктор Мураховский, *«в силу исторических и геополитических причин Российская Федерация не может оставаться в стороне от решения споров в ЦА, в том числе водных. В противном случае это приведёт к усилению позиций Вашингтона в регионе, который вместе со своими европейскими союзниками постарается оттеснить Москву, и такие попытки уже имели место. Например, в феврале 2012 г. Евросоюз негативно отреагировал на решение российской стороны предоставить Киргизии кредит в размере 1,7 млрд долл. США на строительство Камбаратинской ГЭС. Сейчас в «вашингтонском обкоме» с настороженностью отфиксировали итоги переговоров между президентами Российской Федерации и Киргизии (Сочи, 11 августа 2014 г.), по итогам которых были согласованы и подтверждены договорённости на общую сумму порядка 500 млн долл. (вклад России в поддержку экономики Киргизии) касающиеся создания инструментов,*

¹²³ В сентябре 2012 года президенты России и Кыргызстана Владимир Путин и Алмазбек Атамбаев подписали соглашение о строительстве Камбараты-1 и четырех ГЭС Верхненаарынского каскада. По расчетам специалистов на Камбарату-1 уйдет около 1,7 миллиарда долларов, а каждая из четырех ГЭС Верхненаарынского каскада обойдется в 350 миллионов долларов. Строительство четырех ГЭС Верхненаарынского каскада планировалось начать весной 2013 г. года, а по Камбараты-1 закончить ТЭО (технико-экономическое обоснование) к концу года. Президент Узбекистана Ислам Каримов не раз высказывался против ГЭС в соседних Кыргызстане и Таджикистане, а в 2012 г. заявил, что они могут стать причиной войны в регионе.

¹²⁴ Александр Князев, интервью. Сентябрь 2014 г.

позволяющих ускоренно развивать киргизскую экономику и гармонизировать её с процессами евразийской интеграции».¹²⁵

В этой ситуации России приходится маневрировать, используя скорее финансовый «пряник», нежели административный «кнут» (т.е. ограничение миграционных потоков, усиление пограничного контроля и т.д.) Примерами удачного маневрирования являются совместное решение России и Узбекистана о проведении независимой экспертизы по проекту Камбаратинской ГЭС-1, принятое на XIV заседании Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между республикой Узбекистан и Российской Федерацией (декабрь 2012 г.), которое цитировавшийся выше Александр Князев назвал «гениальным ходом российской региональной политики». Договорившись о необходимости экспертизы (которая может растянуться на много лет) Россия сохраняет свои обязательства перед Киргизией, и в то же время уходит от конфликта с Узбекистаном, который обязательно бы случился в случае начала строительства без согласия Ташкента.

Проблема Узбекистана

Первостепенное значение для России имеют отношения с Узбекистаном, как с наиболее сильной в военном отношении страной региона. По мнению Александра Князева, в военно-технической и политической сфере для России наиболее ценен опыт сотрудничества с ведущими государствами Центральной Азии – Казахстаном и Узбекистаном. «Узбекистан – это больше половины населения пяти республик. Это наиболее мощные вооруженные силы, один из мощнейших экономических потенциалов. Экономика его гораздо более диверсифицирована, поэтому меньше зависит от внешней конъюнктуры, от транзита энергоносителей. Мощные узбекские диаспоры есть во всех остальных четырех республиках регионах плюс в Северном Афганистане (два миллиона из семи в Таджикистане, двадцать процентов в Киргизии и Туркмении, десять процентов в Северном Афганистане). Договориться с Ташкентом – очень важно, это будет означать определенную поддержку во всех окружающих его странах»¹²⁶.

В настоящий момент Узбекистан остается «слабым звеном» в евразийской системе безопасности, которую пытается создать в регионе Россия. Периодические «входы-выходы» Узбекистана в/из Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), а также из «оранжевого» блока ГУАМ, позволяют говорить об Узбекистане как о государстве, стремящемся проводить максимально независимую от блоковых структур политику. Концепция внешней политики Ташкента сводится к четырем основным пунктам:

¹²⁵ А.А. Чернов, В.И. Мураховский, интервью. Сентябрь 2014 г.

¹²⁶ Александр Князев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014 г.

- Республика Узбекистан оставляет за собой право заключать различные союзы, входить в отдельные содружества, а при необходимости и выходить из них.
- Республика Узбекистан оставляет за собой право входить в отдельные межгосударственные образования, а при трансформации последних в военно-политические блоки и выходить из них.
- Республика Узбекистан не допускает размещения на своей территории иностранных баз и объектов.
- Республика Узбекистан и ее вооруженные силы не принимают участия в миротворческих операциях за рубежом.

Исходя из этого, Узбекистан хотя и участвует в наднациональных объединениях, однако не проявляет себя как активный участник.

По сравнению с другими странами региона (кроме Казахстана), Узбекистан характеризуется относительной внутривнутриполитической стабильностью, которую обеспечивают наличие богатых природных ресурсов, прежде всего углеводородов, и доходов от их экспорта, а также жесткий авторитарный режим И.Каримова. С другой стороны, именно авторитарная природа режима в Ташкенте делают Узбекистан весьма уязвимым для роста внутренней нестабильности. По мнению директора Центра актуальных исследований «Альтернатива» (Казахстан), Александра Чеботарева, *«в перспективе ближайших лет наибольшую проблему для вопросов национальной безопасности России в Центральной Азии представляют две страны – это Казахстан и Узбекистан. Дело в том, что совершенно непонятно, как здесь произойдет транзит высшей государственной власти – президентской. Возраст Нурсултана Назарбаева и Ислама Каримова все актуальней ставит вопрос о том, кто придет им на смену»*.¹²⁷

Пограничная проблема

Еще одним возможным сценарием внутрирегиональных конфликтов является конфликт из-за заселения пустующих земель, что особенно актуально для Таджикистана и Киргизии. Вдоль границы этих государств существует наслоение целого ряда конфликтов, здесь наблюдается высокий уровень радикальной исламизации населения – с обеих сторон, – сложная социальная ситуация. Последние годы происходит массовый отъезд таджиков на заработки в Казахстан и Россию и заселение покинутых территориях киргизами. При этом существуют большие участки неопределенной границы между Таджикистаном и Киргизией, которые потенциально являются точками вооруженных конфликтов. По мнению Александра Князева, *«Киргизия настроена очень агрессивно и не идет ни на какие уступки, что говорит о наличии определенного заказа. Киргизские*

¹²⁷ Андрей Чеботарев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

*службы в значительной мере (некоторые подразделения стопроцентно) финансируются Соединенными Штатами».*¹²⁸

Вероятность возникновения региональных конфликтов (как крупномасштабных, так и локальных) возрастает в связи с высокой внутривнутриполитической нестабильностью внутри стран региона. Например, в июне 2013 года в Жалал-Абадской области Кыргызстана была совершена попытка захвата власти самопровозглашенным губернатором Медером Усеновым.

Трансформационные кризисы политических режимов и исламистская угроза

Особую опасность представляет активность салафитского подполья в таких странах, как Узбекистан, Таджикистан, Киргизия.

В Таджикистане в 2013 г., по данным местных правоохранительных органов, насчитывалось около пяти тысяч салафитов (средний возраст активных членов – от 15 до 32 лет). Наибольшую активность они проявляют в Душанбе, Сагдитской и Хатлонской областях. Как считают таджикские эксперты, салафиты получают значительную поддержку со стороны ряда ведущих стран мира, в том числе США. Из Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов в страну регулярно поступает религиозная литература. Первостепенная задача местных салафитов – привлечение в свои ряды как можно большего числа сторонников, чтобы впоследствии они поддержали их идею превращения Таджикистана в исламское государство.

До недавнего времени в стране активно действовала Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), принимавшая участие в гражданской войне в 1992-1997 гг. Сейчас руководство партии приняло решение отстраниться от участия в вооружённой борьбе и стать политической оппозиционной силой. Вместе с тем нельзя исключать, что при «благоприятных обстоятельствах» сторонники ПИВТ оставят парламентские баталии и возьмутся за оружие ради прихода к власти.¹²⁹

Как в Таджикистане, так и в Киргизии исламистское подполье не является монолитным, а разделено на различные движения и группы, в том числе, и враждующие между собой. При этом, если ситуация в Таджикистане в некоторой степени контролируется местными силовиками (эксперт Российского совета по международным делам Никита Мендкович считает, что антитеррористическая

¹²⁸ Александр Князев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹²⁹ Чернов А.А., Мураховский В. И. «Наиболее значимые риски в сфере национальной безопасности России, исходящие из Центральной Азии». Сентябрь 2014

работа таджикских спецслужб «заслуживает очень высокой оценки»¹³⁰), то Киргизия остается наиболее проблемной страной региона из-за высокого уровня социальных противоречий и слабости государственного аппарата, включая неспособность полицейских сил противостоять массовым беспорядкам. Существует риск массовых выступлений в осенне-зимний период из-за проблем с урожаем и поставками газа. Однако в данном случае источником угрозы являются не столько радикальные исламистские группы, но прозападные организации, выступающие против вступления страны в ТС. Особенно активны НКО, финансируемые при участии «FreedomHouse».

Большинство экспертов подчеркивают, что нынешняя стабильность в регионе Центральной Азии обусловлена, в первую очередь, нахождением у власти руководителей, жестко консолидировавших свои политические режимы. Однако в ряде случаев (Казахстан, Узбекистан) угрозой для национальной безопасности является сам возраст политических лидеров (Назарбаев родился в 1940 г. Каримов – в 1938 г.), в других же случаях факторами риска является неустойчивость политической системы (Киргизия), не исключающая резкой смены внешнеполитической ориентации, а также слабая или недостаточная способность политических элит контролировать активность исламистского подполья. Хотя эта активность представляет опасность как для России, так и для самих политических режимов Центральной Азии, в настоящий момент степень противодействия исламистскому подполью в странах региона, равно как и взаимодействие на уровне спецслужб и силовых структур (прежде всего, с Россией) оценивается экспертами как весьма низкая. По мнению Александра Князева, самая тревожная ситуация складывается в Киргизии: *«есть информация, что представители подполья работают и в госструктурах, и в спецслужбах. С учетом либерально-демократической в целом атмосферы в Киргизии, противодействия этому процессу нет. В результате происходит исламизация государственного аппарата, и республика выходит, если еще не вышла на первое место с точки зрения уровня угроз. Из спецслужб убрали сначала акаевских, потом бакиевских, стареет и уходит поколение, учившееся в Советском Союзе, а нынешние кадры обучаются в разных странах по разным методикам и сильно ангажированы по степени преданности тем или иным политическим руководителям. В результате деятельность спецслужб становится для их руководителей личным бизнесом»*¹³¹.

В рядах боевиков террористических организаций, действующих в афгано-пакистанской зоне и в регионе Большого Ближнего Востока отмечается существенное увеличение (за последние 5 лет – на 20-50% в зависимости от национальности) числа выходцев из государств Центральной Азии и северокавказского региона РФ, разделяющих радикальные цели «создания

¹³⁰ Никита Мендкович, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹³¹ Александр Князев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

Великого Исламского халифата» или, как минимум, дестабилизацию существующих политических режимов государств ЦА и России.

Неполный список группировок радикальных исламистов, в которых воюют боевики из Центральной Азии, включает в себя:

- «Исламское государство Ирака и Леванта» - ИГ (ранее ИГИЛ)
- «Фронт ан-Нусра»
- «Сабири Джамаат»
- «Джамаат Имама Бухари»
- «Узбекский джамаат Сайфуддина»
- Исламское движение Восточного Туркестана (бывшее Исламское движение Узбекистана) – Афганистан и Пакистан
- «Джамаат Ансоруллох» – Таджикистан
- «Джунд аль-Халифат» – Казахстан и Кыргызстан
- «Жаймуль Махди» – Кыргызстан
- Союз исламского джихада – Афганистан и Пакистан

Ряд крупных террористических группировок исламистов действует в туркмено-афганском приграничье. Что касается активности исламистских организаций внутри страны, то здесь стоит отметить, что в декабре 2013 г. официальные власти республики объявили о раскрытии в Ашхабадском национальном университете ячейки, предположительно принадлежащей Хизб ут-Тахрир. Примерно в то же время в Лебапском велаяте была раскрыта ячейка «Салафии», члены которой привозили пропагандистские материалы из Душанбе. Данное движение мусульманских религиозных деятелей, призывавших ориентироваться на образ жизни и исповедание веры ранних мусульман, по сути не отличается от ваххабизма.

Многие туркменские боевики входят в состав Аль-Каиды, а также тесно сотрудничают с ИДУ. Основная их подготовка ведётся в районе афгано-пакистанской границы, где созданы условия для идеологической и военной подготовки. По такой же схеме готовятся узбекские и таджикские боевики, проходят обучения казахские группы, постоянно базируются отряды уйгуров из Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ).

Проблемы с угрозой разрастания террористической активности есть и в стабильных Узбекистане и Казахстане¹³², где наряду с упомянутой Хизб ут-Тахрир аль-Ислами и ИДУ действуют Таблиги Джамаат, «Общество социальных реформ», ИДВТ. Кроме того, совсем недавно заявила о себе неизвестная ранее исламистская группировка Джундал Халифах (Солдаты Халифата), взявшая на

¹³² Эксперты особо обращают внимание на то обстоятельство, что террористические акты в Казахстане были осуществлены в тот период, когда руководство республики приняло решение пойти на сближение с Россией, вступить в Таможенный союз с целью построения единого евразийского пространства.

себя ответственность за пять террористических актов, совершенных в 2012 г. на казахской территории. По имеющейся информации, «солдаты» тесно связаны с Аль-Каидой, в частности, на их базах проходят подготовку некоторые боевики этой организации.

По мнению генерал-лейтенанта Рамиля Муллаянова, бывшего начальника Юго-Восточного регионального управления Федеральной пограничной службы России (1998-2002), нельзя исключать тесного взаимодействия исламистских течений, группировок, этих государств, с отдельными мусульманскими течениями в национальных республиках России (Башкирия, Татарстан, Западная Сибирь, Кавказ).¹³³

Аналогичной точки зрения придерживается и Раис Сулейманов, который считает, что одна из основных угроз национальной безопасности России в регионе определяется существованием исламистского треугольника «Северный Кавказ – Поволжье – Центральная Азия». *«Если в Казахстане после смерти Назарбаева исламисты заявят о себе на политической арене, то мы будем получать вылазки экстремистов на территорию России – и сейчас мы слышим о раскрытии подпольных группировок, но в этом сценарии они будут еще и вооружены»*, - полагает эксперт.¹³⁴

Вероятность создания исламистского квазигосударства – по образцу сирийско-иракского ИГИЛ – можно оценить как достаточно высокую. Факторами, которые могут ускорить процесс возникновения такой структуры, являются:

- Смена власти в республиках, руководство которых в настоящий момент в той или иной степени зависит от России, трансформационные кризисы политических режимов;¹³⁵
- Дестабилизация обстановки в регионе, вызванная выводом войск западной коалиции из Афганистана.

4.3. Фактор Афганистана: угроза новой войны

После существенного сокращения контингента Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Исламской республике Афганистан (ИРА), созданных в соответствии с резолюцией № 1386 СБ ООН от 20 декабря 2001 г.,

¹³³ Рамиль Муллаянов, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹³⁴ Раис Сулейманов, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹³⁵ По мнению Рамиля Муллаянова, «то, что сегодня происходит в Казахстане, Узбекистане, Киргизии с властными элитами, их компрометация, блокирование валютных счетов за границей, и т.д., доказывает то, что идет интенсивная работа по подготовке смены и прихода к власти людей, которые будут проводить политику США в данном регионе». (Рамиль Муллаянов, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014)

есть риск обвала ситуации в этой стране и распространения угрозы терроризма на соседние государства - Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию. Это, в свою очередь, неминуемо приведёт к активизации исламистских и салафитских организаций, находящихся сейчас в основном в подполье и занимающихся в странах Центральной Азии главным образом продвижением своих идей с помощью религиозной/экстремистской или агитационной литературы. Не стоит, однако забывать, что самое опасное в салафизме – это метод прихода к власти: вооружённый джихад. Учитывая распространение салафизма в целом ряде регионов России, в том числе, имеющих ключевое значение для топливно-энергетической системы страны (о чем говорится в Части первой данного доклада), крупный региональный конфликт на территории Центральной Азии может отозваться волной джихада не только на Северном Кавказе, но и в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, где в последние годы наблюдается значительное увеличение мигрантов-мусульман, в том числе, приверженцев радикального исламизма.

Таким образом, фактор Афганистана как потенциального очага дестабилизации обстановки в регионе тесно связан с проблемой миграции и является одним из основных вызовов национальной безопасности России.¹³⁶

Принимая во внимание особенности обстановки, складывающейся в Афганистане и сопредельных с ним странах Центрально-Азиатского региона, а также международные обязательства России в рамках ОДКБ, эксперты констатируют: в перспективе ближайших 3-5 лет существует угроза втягивания нашей страны в военный конфликт (средней интенсивности), который потенциально способен выйти за пределы локального и принять затяжной характер. Де-факто речь идет о вступлении России в новую афганскую войну, но на сей раз в гораздо более неблагоприятных военно-политических условиях и без заранее определенных границ. Подобный конфликт представлял бы прямую и явную угрозу не только национальной безопасности, но и территориальной целостности страны.

По мнению военного эксперта Артема Ивановского, уже на первоначальном этапе военного планирования предстоящих действий в отношении Афганистана допускается серьезная недооценка масштабов и характера угрозы. Доминирующей является точка зрения о том, что даже при худшем сценарии речь пойдет об угрозе со стороны иррегулярных вооруженных формирований, а сам конфликт будет локализован в пределах граничащих с Афганистаном республик.

19 июня 2013 года генсек ОДКБ Николай Бордюжа дал следующую оценку характеру угроз со стороны Афганистана: *«Первое: Афганистан - это зона нестабильности со всеми вытекающими последствиями для государств, особенно граничащих с ним. Второе: Афганистан - это территория, где дислоцируется большое число боевых отрядов, экстремистских организаций, таких, как,*

¹³⁶ С этим согласны практически все эксперты, опрошенные в рамках подготовки данного доклада.

например, «Исламское движение Узбекистана». Политические задачи этих организаций ориентированы прежде всего на страны Центрально-Азиатского региона. Третье – это колоссальный наркотрафик. И последнее: Афганистан – это место, где базируются и готовятся отряды боевиков из числа граждан государств, входящих в ОДКБ. Эти боевики после соответствующей подготовки возвращаются на территории наших стран для выполнения с оружием в руках тех задач, которые перед ними ставят экстремисты. В этой связи могу привести пример: недавнее разоблачение органами безопасности РФ группы террористов в Орехово-Зуево. Все они были подготовлены в лагерях на территории Афганистана и прибыли в РФ, в московский регион для подготовки и совершения терактов. Причем теракты готовились в местах массового скопления людей». Для противодействия этим угрозам Бордюжа предложил следующие меры: «Первое – это взаимодействие с афганскими властями, оказание им помощи в обеспечении стабильности, подготовке силовых структур, реализации социальных, экономических проектов. Второе – это укрепление силового потенциала ОДКБ, Коллективных сил оперативного реагирования, двухсторонних группировок и миротворческого потенциала. Плюс к этому – усиление охраны государственных границ. Есть решение, принятое президентами – оказать содействие Таджикистану с тем, чтобы обустроить государственную границу. Вот направления нашей деятельности по Афганистану». Заметим, что аналогичные решения были приняты на саммите президентов государств-членов ОДКБ в Бишкеке 28 мая 2013 года.

Миграция как «пятая колонна» исламизма

Характерно, что названная генсеком ОДКБ четвертая угроза – проникновение террористов с территории Афганистана в Россию – фактически проигнорирована в предложенных им самим мерах и в решениях саммита ОДКБ в Бишкеке. Между тем, для национальной безопасности и территориальной целостности России наибольшую опасность представляет именно четвертая угроза. Причем речь может идти не просто об отдельных диверсионных группах, а о широкой сети исламистов, действующих на разных уровнях. Подлинный масштаб угрозы представляет собой следующую цепочку: нарастающая исламская миграция – масштабное распространение по всей территории РФ исламских диаспор – массированная этническая преступность – мощный всплеск исламизма и этнорелигиозного сепаратизма.

26 февраля 2013 года директор ФСБ России Александр Бортников заявил, что идеи радикального ислама распространяются не только на Северном Кавказе, но и на Урале и в Сибири. Заявление сделано на заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) в Пятигорске.

30 мая 2013 года начальник Управления координации анализа контрразведывательной деятельности ФСБ Александр Рошупкин выступил с докладом в Совете Федерации, в ходе которого подчеркнул: «Нами достоверно установлено, что определенные силы внутри нелегальной миграции ведут подрывную и разведывательную деятельность против России, оседая под видом

мигрантов на российской территории. Миграция является дополнительным рычагом для дестабилизации ситуации внутри нашей страны и несет в себе ряд серьезных угроз для безопасности государства с учетом того, что сегодня границы прозрачны».

По мнению Андрея Чеботарева, угроза распространения исламского экстремизма может носить не хаотичный, а управляемый характер, когда спецслужбы будут использовать нестабильность в регионе для экспорта экстремизма на территорию России. Это могут быть не только западные спецслужбы, но и соответствующие структуры Саудовской Аравии, Турции и т.д. Возможно участие в этом процессе не только государственных, но и частных структур.¹³⁷

Исламский фундаментализм в его современном виде по существу представляет собой идеологию перманентной революции. Радикальные исламисты формируют сеть транснациональных террористических организаций, стремящихся различными методами – от террора до информационной войны – провоцировать кризисы в любом регионе мира, где есть возможность создать новый плацдарм мирового халифата. Главным инструментом создания опорных пунктов исламистских организаций, экспорта «исламских революций» выступают миграционные потоки. И если смотреть на складывающуюся обстановку глазами лидеров «Талибана» и подобных ему террористических организаций, то массированная миграция становится весьма действенным, эффективным оружием, выполняющим задачу подготовки почвы для будущей войны.¹³⁸

Рассмотрим следующий гипотетический сценарий. Движение «Талибан» и его союзники планируют крупную наступательную операцию с целью прорыва на территорию ЦАР. Вполне очевидно, что Россия будет противодействовать такой операции. Соответственно, в целях блокирования самой возможности контрудара со стороны РФ командиры НВФ могут провести ряд специальных операций на российской территории. В силу открытости границ между РФ и странами ЦАР, а также накопленной этнической миграции, есть немало возможностей для инфильтрации диверсионных групп боевиков в потоки мигрантов, следующих в крупнейшие города и промышленные центры, с задачей провоцирования в канун наступательной операции крупномасштабных массовых беспорядков и этнических

¹³⁷ Андрей Чеботарев, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

¹³⁸ 18 февраля 2012 года на исламистском портале «Umma News» было размещено примечательное интервью с известным в среде террористов шейхом Ясиром Бурхами (фрагмент): «Вопрос: Призвал аль-Кардави мусульман Чечни сложить оружие и мирно жить в составе российского государства. Каков взгляд уважаемого шейха касательно данных заявлений? Ответ: Фатва аль-Кардави предельна в своей порицаемости и ложности! Мы просим Всевышнего Аллаха за муджахидов Кавказа и всех других муджахидов во всём мире, пусть Аллах им поможет и дарует всей нашей Умме близкую победу!»

столкновений, совершения точечных диверсий в заранее выбранных «болевых точках».

В целом, с точки зрения идеологов радикального ислама, современная военно-политическая обстановка в мире благоприятна для ведения войны на всех направлениях с целью создания «мирового халифата». В этом плане целый ряд регионов РФ – Поволжье, Северный Кавказ, Ставропольский край, Сибирь и проч. представляют собой очевидные объекты для наступления, отправной точкой которого может стать Афганистан. Именно за счет перманентно нарастающей мусульманской миграции исламистские бандформирования получают возможность проникновения в оперативную глубину российской территории.

Проблемы реагирования на военные вызовы

Одна из проблем реагирования на складывающиеся угрозы состоит в том, что в России отсутствует консолидированная политическая позиция по вопросу афганской проблемы и участия в ней России. На данный момент, оценки роли России разнятся от максимального дистанцирования от проблемы будущего Афганистана, до прямого, вплоть до военного вмешательства. Осторожные оценки сценариев развития событий со стороны руководства ОДКБ пока никак не влияют на характер развития самой организации, который остается скорее инерционным, чем целенаправленным.

На это накладывается уже отмеченная выше (см. п. 2.1. Части II настоящего доклада) военная и инфраструктурная слабость российского присутствия в ЦАР, совершенно несоизмеренная с масштабами потенциальных угроз.

В октябре 2009 года Академия военных наук РФ провела совместный с казахскими военными анализ возможностей реагирования на угрозы со стороны Афганистана. В докладе «Прогноз развития военно-политической обстановки в Центральном-Азиатском регионе» полковник ВВС РФ Сергей Гаврилюк подчеркнул **коммуникационную уязвимость российских военных баз в регионе**: «Базы размещаются в географически обособленных районах, что накладывает целый ряд ограничений на их функционирование... Авиационные подразделения из-за своей малочисленности способны решать только ограниченный круг задач. Анализ состава и структуры авиационных баз показывает, что они функционируют автономно, в отрыве от основных сил. Сдерживающим фактором в реализации боевых возможностей авиационных подразделений является ограниченное число аэродромов и неразвитость авиационной инфраструктуры в регионе, что делает невозможным маневр авиационных подразделений на другие направления. Наиболее сложным для выполнения боевых задач авиацией является юг и юго-запад Таджикистана, юг Узбекистана и особенно север и северо-восток Таджикистана, где исключается создание сплошного радиолокационного поля».

Пример Ирака показал, что исламистские группировки могут в кратчайшие сроки трансформироваться в серьезную военную силу, использующую

современные средства вооружения, включая авиацию, артиллерию и бронетехнику (в случае с Афганистаном источником большого количества тяжелого вооружения может оказаться сама армия Афганистана, оснащенная благодаря усилиям США и союзников).

В настоящее время ОДКБ в силах решать ограниченные задачи по локализации малых конфликтов малой же интенсивности. Сценарий, подобный иракскому, который может повториться в Афганистане, поставит ситуацию в Центральной Азии на грань катастрофы. И российские военные базы станут заложниками политических режимов стран, в которых они находятся. Учитывая их и без того слабую лояльность, можно смело заявить, что наилучшим сценарием для России окажется эвакуация своих сил, что в критической ситуации, учитывая возможности текущей инфраструктуры, крайне проблематично. Иными словами, текущее военное присутствие России в регионе – это присутствие «мирного времени», совершенно не готовое к негативным вариантам развития событий.

По замыслу руководства России и ОДКБ, страны-члены Организации должны консолидировано, единым фронтом выступить против афганской угрозы. На данный момент это не подкрепленное фактами оптимистическое предположение.

По итогам международной конференции «Средний Восток и Центральная Азия в общем геополитическом пространстве», которая прошла 11 октября 2013 года в Алма-Ате, руководитель Центра перспективных исследований (Кыргызстан) Сергей Масаулов сделал следующий вывод: «Центральная Азия не складывается как единый регион. И лидеры стран ведут свою политику по отдельности, как с геополитическими странами-лидерами, так и другими субъектами. *Регион сейчас находится в точке бифуркации*». Существующая напряженность между КР, РТ и Узбекистаном прямо играет на руку талибам и значительно облегчает их стратегические планы по провоцированию общерегиональной войны.

Межгосударственные противоречия в регионе тесно переплетаются с межэтническими. Как на тех, так и на других могут сыграть исламские экстремисты, базирующиеся на территории Афганистана. Один из примеров – положение узбеков в Таджикистане, где, по мнению узбекских националистов, официальная пропаганда *«пытается навязать таджикской общественности стереотип Узбекистана как «виновника» всех бед Таджикистана. В обществе все более заметно распространение и укрепление нездоровых националистических убеждений. Они основываются на идее политического и культурного превосходства таджикской этнической группы над всеми остальными, населяющими Таджикистан, при все более заметных антиузбекских настроениях»*¹³⁹.

¹³⁹ Блог Абдулло Мамазаирова

На межгосударственные и межэтнические разногласия стран региона накладывается уже отмеченная выше (п. 2.1. Части II настоящего доклада) проблема с оперативностью развертывания сил ОДКБ.

10 октября 2013 года начальник главного штаба Вооруженных сил Кыргызстана Ильязбек Субанкулов, выступая на прошедшей в Бишкеке конференции «Афганистан – 2014: перспективы развития ситуации в ИРА, вызовы и угрозы безопасности в Центральной Азии», дал следующий ответ на вопрос «Сколько времени потребуется, чтобы были задействованы силы ОДКБ в случае ЧП? Кто принимает решение о применении КСОР?»:

«Одного человека, который бы командовал КСОР, нет. Каждое государство суверенно, в каждом существует свое законодательство, которое никто не вправе нарушать. Действия подразделений будут основываться на законодательстве стран. Кроме того, не стоит забывать и о нормах международного права. Соглашением определен срок, на межгосударственное согласование решения государствами-участниками ОДКБ о применении КСОР – это семь суток. И столько же на принятие решения. Итого – 14 суток».

Добавим сюда время необходимое на процедуру передачи решений командной инстанции ОДКБ непосредственно в войска, а также время на подготовку и переброску войск на ТВД. Практически это означает, что **никакого оперативного реагирования у сил оперативного реагирования ОДКБ быть не может**. Принимая во внимание, что группировка противника будет начинать боевые действия внезапно и из района, расположенного в непосредственной близости от границы, приходим к следующему выводу: пока подразделения КСОР придут на ТВД, противник успеет совершить глубокий оперативный прорыв. Это значит, что вместо sporadических боевых действий по периметру границ российские военные в составе КСОР – если решение на применение сил все же будет принято – с высокой вероятностью окажутся в эпицентре крупномасштабного регионального конфликта.

Таким образом, планы руководства ОДКБ по организации единого фронта против будущего вторжения со стороны Афганистана находятся в определенной противоречии с реальной военно-политической обстановкой в ЦАР и существующим механизмом согласования политических и военных решений.

Динамика ситуации в Афганистане

Между тем, ситуация в Афганистане далека от нормализации. 10 октября 2013 года посол России в Киргизии Андрей Крутько заявил: «Боевики ряда террористических движений расположились на севере Афганистана в непосредственной близости от границ стран Центральной Азии. На некогда спокойных северных территориях Афганистана значительно усилились позиции таких религиозно-экстремистских организаций, как «Хизб ут-Тахрир» и «Джамаат». Террористы из «Исламского движения Узбекистана» и «Талибана» прочно пустили корни в этих местах».

Последние годы (2012-2014 гг.) лидеры экстремистских организаций Афганистана выступают единым фронтом, реализуют всестороннюю стратегию (ComprehensiveStrategy), представляющую собой оптимально скомпонованные варианты, которые одновременно позволяют оказывать давление на действующую власть, внедряться в политическую систему на всех уровнях, при этом оставляя свободу рук для вооруженного захвата власти. Велика вероятность того, что в обозримом будущем противники коалиции перестанут представлять собой хаотическое сборище иррегулярных, вооруженных легким стрелковым оружием подпольных отрядов. События последних месяцев в Ираке показывают, что мобилизованная и обученная американскими военными инструкторами армия может полностью или частично перейти на сторону исламских фундаменталистов (в Афганистане численность регулярной армии составляет 180 тысяч солдат и офицеров). Дополнительным «бонусом» станут горы оружия, которые США поставляли предыдущие десять лет в Афганистан (в августе 2012 года руководство Агентства по оборонному сотрудничеству и безопасности Пентагона обнародовало отчет, согласно которому афганские войска получили оружия на общую сумму 5,4 млрд долларов). Наконец, не следует исключать варианта, при котором исламские фундаменталисты попытаются прийти к власти законным (т.е. электоральным) путем. С точки зрения заместителя генсека ОДКБ Геннадия Невыгласа, высказанной им на конференции «Афганистан – 2014: перспективы развития ситуации, вызовы и угрозы безопасности в Центральной Азии в контексте вывода Международных сил содействия безопасности», *«талибы - реальная сила. В последнее время им удалось восстановить свой потенциал и структуру. Мы даже не исключаем того, что они могут занять законным путем места во власти. Силы талибов не стоит недооценивать»*.

Справедливости ради, следует отметить, что подобный алармистский подход к проблеме Афганистана разделяют не все эксперты.

Так, эксперт Российского совета по международным делам Никита Мендкович считает, что риск крупномасштабной агрессии талибов значительно сократился после мирного соглашения афганских кандидатов на пост президента (Ахмадзая и Абдуллы) и устранения угрозы конституционного кризиса. Афганская армия достаточно сильна, чтобы ближайшие несколько лет удерживать ситуацию под контролем при сохранении иностранной спонсорской помощи. Взятие Кабула талибами маловероятно, но тот или иной уровень террористической активности в стране будет в ближайшие годы сохраняться. Однако Мендкович допускает рост угрозы со в результате активизации террористов в провинциях Бадахшан, Фарьяб, Балх и т.д.¹⁴⁰

В любом случае, наихудшие сценарии должны тщательно прорабатываться даже при низкой вероятности их осуществления. Эти сценарии предполагают, что на южных рубежах ОДКБ появится мощная армия радикальных исламистов, имеющая на вооружении авиацию, танки, артиллерию, реактивные системы

¹⁴⁰ Никита Мендкович, интервью в рамках подготовки доклада. Сентябрь 2014

залпового огня. В этом случае, в ходе будущей войны КСОР ОДКБ предстоит столкнуться с хорошо подготовленной и вооруженной, многочисленной армией вторжения.

Учитывая ограниченные возможности КСОР ОДКБ для решения оперативных задач в условиях полномасштабной региональной войны, эксперты делают вывод о том, что разработанные ОДКБ и МО РФ решения, подразумевающие применение российских войск на территориях Таджикистана и Кыргызстана, имеют крайне слабое практическое обоснование и не только не обеспечивают реального решения задачи по защите внешнего периметра южных рубежей России, но и являются бесполезными с точки зрения обеспечения внутренней безопасности страны.

4.4. Стратегия не прямых действий по Афганистану

Очевидная задача российской стратегии на данном направлении состоит в том, чтобы либо локализовать угрозу в пределах самого Афганистана, либо – при наихудшем сценарии развития событий – создать такую обстановку, которая обеспечит прямое применение российских войск в заведомо преимущественных условиях и с гарантированно минимальными потерями.

Основные военные причины ставки на стратегию не прямых действий.

Верховный Главнокомандующий РФ В.В. Путин в Послании к Федеральному собранию 10 мая 2006 года заявил: «В 1999 году, когда возникла необходимость противостоять масштабной агрессии международного терроризма на Северном Кавказе, для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек». Очевидно, что в ходе возможной войны в ЦАР ВС РФ придется противостоять угрозе, несоизмеримо большей по масштабу, чем вторжение чеченских бандформирований в Дагестан в сентябре 1999 года. Это означает, что минимально необходимая численность группировки войск должна будет составлять от 150 до 200 тыс. солдат и офицеров. В этой связи отметим, что в июле 2012 года достоянием гласности стала служебная записка статс-секретаря МО РФ Николая Панкова на имя тогдашнего министра обороны Анатолия Сердюкова, в которой приводились следующие цифры: «По состоянию на апрель в Вооружённых Силах имелось 160100 офицеров, 189700 контрактников и 317200 призывников, то есть всего 667000 человек». 5 марта 2013 года глава администрации президента РФ Сергей Иванов своим заявлением о том, что «численность российской армии должна достигать миллиона человек, иначе это будет опасно для страны» фактически подтвердил приведенные выше цифры. Исходя из данных цифр, численность сухопутных войск ВС РФ можно оценить в 300 тыс. штыков, из которых только 60-65% входят в число «активных». **Необходимо избегать вступления ВС РФ в войну до завершения программы перевооружения (ГПВ до 2020 г.), а также до**

восстановления структуры СВ дивизия-корпус-армия и формирования системы подготовки резервов.

Крупномасштабная угроза со стороны Афганистана – это только одна из нескольких военных угроз, все более отчетливо проступающих непосредственно на рубежах России. На Северном стратегическом направлении происходит формирование российской Арктической группировки и развертывание военно-морской и военно-воздушной базы на Новосибирских островах. На Южном стратегическом направлении тлеющим очагом войны был и остается Северный Кавказ. На Южном Кавказе сохраняется также высокая вероятность дестабилизации обстановки в связи с наращиванием гонки вооружений со стороны Азербайджана и «размораживанием» карабахского конфликта. Наконец, на западном направлении Россия вот уже несколько месяцев находится на грани вступления в войну. Перемирие на Донбассе остается шатким. Но даже если демаркационная линия стабилизируется на какой-то период, боевые действия могут начаться вновь после дополнительной мобилизационной и военно-технической подготовки ВСУ Украины. Вполне реальна и попытка военного реванша в Крыму.

Таким образом, в условиях наличия реальных военных угроз на всех направлениях, а также при ограниченной боеготовности ВС РФ, втягивание российских войск в войну на территории ЦАР более чем нежелательно. Напротив, обстановка требует, чтобы те относительно немногочисленные силы, которые сегодня имеются в наличии, не были связаны затяжными боевыми действиями.

Схема стратегии не прямых действий в Афганистане и ЦАР

В период 90-х гг. Россия имела в целом удачный опыт реализации стратегии не прямых действий в Афганистане. Он заключался в поддержке вооруженных формирований «Северного альянса», за счет чего решались задачи по сдерживанию талибов. Эта схема имела свои недостатки: достаточно вспомнить многочисленные прорывы отрядов талибов на территорию Таджикистана в 1994-1996 гг., сопряженные с серьезными потерями среди российских пограничников и военных контингента КМС. Тем не менее, современная и потенциальная картина обстановки в Афганистане диктуют необходимость использования этого опыта. По мнению многих специалистов, значительной и невразумительной России антиталибской силой является политическое объединение «Национальный фронт Афганистана», созданное Ахмадом Зия Масудом – братом знаменитого Ахмад Шаха Масуда. На волне традиционно непримиримых противоречий между пуштунским юго-востоком, находящимся под контролем «Талибана» и северными племенами, фигура брата легендарного «Пандшерского льва» может стать центром притяжения немногочисленных, но реальных противников оголтелых исламистов. Подчеркнем, что Ахмад Зия Масуд неоднократно заявлял о своей готовности к сотрудничеству с Россией в рамках совместного противодействия талибской угрозе. Таким образом, схема стратегии не прямых действий в Афганистане может включать:

- налаживание системного политического диалога с «Национальным фронтом Афганистана» и другими антиталибскими объединениями;
- поддержку различных экономических, социальных, гуманитарных проектов антиталибских движений, ;
- подготовку на территории РФ всех категорий военных и гражданских специалистов;
- в случае резкого обострения обстановки в Афганистане – возможность поставок вооружения и боеприпасов для отрядов самообороны и антиталибских сил.

Всесторонняя поддержка антиталибских сил на севере Афганистана может создать определенные помехи в реализации планов лидеров исламских бандформирований по прорыву в ЦАР и провоцированию там региональной войны.

В силу значительного численного и вооруженного превосходства «Талибана» и его союзников, не следует преувеличивать возможностей «Национального фронта Афганистана» и других антиталибских сил по обеспечению гарантированного сдерживания. Поэтому необходимо принять особые меры с целью создания по периметру границ стран ЦАР с Афганистаном и в оперативной глубине на наиболее угрожающих направлениях **хорошо развитой в инженерном отношении, эшелонированной системы обороны границы.**

Данная мера настолько очевидна, что уже на протяжении двух лет активно обсуждается в формате ОДКБ. Так, 26 сентября 2013 года страны ОДКБ приступили к рассмотрению вопроса о создании **пояса безопасности на внешних границах** организации. Причем предполагается комплекс мер по двустороннему усилению охраны границ. Россия объявила о готовности помочь Афганистану в оснащении его северных рубежей. Такое содействие предполагает поставку на заставы этой страны современных камер, вертолетов и береговых катеров для патрулирования периметра. Особо подчеркнем: ставится задача усиления границы Афганистана с Таджикистаном и Узбекистаном общей протяженностью 2,4 тыс. км. Свое согласие с данными мерами задекларировали РТ и КР. Конкретно речь идет об установке сплошных проволочных заграждений, усилении пограничного и таможенного контроля. Также предусматривается переход на новые способы охраны границы: создание блок-постов, наблюдательных пунктов, оборудование блиндажей на возвышенностях. Между странами ОДКБ достигнуто соглашение об аналогичных мерах по укреплению таджикско-афганской границы, протяженность которой составляет 1700 км.

В этом контексте особое внимание необходимо уделить территории Горного Бадахшана. Это ключевая стратегическая позиция, находящаяся на пересечении границ Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. Ее захват обеспечил бы исламским бандформированиям важнейший плацдарм, который позволит не

только закрепиться на территории Таджикистана, но и откроет возможность для проведения наступательных операций на сопредельные государства.

При проведении в октябре 2009 года Академией военных наук РФ совместно с казахскими военными анализа обстановки, были определены прочие вероятные направления активных действий исламских бандформирований: «Приграничный конфликт наиболее вероятен на Пянджском, Калай-Хумбском и Хорогском направлениях, где имеются необходимые для боевых действий условия: наличие подъездных путей, возможность скрытого выдвижения и развертывания бандформирований в боевые порядки. В районах Кофарнихон, Куляб, Курган-Тюбе возможны внутренние конфликты. Внутренний конфликт в районе Ходжента может перерасти в региональный, так как здесь сходятся интересы трех государств: Таджикистана, Узбекистана и Киргизии».

Создание Южного рубежа обороны России

В военно-политическом руководстве РФ уже не первый год дискутируется вопрос о том, где должен проходить основной южный рубеж обороны страны: по линии входящего в Таможенный союз Казахстана или по линии границ Афганистана со странами ЦАР. Ответ на этот вопрос можно получить при проведении сравнительного анализа условий ведения боевых действий в северном и южном секторах ЦАР. Приведем фрагмент из уже упоминавшегося выше аналитического доклада Академии военных наук РФ, подготовленного полковником ВВС Сергеем Гаврилюком: *«Сложный горный рельеф района действий (в южном секторе ЦАР-Авт.) ограничивает использование на самолетах Су-25 внешних подвесок с массой до 4000 кг, обеспечивающих выполнение необходимых маневров. Скалистые горные хребты в районах н.п. Джигарталь, Тевиль-Доре, Калай-Хумб, Рушан, Хорог с большим количеством естественных укрытий облегчают маскировку объектов противника, что затрудняет выход на цель и ее поиск, построение маневров для выполнения атак, накладывает ограничения на применение средств поражения и выбор боевых порядков».*

Для сравнения: периметр границы Казахстана со странами ЦАР представляет собой голую, как стол, местность, где практически нет складок местности, которые могут послужить для укрытия живой силы и техники противника. Характер ландшафта – пустыня и песчаная степь, протянувшаяся на многие сотни километров – представляет собой сильную естественную преграду, где количество дорог, пригодных для передвижения войсковых колонн, крайне ограничено. Таким образом, и речи быть не может о возможности скрытого выдвижения и сосредоточения крупных группировок противника – все перемещения исламских бандформирований будет легко вскрыть посредством спутниковой, авиационной, беспилотной разведки. Нанесение воздушных ударов в таких условиях будет выгодно для ВВС РФ (КАС ОДКБ) и не оставит противнику шансов укрыться от поражения.

Следующий момент: развертывание сети военных баз на территории союзного Казахстана представляется гораздо менее проблематичным, нежели аналогичные меры в странах ЦАР. Это означает, что **именно по линии казахской границы с государствами Средней Азии наиболее целесообразно создать Южный рубеж**. Политическое руководство Казахстана неоднократно заявляло о необходимости перекрытия границ со странами ЦАР и резко выступало против массовой миграции оттуда. Таким образом, нет никаких серьезных препятствий для организации соответствующего взаимодействия между Москвой и Астаной. В случае обострения обстановки в Афганистане именно на казахской территории, с военной точки зрения, оптимально дислоцировать группировку ВС РФ, а режим охраны границы осуществлять посредством патрулирования авиацией, дронами и подвижными боевыми группами наземных войск.

Проблема беженцев

Сценарии военных конфликтов в ЦАР, вне зависимости от того, что выступит их спусковым механизмом – межгосударственные и межэтнические конфликты стран региона, вторжение из Афганистана, внутренние «исламские революции» – предполагают возникновение массовых потоков беженцев, львиная доля которых, учитывая налаженные миграционные связи, безвизовый въезд и слабоконтролируемую границу, устремится в Россию.

Это может оказать существенное и крайне негативное воздействие на социально-экономическую и на этно-конфессиональную ситуацию в России. Наличие в России многомиллионной армии мигрантов из Центральной Азии, объединенных по этническому и конфессиональному признаку, придает сценарию появления в РФ беженцев из Центральной Азии дополнительное измерение. Как показано в Части первой данного доклада (а также в ранее представленном докладе ИНС «Социальные риски иммиграции»), имеющееся на сегодня количество мигрантов-мусульман уже является критическим для сохранения социальной и политической стабильности в крупных городах и стратегически важных регионах России. Одномоментное увеличение этого проблемного контингента неизбежно вызовет обострение социальных, этнических, конфессиональных противоречий, резкое ухудшение криминальной обстановки в стране.

В этой связи необходимы комплексные меры политико-правового, инфраструктурного, организационного характера призванные исключить возможность свободного распространения вынужденных переселенцев из ЦАР по территории РФ, придать процессу их размещения контролируемый, локальный и сугубо временный характер.

5. Выводы и рекомендации

5.1. Противодействие распространению радикального исламизма

- Отсутствие должной координации между спецслужбами России и республик Центральной Азии приводит к тому, что в России о личности того или иного исламиста из числа мигрантов узнают только по факту совершения им преступления и его ареста российскими правоохранительными органами. Избежать этого возможно за счет усиления сотрудничества по линии спецслужб.
- Отмечается острый дефицит специалистов в органах ФМС, которые могли бы выявлять религиозных фундаменталистов, ставить их на учет, вести за ними негласный контроль. Необходимо привлечение к работе в органах ФМС профессиональных религиоведов, востоковедов, иных экспертов, специализирующихся на выявлении исламистов.
- Мусульманское духовенство России из числа ее коренных народов следует использовать для выявления радикальных элементов среди прихожан-мигрантов: российские имамы не должны быть в роли покровителей ваххабитов. Со стороны правоохранительных органов и государства должны быть даны гарантии безопасности российскому мусульманскому духовенству, которое порой находится в роли мишени для агрессии со стороны приезжих радикалов. Более того, на имамов следует возложить ответственность за случаи пропаганды религиозного радикализма в их мечетях.
- Необходима мобилизация всех государственных органов на противодействие формированию этнических анклавов мигрантов, активному заселению целых городов на Крайнем Севере: если этого не сделать, то можно ожидать в будущем превращения их в зону перманентного этнорелигиозного конфликта и центры распространения радикальных течений ислама.
- Российское законодательство по отношению к религиозным экстремистам крайне либерально, по сравнению с республиками Центральной Азии. Это является постоянно действующим стимулом к экспорту исламизма в РФ. В этой связи, *религиозный экстремизм* целесообразно выделить в отдельную категорию уголовно наказуемых преступлений, строгость наказания по которым должна быть на уровне законодательств Центральной Азии и Китая.
- Противостоять мигрантскому исламизму без противостояния самой массовой иммиграции из мусульманских регионов с архаичным социальным укладом будет крайне сложно, если не сказать – бессмысленно.

5.2. Отношения России с государствами Центральной Азии

Необходимость продуманной и взвешенной стратегии отношений с государствами Центральной Азии для обеспечения национальной безопасности России не вызывает сомнений. В настоящий момент такая стратегия отсутствует; основные вопросы решаются на уровне глав государств, тогда как взаимодействие между МИДа, силовыми ведомствами России и ее центральноазиатских партнеров оставляет желать лучшего (как показывает прецедент с российским летчиком Садовничим, восемь месяцев находившимся в таджикской тюрьме, прежде чем его делом заинтересовался российский МИД).

В отсутствие комплексной стратегии, отношения Москвы с режимами государств-доноров миграции выстраиваются по формуле *«миграционная открытость в обмен на условную лояльность»*. Эта модель неприемлема по ряду причин.

- Военное и экономическое присутствие РФ в государствах региона (в первую очередь, Киргизии и Таджикистане) – это не столько интерес Москвы, сколько необходимость для самих этих государств, уязвимых в смысле экономики и безопасности. Идет ли речь о присутствии российских военных объектов или российского бизнеса в этих странах, России не должны предлагать платить дважды (не только финансовыми ресурсами, но и миграционными льготами), причем за то, что нужно не только ей, но и ее партнерам.
- Помимо «льготного» миграционного режима, у Москвы достаточно аргументов в отношениях, по меньшей мере, с Киргизией и Таджикистаном (инвестиции, кредиты, военно-техническое и энергетическое сотрудничество и др.). Вопрос в умении и готовности их эффективно использовать.
- Миграционный режим на данном направлении является фактором, имеющим настолько глубокое, комплексное, долгосрочное (и в подавляющей части негативное – о чем шла речь в предыдущей части доклада и предыдущем докладе ИНС¹⁴¹) влияние на состояние общества и национальную безопасность России, что вообще не может рассматриваться в качестве дежурной разменной карты в отношениях между главами государств.

Однако даже в том случае, если Москва рассматривает миграционную политику как один из возможных предметов политического торга и, соответственно, рычагов воздействия на партнеров в ЦАР, то для начала такой рычаг должен быть создан. По состоянию на сегодняшний момент «миграционного рычага» как полноценного инструмента в руках Москвы просто не существует – в отсутствие оборудованной границы на южном направлении, полноценной инфраструктуры выдворения нарушителей (правовой и

¹⁴¹ Социальные риски иммиграции. Июнь. 2014

материальной), специализированных полицейских подразделений, сквозной (межведомственной) системы учета и контроля иностранных граждан и т.д.

В этой связи, *введение визового режима* с государствами-донорами миграции в регионе следует воспринимать и позиционировать не как способ «отгородиться от партнеров», а как способ *обеспечить контроль* над важнейшим параметром национальной безопасности и международных отношений, каковым являются миграционные процессы (вне визовых инструментов обеспечение такого контроля маловероятно). В дальнейшем эффективно установленный визовый режим позволит проводить как более либеральную, так и ограничительную миграционную политику, в зависимости от приоритетов и обстоятельств.

Примером страны, которая существенно более жестко контролирует миграционный поток из неблагополучных регионов ЦАР, при этом сохраняя партнерские отношения с государствами и сильные позиции в регионе, является Казахстан. Учитывая, что в рамках достигнутого уровня интеграции под эгидой ЕАЭС необходимо проведение согласованной миграционной политики, представляется целесообразным взять за основу казахстанский, а не российский опыт регулирования миграции при ее формировании.

Представляется крайне опасным форсированное вступление стран региона в Евразийский экономический союз. В случае вступления в него Киргизии (на официальном уровне звучали также заявления об аналогичных перспективах Таджикистана), интеграционное объединение получает целый ряд весомых минусов (право вето для проблемных экономик на уровне Высшего совета объединения, дополнительные каналы для китайской контрабанды и афганского наркотрафика, невозможность эффективных защитных мер в сфере миграционной политики) и не получает никаких плюсов (кроме крайне сомнительного имиджевого эффекта).

Кроме того, подобные действия могут осложнить ситуацию в самих странах ЦАР. Так, в Киргизии значительная часть населения по-прежнему находится в зависимости от китайского реэкспорта, который в условиях Таможенного союза должен быть резко ограничен. Недовольство на этой почве может стать триггером политической дестабилизации (в т.ч. при помощи внешних сил). В Киргизии в преддверии выборов в парламент ожидается появление большого числа партий, образованных из неправительственных организаций, однозначно ориентированных на Вашингтон — они объединяются, укрепляются, регистрируются. Активное вмешательство России в ситуацию будет подано в общественном мнении как недопустимая агрессия. Такое вмешательство было бы для России серьезной ошибкой.

5.3. Военное сотрудничество со странами региона

Основную ставку РФ следует сделать на двустороннее военное сотрудничество с Казахстаном. Именно по линии казахской границы с государствами Средней Азии целесообразно создать Южный рубеж коллективной обороны, где прямое применение российских войск будет действительно целесообразно. Необходимо согласовать вопросы размещения военной инфраструктуры, которая, в случае возникновения военных угроз с Юга, обеспечит применение ВС РФ в заведомо преимущественных условиях и с гарантированно минимальными потерями.

Такому подходу благоприятствуют как политические (опыт союзничества с Казахстаном и платформа развития отношений в виде ЕАЭС и ОДКБ), так и географические обстоятельства (ландшафт границ Казахстана со странами ЦАР – пустыня, песчаная степь, протянувшаяся на многие сотни километров – представляет собой сильную естественную преграду, исключающую возможность скрытого выдвижения и сосредоточения крупных группировок противника, облегчающую задачи спутниковой, авиационной, беспилотной разведки и ударных средств авиации).

Ориентироваться на удержание рубежей обороны к югу от казахстанской границы силами российской армии *было бы ошибочно*. Если вместо sporadических боевых действий по периметру границ российские военные (в составе КСОР или иных форматах) окажутся в эпицентре крупномасштабного регионального конфликта, то у РФ будут крайне ограниченные возможности по их снабжению, координации и поддержке.

Серьезной проблемой является изолированность ключевых военных объектов РФ в ЦАР – военно-воздушной базы в Киргизии, и базы 201-й дивизии в Таджикистане. В случае быстрого запуска конфликта средней интенсивности (который вполне вероятен, как отмечается в разделе 4.3.) эти объекты скорее станут фактором уязвимости и перейдут в разряд спасаемых, а не спасателей. Текущее военное присутствие России в регионе – это присутствие «мирного времени», совершенно не адаптированное к негативным вариантам развития событий.

Учитывая повышенные политические риски в треугольнике Узбекистан – Таджикистан – Киргизия и крайне низкую договороспособность политических режимов данных стран (в том числе, перед лицом реальной военной угрозы), а также отмеченную коммуникационную уязвимость самих объектов, необходимо всесторонне оценить целесообразность их сохранения.

Наряду с этим, необходимо:

- развивать военно-техническое сотрудничество со странами региона, включая подготовку офицерского состава, поставки военной техники и т.д.;
- добиваться участия сторон в различных совместных программах военно-технического направления с коммерческой привлекательностью (например: оснащения вооруженных сил российским вооружением, средствами управления и связи, подготовка специалистов);
- разместить на территории этих государств мастерские по ремонту техники, находящейся на вооружении, что позволит трудоустроить местное население;
- добиться соглашения с Таджикистаном по линии ОДКБ об укреплении местных пограничников силами из Казахстана и России для борьбы с наркотрафиком и проникновением через границу вооруженных отрядов исламистов (такого рода пограничные аванпосты важны не в качестве «военных заслонов», а в качестве механизмов разведдеятельности и активного мониторинга обстановки);
- стремиться к аналогичному соглашению с Туркменией на двусторонней основе;
- активизировать диалог с Узбекистаном об оперативном сотрудничестве по борьбе с терроризмом вне рамок ОДКБ.

5.4. Афганистан

Необходима разработка специальной «постафганской дорожной карты», в которой были бы предусмотрены все возможные варианты развития ситуации, а также пути наращивания военно-технического и политического сотрудничества с государствами Центральной Азии, в том числе, через механизмы таких международных структур, как ОДКБ и ШОС.

Наряду с укреплением Южного рубежа обороны (граница Казахстана), необходимо дальнейшее развитие трансграничного сотрудничества со странами региона и укрепление границ СНГ. Перспективным представляется также решение задач по противодействию угрозам со стороны Афганистана в рамках стратегии не прямых действий. Для этого, в частности, необходимо:

- оказывать поддержку антиталибским силам на севере ИРА;
- содействовать трудовой мобилизации в странах ЦАР за счет находящихся на территории РФ мигрантов для строительства инженерных сооружений в приграничных с Афганистаном укрепленных районах, а по мере необходимости – и военной мобилизации;

- разработать комплекс мер по укреплению стратегического тыла КСОР ОДКБ (ВС РФ) применительно к угрозам, связанных с исламистскими настроениями мигрантов в регионах РФ.

5.5. Китай

Оптимальная стратегия России в условиях возрастающей конкуренции со стороны Китая в регионе Центральной Азии должна быть направлена на то, чтобы по возможности избегать зависимости от КНР (в том числе, в рамках ШОС). Для соблюдения баланса рекомендуется развивать отношения с другими южными партнерами, в частности, с Турцией и Индией. Для защиты национальных интересов России в регионе крайне важно убедить Китай в экономическом преимуществе российских транспортных путей, в том числе, Транссибирской магистрали и связанных с нею инфраструктурных проектов. Что касается ШОС, то России следует приложить усилия, чтобы вернуть ее к тому полю деятельности, в рамках которого она и создавалась – к роли организации региональной безопасности.

Инфраструктурные проекты Китая, в первую очередь, «Новый Шелковый путь», посредством которых КНР стремится связать с собой Европу через торговые, транспортные, инфраструктурные коридоры, могут быть как полем конкуренции между Россией и Китаем, так и полем сотрудничества. Задача заключается в том, чтобы убедить Китай, что «Великий шелковый путь» нужно налаживать в первую очередь не через Центральную Азию, а через Россию (БАМ, Транссиб, Крым).

В отношении конкуренции Москвы и Пекина в сфере влияния на политические элиты государств Центральной Азии, следует учитывать, что последние не вполне осознают уровень угрозы их национальным интересам со стороны Китая, предпочитая спекулировать на теме «российских имперских амбиций». Возможной стратегией в данном случае видится использование «мягкой силы», в том числе, СМИ, с помощью которых можно поддерживать обеспокоенность «китайской угрозой» в информационном поле государств Центральной Азии.

5.6. Укрепление границ

В условиях возрастающей угрозы регионального конфликта укрепление приграничных районов страны на южном направлении становится условием обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности России. Основным способом охраны должен быть оперативно-войсковой с радиолокационным прикрытием государственной границы, активным участием всех слоёв гражданского общества.

Несмотря на значительные финансовые расходы, граница России должна быть оборудована, в том числе, с точки зрения инженерно-технического оснащения и наличия частей прикрытия не только погранвойск, но и регулярной армии. Необходимо оборудование по всему периметру, включая участки соприкосновения с ныне дружественными государствами. Целесообразно размещение в приграничных районах с Казахстаном системы военных баз (включая базы ВВС).

Параллельно необходимо укрепление внешних границ СНГ. По линии ОДКБ должны предлагаться на тактическом уровне такие формы организации охраны границы, которые ставили бы оперативно-тактические командования пограничных структур государств-членов организации в максимальную зависимость от России по моделированию способов и методов охраны границы. Конечной целью должно стать присутствие на постоянной основе военных специалистов из числа российских военнослужащих в соответствующих структурах данных государств (оперативные группы). Это позволило бы осуществлять активный мониторинг военно-политической обстановки на дальних подступах.

5.7. Проблема беженцев

В случае развития негативных сценариев, связанных с прибытием беженцев из стран ЦА, представляется необходимым на основных транспортных направлениях (водный, железнодорожный, автомобильный) иметь планы развёртывания карантинных зон, лагерей в ближайшем приграничье, где будут предусмотрены места размещения людей (взрослых, детей), фильтрационные, медицинские, ветеринарные пункты; стоянки автотранспорта, места размещения животных, места по утилизации имущества, административные блоки. Все имущество данных карантинных участков в законсервированном виде должно быть сдано на ответственное хранение в ближайшие от государственной границы склады ФСБ, МЧС, ФТС. Необходимо иметь федеральный план по обеспечению *временного размещения и занятости* беженцев, предусматривающий организационные, правовые, технические решения, *исключающие* их свободное распространение по территории РФ и переселение в РФ на постоянное место жительства.

Всё это позволит системно подойти к складывающейся ситуации, избежать большинства негативных последствий возможной гуманитарной катастрофы.